P 114/163

Р 114/163

БЫВШ. ІЕР. ИЛІОДОРЪ

(Сергѣй Труфановъ).

СВЯТОЙ ЧОРТЪ

(Записки о Распутинѣ).

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ

С. П. МЕЛЬГУНОВА.

Изданіе журнала „Голосъ Минувшаго".

(ИЗДАНІЕ 2-е).

МОСКВА

1917 г.

Книгоиздательство «ЗАДРУГА» приступило къ печатанію серій народныхъ брошюръ наполитическія темы момента.

„СВОБОДНЫЙ НАРОДЪ“

1. Великіе дни. **А. М. Шубертъ.**
2. Какъ старая власть довела Россію до революціи. **К. В. Сивковъ.**
3. Николай II и его слуги. **В. Е. Сыроѣчковскій.**
4. Временное правительство. **Б. Е. Сыроѣчковскій.**
5. Амнистія и борцы за свободу. **М. А. Осоргинъ.**
6. Учредительное собраніе. **М. В. Вишнякъ.**
7. Всеобщее избирательное право. **Е. М. Побѣдина.**
8. Равноправіе женщинъ. **Е. Д. Кускова.**
9. Передъ выборами.
10. Свободные граждане въ свободныхъ странахъ. **Н. А. Кабановъ.**
11. Особыя положенія и особые суды. **Я. Л. Берманъ.**
12. Республика или монархія? **Т. И. Полнеръ.**
13. Отвѣтственное министерство **Н. П. Губскій.**
14. Одна или двѣ палаты? **Н. А. Кабановъ.**
15. Единое государство и союзъ государствъ.
16. Польша. **Л. С. Козловскій.**
17. Финляндія.
18. Война или миръ? **А. С. Буткевичъ.**
19. Война и кооперація. **Н. П. Огановскій.**
20. Продовольственное дѣло. **Н. П. Огановскій.**
21. Деньги и причины дороговизны. **А. В. Пѣшехоновъ.**
22. Свободные солдаты и офицеры.
23. Крестьянскій съѣздъ. **Н. П. Огановскій.**
24. Совѣты рабочихъ депутатовъ.
25. Самоуправленіе.
26. Народное земство. **Е. А. Звягинцевъ.**
27. Мелкая земская единица или волостное земство. **Е. А. Звягинцевъ.**
28. Полиція и милиція. **П. В. Всесвятскій.**
29. Судъ и наказаніе. **П. В. Всесвятскій.**
30. Земельный вопросъ въ учредительномъ собраніи. **Н. П. Огановскій.**
31. Вильгельмъ II—врагъ русской свободы, **В. Н. Перцевъ.**
32. Пѣсни свободы. **И. Н. Розановъ.**

Цѣна выпуска 15—20 коп.

Въ настоящее время вышли брошюры №№ 1, 10 и 30.

Р 114/163

2 экз.

БЫВШ. ІЕР. ИЛІОДОРЪ

(Сергѣй Труфановъ). ; иеромонах ; 1880-1952)

СВЯТОЙ ЧОРТЪ

(Записки о Распутинѣ).

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ

С. П. МЕЛЬГУНОВА.

МОСКВА.
Тип. Т-ва Рябушинскихъ, Страстной бульв., Путинковскій пер., соб. домъ.
1917.

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

7017-99

ЭК

2007237904

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Послѣ убійства Распутина газеты на нѣсколько дней получили возможность довольно ярко изобразить и личность Распутина и его тлетворное віляніе на всю окружающую среду. То, что было секретомъ, стало явно для всѣхъ и могло убѣдить даже наибольшихъ скептиковъ и сомнѣвающихся. Но тѣмъ не менѣе до сихъ поръ была лишь приподнята завѣса надъ темнымъ царствомъ придворнаго быта. Воспоминанія Иліодора или вѣрнѣе его разоблаченія даютъ огромный матеріалъ и для характеристики таинственной, скорѣе, темной личности Распутина и его вліянія на придворные и правительственные круги. Недаромъ авторъ воспоминаній назвалъ свое описаніе «страшной книгой». Передъ читателемъ пройдетъ въ сущности безобразная картина гніенія и разложенія стараго режима—монархіи и всего ея правительственнаго аппарата—наканунѣ паденія. Редакція «Голоса Минувшаго» въ послѣдніе годы тщательно собирала матеріалы, касающіеся распутинской эпопеи. Не потому, конечно, что ее интересовала весьма заурядная личность тюменьскаго «старца» и «пророка» и его альковныя похожденія; и не потому, что чудовищный развратъ, захватившій часть великосвѣтскаго общества зафиксировалъ собой, пожалуй, небывалую страницу въ исторіи, столь обильной вообще патологическими явленіями,—Распутинъ и его клевреты срослись органически со всѣмъ правительственнымъ механизмомъ послѣдняго изъ Романовыхъ. Вызываетъ отвращеніе и презрѣніе не этотъ грубый, сладострастный мужикъ, попавшій волею судебъ въ среду пресытившагося вырожденія, явившійся слѣпымъ, въ концѣ-концовъ, орудіемъ дѣльцовъ и аферистовъ, а тѣ царскіе слуги, тѣ пресмыкающіеся рабы, которые въ рукахъ своихъ держали министерскіе портфели и своекорыстно правили Россіей подъ эгидой распутинскаго покровительства. Новое правительство безспорно найдетъ въ потайныхъ архивахъ достаточное количество документовъ, которые раскроютъ передъ нами работу распутинской банды за послѣдніе годы стараго режима. Обвинительный актъ противъ романовской династіи составить нетрудно, слишкомъ явны и велики ея преступленія, но въ распутинскомъ дѣлѣ, какъ въ фокусѣ, концентрируется та мерзость запустѣнія, которая характеризуетъ намъ отошедшій въ вѣчность русскій деспотизмъ. Именно оно окончательно дискредитировало и престижъ власти, и династію въ массовыхъ кругахъ обывателя, заставило отшатнуться отъ монархіи даже тѣ мѣщанскіе круги, для которыхъ сохранился все еще ореолъ царской власти.

Признавая съ этой точки зрѣнія за матеріалами, касающимися Распутина и дѣятельности окружавшей его придворной и банковской клики, огромное первостепенное, общественное значеніе, мы считаемъ своимъ долгомъ удѣлять и впредь на страницахъ журнала мѣсто этимъ матеріаламъ.

VI

Теперь нѣсколько необходимыхъ вводныхъ словъ о личности автора воспоминаній и о тѣхъ матеріалахъ, которые въ нихъ заключаются. Вѣроятно, читателямъ можно и не напоминать о томъ, что представлялъ собой Иліодоръ въ революціонные годы или вѣрнѣе въ наступившую затѣмъ полосу реакціи. Всѣмъ памятны необузданныя выступленія иліодоровцевъ, творившихъ подъ покровомъ таинственныхъ связей и высокаго покровительства въ Царицынѣ, Саратовѣ и другихъ поволжскихъ городахъ самое невѣроятное. Руководителю погромной дружины («меня окружаютъ люди, у которыхъ сапоги бутылками, а кулаки здоровые—русскіе»,—говорилъ въ 1909 году на одной изъ своихъ «пасторскихъ бесѣдъ» въ Саратовѣ о. Иліодоръ) нельзя было въ дѣйствительности отказать въ бурнопламенномъ темпераментѣ: недаромъ и газета, которую затѣвали въ то время иліодоровцы, должна была именоваться «Громъ и молнія». Монахъ—фанатикъ! Развѣ это уже столь необычное явленіе? Отнюдь нѣтъ. Легко понять и силу воздѣйствія на толпу, состоявшую всегда у Иліодора почти исключительно изъ женщинъ да небольшой группы молодцовъ съ кулаками. Тутъ нѣтъ психологической загадки; она понятна для каждаго, кто наблюдалъ различныя проявленія религіознаго фатанизма и его гипнотизирующаго вліянія на некультурныя массы: это своего рода психическая зараза. Она знакома историкамъ, объяснена психологами и ярко изображена въ литературѣ. Необычность иліодоровщины была въ другомъ:—она переходила въ сферу политики и здѣсь, сталкиваясь съ своеобразными государственными условіями, пріобрѣтала совершенно исключительный обликъ съ бытовой стороны—иліодоровщина оказывалась какъ бы внѣ государственнаго воздѣйствія, становилась недосягаемой и для синода. Тщетны поэтому были всѣ думскіе запросы. Мнѣ ни разу не пришлось видѣть Иліодора, но разъ удалось видѣть и бесѣдовать съ еп. Гермогеномъ, ближайшимъ покровителемъ, единомышленникомъ и соратникомъ въ иліодоровскихъ подвигахъ. Я видѣлъ его въ періодъ опалы, когда уже протекло нѣсколько лѣтъ послѣ памятныхъ активныхъ дѣйствій. У людей отставныхъ пылъ всегда ослабляется. Но и тогда я увидалъ передъ собой какъ бы воочію прежняго Никиту Пустосвята, быть можетъ, незлобиваго и добродушнаго къ своимъ и готоваго итти подъ сѣнью креста громить враговъ и громить ихъ такъ, чтобы отъ нихъ «остались лишь калоши», какъ однажды послѣ учиненнаго погрома хвалился въ свое время Иліодоръ. Былъ ли Иліодоръ фанатикомъ такого типа? Не знаю, конечно, но не слѣдуетъ забывать того, что Иліодоръ не былъ какимъ-нибудь изувѣрнымъ, темнымъ монахомъ, лишеннымъ образованія, погрязшимъ въ предразсудки, готовымъ, какъ въ средневѣковье, вступать въ реальную борьбу съ чертями—это былъ человѣкъ, окончившій с.-петербургскую духовную академію. Такой человѣкъ, если онъ только нормаленъ, едва ли могъ искренно выступать противъ «газетныхъ стервятниковъ» и «гидры революціи» въ той именно формѣ, какъ это дѣлалъ Иліодоръ. Линія его поведенія была неизмѣнна въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, и ничто его не смущало.

Въ концѣ 1911 г. онъ достигъ какъ бы апогея своего величія—въ это именно время онъ получаетъ впервые доступъ въ высшія сферы; въ это именно время начинается борьба Иліодора и Гермогена противъ того, съ обличеніями кого онъ выступаетъ въ своей книгѣ,—борьба, которая и низвергла Иліодора. Начиная борьбу, повидимому, онъ

преувеличилъ силу своего вліянія. По крайней мѣрѣ въ августѣ 1911 г., отправляясь въ Петербургъ и прощаясь со своей «дружиной храброй», онъ держалъ такую рѣчь передъ своими поклонницами: «Я ѣду въ далекое путешествіе совершать, а, быть можетъ, и закончить то великое дѣло, о которомъ я уже говорилъ вамъ нѣсколько разъ.... Собирается конгрессъ православныхъ людей со всего свѣта. Я тоже приглашенъ на этотъ конгрессъ. Гдѣ будетъ происходить онъ, я не скажу. Мнѣ предложено главное мѣсто въ конгрессѣ, я буду предсѣдательствовать. Соберется этотъ конгресъ для того, чтобы рѣшить разъ навсегда, какъ поступать съ безбожниками. Конгрессъ выработаетъ самыя рѣшительныя мѣры противъ жидовъ, безбожниковъ и русскихъ дураковъ»... Черезъ годъ Иліодоръ, по собственнымъ словамъ, сбросилъ съ себя «бремя религіознаго суевѣрія и колдовства», сталъ мыслить разумно, объявилъ, что отдаетъ себя подъ защиту оппозиціи Государственной Думы и высказывалъ твердую вѣру, какъ писалъ А. С. Пругавинъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» 30 октября 1913 г., что у насъ будутъ въ ближайшее время осуществлены элементарныя условія общественной жизни: свобода совѣсти, свобода слова, свобода личности. Но неужели Иліодоръ, очарованный суевѣріемъ и «колдовствомъ»,былъ такъ наивенъ въ 1911 г., что не понималъ той плохой демагогіи, которую заключала въ себѣ приведенная выше рѣчь къ поклонникамъ и поклонницамъ передъ отъѣздомъ въ Петербургъ? Какъ-то этому не вѣрится. Какъ бы то ни было,сжегши въ Царицынѣ въ августѣ 1911 г. чучело дракона, символически изображавшее революціонное начало (при этомъ иліодоровцы, какъ въ свое время сообщали газеты, съ «дикимъ крикомъ и визгомъ» таскали чудовище вокругъ монастыря, предавая его поруганію и причитая: «трепещите, окаянные, пощады вамъ не будетъ!»—по отношенію къ «поганой интеллигенціи»),черезъ годъ съ небольшимъ Иліодоръ сдѣлался провозвѣстникомъ свободы совѣсти, слова и личности. Поистинѣ—изумительная метаморфоза! Чѣмъ она все-таки вызвана?

Въ своихъ воспоминаніяхъ Иліодоръ послѣдовательно разсказываетъ о своемъ знакомствѣ съ «новоявленнымъ праведникомъ», тѣмъ «великимъ прозорливцемъ», который объявился въ 1903 г. и съ тѣхъ поръ занималъ всеобщее вниманіе. Восемь лѣтъ его связывало знакомство и даже дружба съ нимъ. Готовясь къ «ангельскому чину», человѣкъ, прошедшій духовную академію, съ чрезвычайной «наивностью» не понималъ «странностей», даже и предположить «не осмѣливался» грязныхъ мыслей въ «поцѣлуяхъ», въ «зазорныхъ» разговорахъ и дѣйствіяхъ, связанныхъ съ теоріей врачеванія отъ «блудныхъ страстей» и изгнанія бѣса, которую проповѣдывалъ Распутинъ. Все это такъ наивно, что не представляется правдоподобнымъ. Мало того, когда Иліодоръ черезъ покровительство друга въ 1909 г. возвращенъ былъ вновь въ Царицынъ, «праведникъ» сталъ казаться ему «ангеломъ», вызывавшимъ въ то же время инстинктивно «крайнее отвращеніе». Два года находясь съ послѣднимъ въ тѣсныхъ отношеніяхъ, онъ собираетъ матеріалъ и начинаетъ кампанію противъ Распутина съ «богатыремъ мысли и воли», «великимъ и праведнымъ человѣкомъ» епископомъ Гермогеномъ.

16 декабря кампанія оказалась проигранной. Съ этого момента начинается измѣненіе настроеній и взглядовъ Иліодора, приведшее къ снятію сана и къ отреченію отъ церкви. Это произошло 18 ноября 1912 года. «Иначе поступить не могъ»,—пишетъ Иліодоръ въ своихъ

воспоминаніяхъ.—Налетѣлъ вихрь, сломалъ валъ и махи мельницы ума моего, опрокинулъ ее самое и разбилъ ее. Поднялся шквалъ, девятый валъ, изломавшій мачты и паруса, въ щепки обратилъ корабль сердца моего. Нашелъ ураганъ сильный, могучій и однимъ бурнымъ движеніемъ своимъ обратилъ въ жалкія развалины домъ души моей. Какая-то невѣдомая сила, какъ будто, взяла старые мозги мои, кровь мою, сердце мое и дала мнѣ новые мозги, новую кровь и новое сердце...

30 ноября 1913 г. въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» появился фельетонъ А. С. Пругавина, написанный съ явной симпатіей къ «мятежному эксъмонаху». Авторъ говорилъ правда не столько отъ себя,сколько отъ имени знакомаго толстовца, заинтересовавшагося личностью Иліодора и посѣтившаго его въ Донской области.... «Съ своей стороны я предупредилъ г. Г,—писалъ А. С.,—что лично меня больше всего интересуетъ вопросъ о искренности Иліодора вообще и въ частности объ его обращеніи изъ Савла въ Павла, затѣмъ, что мнѣ хотѣлось бы выяснить то необыкновенное вліяніе, какое онъ несомнѣнно оказывалъ на народныя массы и, наконецъ, въ-третьихъ можетъ ли Иліодоръ при извѣстныхъ условіяхъ сдѣлаться вождемъ религіознаго движенія, если бы такое вспыхнуло въ Россіи». На г. Г. Иліодоръ произвелъ впечатлѣніе «человѣка глубокаго религіознаго чувства» и страстнаго темперамента. Вліяніе его корреспондентъ А. С. Пругавина объяснялъ съ одной стороны «глубокой любовью, которую онъ питаетъ къ народу», съ другой—«большой гипнотической силой». Иліодоръ-де сознаетъ эту «силу» и на нее возлагаетъ «свои надежды въ преобразованіи простого православнаго народа». «Преобразованія эти онъ думаетъ совершить не только въ области религіознаго сознанія, но и въ области соціальной жизни».... «Мятежный монахъ», считавшій себя въ 1911 г. «непобѣдимымъ», новидимому, зашелъ уже слишкомъ далеко. Привлеченный по ст. 73, 74 и 103, онъ предпочелъ сдѣлаться эмигрантомъ. Можетъ быть, дѣйствительно началось «просвѣтленіе»?

Лично у меня рѣзкое превращеніе Иліодора всегда возбуждало нѣкоторое сомнѣніе, несмотря на авторитетный голосъ А. С. Пругавина, неоднократно уже выступавшаго въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» со статьями объ Иліодорѣ послѣ его отреченія отъ церкви. Обстоятельства, сопровождавшія перерожденіе Иліодора, заставляли съ большой критикой подходить къ тому неофиту русской общественности, какимъ выставлялся новообращенный Савлъ. Иліодоръ въ своихъ воспоминаніяхъ подчеркиваетъ, что своими разоблаченіями онъ исполняетъ какъ бы гражданскій долгъ—это новый подвигъ, который онъ принялъ на себя, срывая «смѣлою рукою, рукою честною и правдивою», «ангельскую одежду» съ «дьявола». Теперь достаточно выяснено по подвигамъ Иліодора въ Америкѣ, что онъ въ значительной степени спекулировалъ, правда, не совсѣмъ удачно, на своихъ «сенсаціонныхъ» матеріалахъ. Въ Россіи Иліодоръ продавалъ свои воспоминанія тогда, когда ихъ нельзя было опубликовать и былъ весьма скроменъ въ своихъ желаніяхъ, такъ какъ продавалъ заглазно и могъ заинтересовать покупателей лишь съ идейной стороны. Сдѣлка состоялась, и рукопись была провезена черезъ границу. Но новичку въ литературныхъ дѣлахъ вскорѣ вскружили голову. Апетитъ выросъ. Появился Ржевскій, предлагавшій бывшему іеромонаху отъ имени Хвостова будто бы 100—200 т. руб., затѣмъ экспедиція Форда со своими 8000 долларами, наконецъ, услужливые американскіе прессъ-агенты и пр. Далѣе шли повѣствованія

объ «американскихъ неудачахъ», объ одновременной продажѣ монахомъ съ бурнопламеннымъ темпераментомъ нѣсколькимъ американскимъ фирмамъ своей книги, о судѣ и т. д. Напомнимъ и другое: въ іюнѣ прошлаго года въ газетахъ стали появляться сообщенія о томъ, что будто бы Иліодоръ возбудилъ ходатайство о возвращеніи въ Россію. Въ кругахъ, близкихъ Иліодору, говорили то же самое, т.-е., что Иліодоръ въ скоромъ времени возвращается въ Россію и примиряется съ врагами—Павелъ снова дѣлается Савломъ. Многимъ эти таинственные намеки казались лживыми навѣтами, но, какъ теперь выясняется, при обыскѣ у тибетскаго врача Бадмаева, одного изъ тѣхъ, кто былъ въ распутинской кликѣ, найдены соотвѣтствующія письма Иліодора. Сомнѣній въ личности раскаивающагося грѣшника, повидимому, послѣ этого не остается....

Трудно разъяснить пока еще опредѣленно всю эту фантастику. Давали ли Иліодору тѣ сотни тысячъ, о которыхъ писали, или это особые пріемы саморекламы, повышавшіе цѣнность таинственныхъ матеріаловъ и привлекавшіе общественное вниманіе. Американскій журналъ «The Metropolitain», купившій для печати воспоминанія Иліодора и неосвѣдомленный, вѣроятно, объ упомянутыхъ выше литературныхъ спекуляціяхъ, какъ сообщалъ корреспондентъ «Утра Россіи», отказался печатать рукопись, найдя, что «сенсаціонныя разоблаченія Иліодора носятъ слишкомъ голословный характеръ». Иліодоръ объяснялъ отказъ интригой русскаго правительства и сообщалъ, что представители русской дипломатіи и архіепископъ сѣверо-американскій и алеутскій предлагали ему 25 т. долл. въ случаѣ, если онъ откажется отъ опубликованія матеріаловъ. Возможно и то, и другое. Въ запискахъ Иліодора дѣйствительно многое носитъ характеръ совершенно голословныхъ обвиненій:—*печатая ниже записки, мы считали себя обязанными устранить эту фантастику*; многое, отвѣчающее дѣйствительности, должно было показаться фантастическимъ американцамъ, недостаточно знакомымъ съ бытовыми русскими условіями и тайными русскаго двора. Внѣ сомнѣнія опубликованіе этихъ записокъ было крайне нежелательно правительству, почему могло быть принято соотвѣтствующее дипломатическое давленіе. Можетъ быть, Иліодору и давались большія деньги въ предположеніи, что у него находятся оригиналы писемъ Александры Феодоровны къ Распутину, чего на самомъ дѣлѣ не было. Какъ бы то ни было, передавая свою рукопись въ чужія руки, Иліодоръ тѣмъ самымъ отрѣзывалъ себѣ путь возвращенія въ Россію при старомъ правительствѣ—скандалъ получилъ слишкомъ большую огласку.

Но какую же цѣнность въ такомъ случаѣ имѣетъ публикуемая у насъ рукопись Иліодора. Можно ли довѣрять тѣмъ фактамъ, о которыхъ въ ней повѣствуется? «Содержаніе моей книги—пишетъ Иліодоръ въ предисловіи,—построено на строго провѣренныхъ фактическихъ данныхъ». Слѣдуетъ перечисленіе источниковъ, которое мы и приводимъ.

«1) Отзывы о «старцѣ» царя Николая, которые я слышалъ лично, когда, 21 мая въ 5 часовъ вечера 1911 года, представлялся ему.

2) Отзывы о «старцѣ» царицы Александры, которые я слышалъ лично, когда 3 апрѣля 1909 года въ 9 часовъ вечера, представлялся ей.

3) Письмо «старцу» царицы Александры, данное мнѣ «старцемъ» 8-го декабря 1909 года въ селѣ Покровскомъ.

4) Письма царскихъ дѣтей, великихъ княженъ, къ «старцу», полученныя мною также отъ Распутина.

5) Письма и отзывы о «старцѣ» великой княгини Милицы Николаевны.

6) Разсказы самого Распутина о себѣ, о роли, которую онъ играетъ при дворѣ и т. п. (Его собственноручные дневники и собраніе изрѣченій).

9) Свидѣтельства Мити Блаженненькаго о «старцѣ» со словъ придворныхъ чиновъ—князя Орлова и князя Путятина.

8) Отзывы о «старцѣ» сенатора Мамонтова.

9) Письма о Распутинѣ высокихъ духовныхъ особъ: епископовъ и архимандритовъ, письма ко мнѣ и другимъ лицамъ.

10) Разсказы ихъ о Распутинѣ.

11) «Житіе опытнаго странника», составленное самимъ Распутинымъ и переписанное особою женскаго пола.

12) Обширнѣйшіе дневники, въ 200—250 листовъ писчей бумаги, генеральши О. В. Лохтиной, чуть ли не первой жертвы «старца», гдѣ Лохтина подробно правдиво и обстоятельно разсказываетъ о своемъ знакомствѣ съ Распутинымъ, о его «дѣятельности», приводитъ копіи съ его безчисленныхъ писемъ и телеграммъ царямъ, архіереямъ и другимъ важнымъ особамъ.

Въ этомъ пунктѣ необходимо замѣтить, что одна изъ тетрадей дневниковъ Лохтиной, такъ называемая «золотая», какъ ее именовала сама Лохтина, была, въ числѣ другихъ бумагъ, отобрана у [illegible] нымъ слѣдователемъ Корзюковымъ во время обыска [illegible] 26 января 1914 года. Послѣ этого я нѣсколько разъ обращ[illegible] ской прокуратурѣ и министру юстиціи съ требов[illegible] мнѣ отобранныя Корзюковымъ бумаги. Въ іюнѣ м[illegible] мнѣ бумаги были возвращены, но среди нихъ не оказалось «золотой тетрадочки» и пяти—шести подлинныхъ писемъ Григорія Распутина царямъ. Въ «золотой тетрадочкѣ» были помѣщены Лохтиною копіи писемъ Распутина царямъ, писемъ, относящихся преимущественно к[illegible] 1912 году, когда я отбывалъ заключеніе во Флорищевой пустынѣ и когда Распутинъ, по тактическимъ соображеніямъ, болѣе сидѣлъ въ Покровскомъ, преподавая царямъ «нужные» совѣты письменно. Однако, жалѣть объ удержанной услужливыми Распутину вельможами судебнаго вѣдомства тетрадкѣ особенно не приходится, такъ какъ содержаніемъ ея я все-таки пользоваться, при написаніи этой книги, могу. Дѣло въ томъ, что, еще до отобранія тетрадки, одно лицо, близкое мнѣ по родству, выписало изъ нея для себя на память копіи писемъ Распутина; вотъ эта-то счастливая случайность и даетъ мнѣ возможность познакомить читателя и съ тѣмъ, что у меня отобрано гг. прокурорами.

13) Свидѣтельство о Распутинѣ писателей, журналистовъ, министровъ, чиновниковъ и другихъ лицъ.

14) Копіи и подлинники писемъ и телеграммъ Распутина, которые онъ посылалъ царямъ, высокимъ особамъ и мнѣ, какъ своему бывшему другу.

15) Словесные и письменно изложенные разсказы на исповѣди у священниковъ и внѣ ея о художествахъ «старца» Распутина особъ женскаго пола, пострадавшихъ отъ «старца», раскаявшихся въ своихъ грѣхопаденіяхъ съ нимъ и отказавшихся отъ него.

16) Все то, что я самъ видѣлъ въ дѣятельности Распутина при свидѣтеляхъ и, въ силу нѣкоторыхъ обстоятельствъ, съ которыми я ниже познакомлю читателя, безъ свидѣтелей».

Таковы матеріалы, на основаніи которыхъ написана книга Иліодора. Одна группа носитъ опредѣленно субъективный характеръ и, конечно, требуетъ осторожнаго къ себѣ отношенія. Тонъ записокъ Иліодора производитъ нехорошее впечатлѣніе: дѣло не въ запальчивости и естественномъ возмущеніи, хотя и запоздаломъ для автора, а въ томъ явномъ стремленіи обѣлить себя, представить себя какимъ-то наивнымъ простачкомъ, у котораго вдругъ упала пелена съ глазъ. Быть можетъ, авторъ и пристрастенъ въ передачѣ своихъ впечатлѣній и интимныхъ бесѣдъ, но, тѣмъ не менѣе, разсказанное имъ слѣдуетъ отнести къ числу несомнѣнныхъ фактовъ, такъ какъ оно легко можетъ быть сопоставлено и провѣрено многочисленными другими свидѣтельствами. Другая группа матеріаловъ носитъ характеръ документальный, и намъ пришлось видѣть оригиналы многихъ писемъ, направленныхъ къ Распутину, копіи съ которыхъ сняты лицомъ, заслуживающимъ наибольшаго общественнаго довѣрія. Такимъ образомъ это фактъ. Значительную цѣнность имѣютъ дневники генеральши Лохтиной. «Святая мать Ольга» истеричка, женщина, несомнѣнно больная, фанатичка, слѣпая поклонница того проходимца, который среди другихъ появился при царскомъ дворѣ, а потомъ столь же восторженная поклонница Иліодора, она снимала копіи съ писемъ и съ документовъ, какъ съ реликвій, не мудрствуя лукаво и не думая, конечно, что это сможетъ быть достояніемъ общественнымъ. Откидывая кликушескія выходки, многочисленныя вздумки, на которыя способны едва ли не всѣ истерички, вы найдете какъ бы повседневную запись безхитростнаго бытописанія. Это документъ первостепеннаго значенія для ума незараженнаго, документъ историческій, который мы помѣщаемъ съ полнымъ сознаніемъ исторической правдивости.

Во избѣжаніе недоразумѣній и упрековъ, мы считаемъ своимъ долгомъ дать это предувѣдомленіе, прежде чѣмъ читатель приступитъ къ ознакомленію съ воспоминаніями Иліодора. Мы ихъ печатаемъ съ сокращеніемъ, отчасти устраняя нѣкоторыя дѣйствительно фантастическія утвержденія Иліодора, отчасти избѣгая тѣхъ скабрезныхъ деталей, которыя любитъ Иліодоръ въ описаніи того, какъ Распутинъ на практикѣ осуществлялъ свою идею «изгнанія блуднаго бѣса». Мы знаемъ, что въ его воспоминаніяхъ, тѣмъ не менѣе, осталось многое изъ такого, что въ сущности впервые появляется на страницахъ нашего журнала и, вѣроятно, никогда больше не появится. Но вѣдь Распутинъ, если и не самъ лично,—явленіе дѣйствительно исключительное, показывающее до какого разложенія дошли правившіе въ Россіи круги. Безъ подробностей, иногда рѣжущихъ глазъ и ухо, нельзя охарактеризовать въ достаточной мѣрѣ это отвратительное и разлагающе дѣйствовавшее на все явленіе. Старый режимъ отжилъ—отжилъ навсегда. Но наша обязанность показать весь его маразмъ тѣмъ, которые служили ему, и, быть можетъ, подчинились новому строю лишь по принужденію или необходимости. А развѣ такихъ мало? Излишнее благодушіе и сентиментальность не подходятъ для того боевого момента, который, вѣроятно, продолжится еще долго. Едва ли изсякли тѣ реакціонныя силы, которыя десятилѣтіями поддерживали старый порядокъ.

XII

Публикуя записки Иліодора, мы не считали нужнымъ скрывать имена и фамиліи тѣхъ лицъ, которыя и составляли темныя силы, питавшія распутинство въ правительственныхъ кругахъ. Онѣ принесли слишкомъ много зла Россіи. Только тамъ, гдѣ дѣло касалось интимныхъ отношеній, мы ограничились иніціалами—вѣдь здѣсь были подчасъ безсознательныя жертвы распутинскихъ страстей, жертвы истеріи и психоза. Намъ важно общественное значеніе факта, а не интимная область переживаній отдѣльныхъ личностей.

Записки Иліодора не объясняютъ намъ причинъ вліянія Распутина.

Въ одной изъ ближайшихъ книгъ «Голоса Минувшаго», на основаніи уже опубликованныхъ данныхъ, а также и тѣхъ новыхъ матеріаловъ, каторые имѣются въ нашемъ распоряженіи, мы постараемся дать статью, болѣе или менѣе объясняющую это психопатологическое явленіе, какое представляли собой Распутинъ, его поклонницы и поклонники. Большое заблужденіе связывать имя Распутина съ какими-либо проявленіями сектантства. Въ сущности, объясненіе этому патологическому явленію дать не трудно. Вѣдь у Распутина въ исторіи было немало предшественниковъ. Религіозное хлыстовство, половая неудовлетворенность на почвѣ истеріи, больной самогипнозъ, развращенность, требующая изысканнаго сладострастія, развращенность рабскаго прислужничества приверженцевъ стараго режима—вотъ почва, на которой культивировалось небывалое въ исторіи по своему размаху «историческое» вліяніе. У Распутина, повидимому, были и нѣкоторыя физическія особенности, хорошо извѣстныя невропатологу и психіатру, способствовавшія воздѣйствію его на ту полуистерическую, полувырождившуюся общественную среду, въ которую занесъ этого необразованнаго и грубаго мужика простой лишь случай. Алкоголикъ, типъ вырожденія, сладострастная натура, гипнотически дѣйствовавшая на безвольную среду—Распутинъ получилъ исключительное значеніе, такъ какъ по представленію царской семьѣ онъ явился въ 1906 г., въ первый революціонный кризисъ, какъ бы спасителемъ династіи: онъ Богъ Саваоѳъ, сошедшій на землю именно для этой цѣли. Онъ, воплотившійся Богъ, ведетъ за собой народъ—это представленіе, совершенно реальное, вытекающее изъ видѣнной нами переписки царской семьи. Путемъ шантажа, искусственныхъ пріемовъ, это представленіе поддерживалось. Занявъ такой необычайный постъ въ іерархіи россійской бюрократіи, тюменьскій крестьянинъ скоро потерялъ почву подъ ногами и сталъ переходить предѣлы возможнаго. Именно въ послѣдніе годы, тогда, когда его уже не могъ наблюдать Иліодоръ, началось афишированіе того, что прежде позволялъ себѣ Распутинъ только въ интимныхъ, быть можетъ, бесѣдахъ съ тѣми, кого онъ причислялъ къ своимъ друзьямъ.

Вотъ два документа изъ архива Московскаго Охраннаго Отдѣленія, выдержка изъ которыхъ была уже опубликована въ газетахъ. Документы чрезвычайно ярко рисуютъ ту чрезмѣрную откровенность, которую сталъ допускать Распутинъ. 26 марта 1915 г. въ ресторанѣ «Яръ» Распутинъ въ нетрезвомъ видѣ учинилъ скандалъ, молва о которомъ получила самое широкое распространеніе. Товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Джунковскій затребовалъ офиціальныхъ свѣдѣній отъ

XIII

«Отдѣленія по охраненію общественной безопасности и порядка въ г. Москвѣ», какъ официально титуловалась такъ называемая Охранка. Въ отвѣтъ «совершенно секретно» и «лично» начальникъ Охранки Мартыновъ доноситъ командиру отдѣльнаго корпуса жандармовъ:

I.

«По свѣдѣніямъ пристава 2 уч. Сущевской части г. Москвы подполковника Семенова, 26-го марта сего года, около 11 час. вечера, въ ресторанъ «Яръ» прибылъ извѣстный Григорій Распутинъ вмѣстѣ со вдовой потомственнаго почетнаго гражданина Аннсьей Ивановной Рѣшетниковой, сотрудникомъ московскихъ и петроградскихъ газетъ Николаемъ Никитичемъ Соѣдовымъ и неустановленной молодой женщиной. Вся компанія была уже навеселѣ. Занявъ кабинетъ, пріѣхавшіе вызвали къ себѣ по телефону редактора-издателя московской газеты «Новости Сезона», потомственнаго почетнаго гражданина Семена Лазаревича Кугульскаго и пригласили женскій хоръ, который исполнилъ нѣсколько пѣсенъ и протанцовалъ «матчишъ» и «кэкъ-уокъ». Повидимому, компанія имѣла возможность и здѣсь пить вино, такъ какъ опьянѣвшій еще болѣе Распутинъ плясалъ впослѣдствіи «русскую», а затѣмъ началъ откровенничать съ пѣвичками въ такомъ родѣ: «этотъ кафтанъ подарила мнѣ «старуха», она его и шила», а послѣ «русской»:—«эхъ, чтобы «сама» сказала, если бы меня сейчасъ здѣсь увидѣла». Далѣе поведеніе Распутина приняло совершенно безобразный характеръ какой-то половой психопатіи: онъ, будто бы, обнажилъ свои половые органы и въ такомъ видѣ продолжалъ вести бесѣду съ пѣвичками, раздавая нѣкоторымъ изъ нихъ собственноручныя записки съ надписями въ родѣ «люби безкорыстно»,—прочія наставленія въ памяти получившихъ ихъ не сохранились. На замѣчаніе завѣдующаго хоромъ о непристойности такого поведенія въ присутствіи женщинъ, Распутинъ возразилъ, что онъ всегда такъ держитъ себя передъ женщинами, и продолжалъ сидѣть въ томъ же видѣ. Нѣкоторымъ изъ пѣвичекъ Распутинъ далъ по 10—15 р., беря деньги у своей молодой спутницы, которая затѣмъ оплатила всѣ прочіе расходы по «Яру». Около 2 час. ночи компанія разъѣхалась».

5 іюня.

II.

Въ дополненіе къ докладу моему отъ 5 іюня сего года за № 291834, имѣю честь доложить Вашему Превосходительству, что дополнительно собранными секретнымъ путемъ свѣдѣніями выяснилось, при какихъ условіяхъ происходила поѣздка въ мартѣ сего года извѣстнаго Григорія Распутина въ московской ресторанъ «Яръ», о каковой поѣздкѣ было мною донесено въ упомянутомъ моемъ докладѣ.

Въ кругахъ московскихъ дѣльцовъ средней руки, не брезгующихъ подчасъ дѣлами сомнительной чистоты, давно вращается дворянинъ, занимающійся отчасти литературнымъ трудомъ, Николай Никитичъ Соѣдовъ.

Названное лицо, проживъ давно имѣвшійся у него когда-то капиталъ, уже лѣтъ 25 живетъ въ Москвѣ безъ опредѣленныхъ занятій, занимаясь отчасти комиссіонерствомъ, отчасти литературой и имѣетъ знакомство въ самыхъ широкихъ слояхъ Москвы. За это время кругъ

его аферъ естественно суживался по мѣрѣ того, какъ за нимъ упрочивалась репутація «темненькаго» человѣка, живущаго подачками, мелкими займами и кое-какими перепадающими доходами, иногда не совсѣмъ изъ чистыхъ источниковъ.

Литературный трудъ Соѣдова ограничивается уже давно участіемъ въ бульварной прессѣ и помѣщеніемъ изрѣдка статей въ «Петроградскихъ Вѣдомостяхъ» съ хроникою изъ московской жизни; въ этихъ статьяхъ Соѣдовъ постоянно не забывалъ упоминать въ самомъ хвалебномъ тонѣ о дѣйствіяхъ московской администраціи, чѣмъ-де стремился быть, какъ онъ полагалъ, полезнымъ и пріятнымъ лицомъ. Въ этомъ смыслѣ онъ неуклонно пользовался каждымъ случаемъ, чтобы напомнить о себѣ бывшему московскому градоначальнику Свиты Его Величества генералъ-майору Адріанову.

Будучи весной с. г. въ Петроградѣ, Соѣдовъ, и разсчитывая на вліяніе и связи въ высшихъ сферахъ Петрограда Распутина, попалъ къ нему, какъ представитель прессы, познакомился съ нимъ и сумѣлъ, видимо, заинтересовать собой послѣдняго.

Во время пріѣзда Распутина въ Москву, въ мартѣ мѣсяцѣ сего года, Соѣдовъ немедленно явился къ нему и принялся за проведеніе черезъ Распутина, придуманнаго имъ за это время плана принять поставку на интендантство солдатскаго бѣлья въ большомъ размѣрѣ.

Соѣдовъ, конечно, въ этомъ дѣлѣ разсчитывалъ не на непосредственное свое участіе, а на комиссіонерское и привлеченіе къ этому дѣлу лицъ изъ сравнительно денежной среды, которыя бы могли этимъ дѣломъ заработать деньги.

Видимо еще въ Петроградѣ Соѣдовъ заинтересовалъ Распутина этимъ дѣломъ и обѣщалъ ему извѣстный процентъ съ него, если Распутинъ выполнитъ, благодаря своимъ связямъ, проведеніе этого дѣла въ интендантствѣ. Распутинъ, обѣщая поддержку, указывалъ на несомнѣнное покровительство ему въ этомъ дѣлѣ, которое онъ разсчитывалъ встрѣтить въ лицѣ высокихъ особъ.

Самая пирушка у «Яра» была какъ бы нѣкоторой, необходимой въ такихъ случаяхъ, обычной въ московскихъ торговыхъ кругахъ «вспрыской» предположеннаго дѣла.

Такъ какъ Соѣдовъ еще ранѣе предложилъ своему хорошему знакомому, также очень извѣстному въ московскихъ широкихъ кругахъ газетному дѣльцу Кугульскому участіе въ названномъ подрядѣ, то онъ вызвалъ его къ «Яру» на упомянутую пирушку, и Кугульскій въ счетъ ожидаемыхъ благъ далъ извѣстную денежную сумму на устройство кутежа.

У «Яра» компанія заняла кабинетъ, куда были приглашены хористки, при чемъ Распутинъ вскорѣ, придя въ состояніе опьяненія, сталъ вести себя болѣе чѣмъ развязно и назвалъ себя.

Немедленно, вѣсть о пребываніи Распутина въ кабинетѣ у «Яра» и его шумное поведеніе вызвало огласку въ ресторанѣ, при чемъ хозяинъ ресторана Судаковъ, желая избѣжать непріятностей и излишняго любопытства, сталъ увѣрять, что это не настоящій Распутинъ, а кто-то другой, кто нарочно себя имъ назвалъ.

Когда, однако, это дошло до Распутина, то онъ уже сталъ доказывать, что онъ настоящій Распутинъ и доказывалъ это самымъ циничнымъ образомъ, перемѣшивая въ фразахъ безобразные намеки на свои близкія отношенія къ самымъ высокимъ особамъ.

28 іюля.

Какъ извѣстно, Джунковскимъ эти свѣдѣнія были доложены царю,—шефъ жандармовъ въ отвѣтъ получилъ отставку. Извѣстны результаты и аналогичной миссіи Самарина при недолгомъ занятіи поста синодальнаго оберъ-прокурора.

Совершенно понятны тѣ волненія, которыя начались въ великосвѣтскихъ и преторіанскихъ кругахъ на почвѣ распутіанскихъ вакханалій. Чувствовалась катастрофа, предотвратить которую диктовало элементарное эгоистическое чувство. Назрѣвала оппозиція, шли разговоры о заговорѣ даже въ великокняжескихъ кругахъ. Распутинъ былъ убитъ. Но было уже поздно: Распутинъ сдѣлалъ для уничтоженія престижа династіи въ широкихъ кругахъ то, чего не могла сдѣлать никакая революціонная пропаганда. Прогнившій строй, этотъ мощный на видъ колоссъ, палъ со сказочной быстротой въ революціонные дни—некому было его защищать.

Конечно, въ области политики Распутинъ являлся только простой игрушкой въ рукахъ темныхъ дѣльцовъ старой монархіи. И, быть можетъ, выясненіе этой послѣдней стороны распутиніады представляетъ и наибольшій интересъ съ точки зрѣнія общественной, но пока еще мало конкретнаго матеріала для вскрытія всѣхъ тѣхъ закулисныхъ вліяній, интригъ и мошеннническихъ сдѣлокъ, которыми полонъ былъ старый режимъ.

С. Мельгуновъ.

Святой чортъ.

I. Мое знакомство съ Распутинымъ.

Слухи о немъ.—Встрѣчи съ нимъ.—Первый его пріѣздъ въ Царицынъ.—Моя поѣздка съ нимъ въ село Покровское.—Второй пріѣздъ Распутина въ Царицынъ.—Третій пріѣздъ.

Въ концѣ 1902 года, въ ноябрѣ или декабрѣ мѣсяцѣ, когда я, обучаясь въ С.-Петербургской духовной академіи, дѣятельно готовился къ принятію ангельскаго образа—монашества, среди студентовъ пошли слухи о томъ, что гдѣ-то въ Сибири, въ Томской и Тобольской губерніи, объявился великій пророкъ, прозорливый мужъ, чудотворецъ и подвижникъ, по имени Григорій.

Въ религіозныхъ кружкахъ студенческой молодежи, группировавшихся вокругъ истиннаго аскета, тогдашняго инспектора академіи—архимандрита Θеофана, разсужденія о повоявленномъ пророкѣ велись на разные лады.

Отъ этихъ толковъ о „старцѣ“ я оставался въ сторонѣ. Мнѣ некогда было ими заниматься и къ нимъ прислушиваться. Отчасти потому что я, привезши въ началѣ 1902 года изъ Кронштадта въ академію нѣкоего Митю блаженненькаго, о которомъ подробная рѣчь будетъ ниже, на примѣрѣ этого блаженнаго уже успѣлъ разочароваться въ новыхъ юродивыхъ и прозорливыхъ; а, главнымъ образомъ, потому что я тогда самымъ серьезнымъ образомъ готовился отречься отъ міра и вступить на путь самоотверженнаго служенія истинѣ и ближнимъ.

Но были моменты, когда вопросъ о „старцѣ“ Григоріи прямо-таки гвоздемъ становился въ моемъ мозгу.

Особенный интересъ къ „старцу“ возбуждали во мнѣ рѣчи моего духовнаго отца и приготовителя къ монашеской жизни, о. Θеофана.

Сидѣли мы однажды съ нимъ въ его покояхъ, пили чаи и вели душеспасительную бесѣду. Не знаю въ связи съ чѣмъ, о. Θеофанъ, во время бесѣды, заговорилъ о Божьемъ человѣкѣ—Григоріи.

— Да, — говорилъ онъ, — есть еще Божьи люди на свѣтѣ. Не оскудѣла русская земля преподобными. Посылаетъ Господь утѣшенье людямъ своимъ, время отъ времени воздвигая имъ праведныхъ мужей... Вотъ ими-то и держится еще Святая Русь.

Я, вообще съ жадностью ловившій каждое слово своего учителя — Θеофана, помню особенно насторожился, когда онъ началъ рѣчь о современныхъ праведныхъ людяхъ.

Онъ продолжалъ:

— И вотъ теперь, такого мужа великаго Богъ воздвигаетъ для Россіи изъ далекой Сибири. Недавно оттуда былъ одинъ почтенный архимандритъ и говорилъ, что есть въ Тобольской губерніи, въ селѣ Покровскомъ, три благочестивыхъ брата: Илья, Николай и Григорій. Старшій изъ нихъ—Григорій, а два первыхъ—его ученики, еще не достигшіе высокой ступени нравственнаго усовершенствованія. Сидѣли какъ-то эти три брата въ одной избѣ, горько печаловались о томъ, что Господь не посылаетъ людямъ благословеннаго дождя на землю; потомъ Григорій встал[illegible] за стола, помолился и твердо произнесъ: „три мѣ[illegible] самаго Покрова, не будетъ дождя“... Такъ и слу[illegible] Дождя не было, и люди плакали отъ неурожая... [illegible] вамъ и Илья пророкъ, заключившій небо на три года [illegible] мѣсяцами! Господи! Господи!—глубоко вздохнувши, заключилъ о. Θеофанъ.

Я былъ въ умиленіи отъ его словъ. Душа моя загорѣлась желаніемъ видѣть этого божественнаго старца, и показать ему все свое гадкое и хорошее нутро.

Не вытерпелъ я и спросилъ своего отца:

— А не пріѣдетъ ли сюда тотъ старецъ?

— Пріѣдетъ, пріѣдетъ! Одинъ архимандритъ обѣщалъ его привезти. Мы его ждемъ...

Дни шли за днями. Я готовился къ своему дѣлу, и почти ничего не слышалъ, что говорили о „старцѣ“.

Въ великомъ посту 1903 года изъ Сибири въ академію пріѣхалъ начальникъ корейской духовной миссіи—архимандритъ Хрисанѳъ Щетковскій, (умершій года черезъ три послѣ этого епископомъ Елисаветградскимъ). По всѣмъ академическимъ угламъ заговорили, что архимандритъ этотъ привезъ въ Петербургъ великаго старца Григорія, что Григорій былъ уже у ректора академіи—еп. Сергія

Страгородскаго, нѣкоторые студенты видѣли его, получили предсказанія, и т. д.

Прошло порядочно времени, а я „старца“ видѣть не удостоился. Опять начиналъ успокаиваться на чувствѣ своего недостоинства, отдаваясь всецѣло благочестивымъ размышленіямъ объ иноческой жизни, а новые разговоры и вѣсти о „старцѣ“, какъ надоѣдливые осы, не давали мнѣ возможности не отвлекаться отъ того дѣла, къ которому готовился.

Иные говорили, что „старца“ Григорія трудно видѣть, что онъ бываетъ только у ректора и что съ нимъ они ѣздятъ во дворецъ.

Что ни день, то слухи о славѣ, величіи „старца“ все болѣе и болѣе увеличивались.

При своемъ маленькомъ положеніи и сознаніи своего недостоинства, я разсудилъ, что мнѣ не видать блаженнаго пророка, какъ ушей своихъ.

Въ концѣ 1903 года, 29 ноября, я принялъ монашество. Изъ Сергѣя меня обратили въ Иліодора. 16 декабря этого же года я, какъ новоиспеченный инокъ, шелъ по темному академическому коридору со взорами опущенными книзу, согласно ученію св. отцовъ.

Вдругъ меня кто-то деликатно, едва слышно, потрепалъ за плечо. Я поднялъ взоръ свой и увидѣлъ о. Ѳеофана и какого-то, непріятно склабившагося, мужика.

— Вотъ и отецъ Григорій изъ Сибири!—застѣнчиво сказалъ Ѳеофанъ, указывая на мужика, перебиравшаго въ это время своими ногами, какъ будто готовившагося пойти танцовать въ галопъ.

— А, а, а,—смущенно протянулъ я, и подалъ мужику руку и началъ съ нимъ цѣловаться.

Григорій былъ одѣтъ въ простой, дешевый, сѣраго цвѣта пиджакъ, засаленныя и оттянувшіяся полы котораго внесли спереди, какъ двѣ старыя кожаныя рукавицы; карманы были вздуты, какъ у нищаго, кидающаго туда всякое съѣдобное подаяніе; брюки такого же достоинства, какъ и пиджакъ, поражали своею широкою отвислостью надъ грубыми халявами мужицкихъ сапогъ, усердно смазанныхъ дегтемъ; особенно безобразно, какъ старый истрепанный гамакъ, мотался задъ брюкъ; волосы на головѣ „старца“ были грубо причесаны въ скобку; борода мало походила вообще на бороду, а казалась клочкомъ свалявшейся овчины, приклееннымъ къ его лицу, чтобы дополнить все его

безобразіе и отталкивающій видъ; руки у „старца“ были корявы и нечисты; подъ длинными и даже немного загнутыми внутрь ногтями было много грязи; отъ всей фигуры „старца“ несло неопредѣленнымъ нехорошимъ духомъ.

Григорій, поцѣловавши меня, упорно и продолжительно посмотрѣлъ своими круглыми, непріятно сѣрыми глазами мнѣ въ лицо, потомъ зашлепалъ своими толстыми, синими, чувственными губами, на которыхъ усы торчали, какъ двѣ вегхихъ щетки, потрепалъ меня по плечу одною рукою, держа пальцы другой около рта, и, обращаясь къ Ѳеофану, съ какою-то заискивающею, лукавою, неестественною, противною улыбкою, сказалъ про меня:

— А онъ, вѣдь, круто молится; о, какъ круто!

Не понимая, что значитъ: „круто“, я поклонился. Ѳеофанъ взялъ подъ руку „старца“; они пошли въ покои инспектора, а я, пораженный неожиданной встрѣчей съ знаменитымъ пророкомъ, немало растерялся и отправился въ свою убогую келью.

Такъ состоялось мое знакомство съ „старцемъ“ Распутинымъ. И не зналъ я тогда, встрѣтившись съ нимъ, что это знакомство ровно чрезъ восемь лѣтъ, то-есть 16 декабря 1911 года, будетъ для меня роковымъ, переверпетъ всю мою жизнь, выброситъ меня за бортъ того корабля (монашеская жизнь), на который я только что, предъ знакомствомъ, сѣлъ...

Наступилъ 1904 годъ. Въ январѣ мѣсяцѣ пріѣхалъ въ Петербургъ, по дѣламъ, Антоній, епископъ Волынскій. Такъ какъ онъ считался большимъ другомъ и покровителемъ ученаго монашества, то меня, какъ молодого монаха, еще незнакомаго съ важнымъ епископомъ, повели въ лавру, въ покои, въ гости къ Антонію. Здѣсь я увидѣлъ большую компанію разныхъ по положенію и занятіямъ людей. Всѣ они съ большимъ вниманіемъ слушали, что говорилъ Антоній. Зашла рѣчь о Григоріи Распутинѣ. Много о немъ говорили... Антоній сказалъ: „не вѣрьте ему, онъ—обманщикъ; онъ въ Казани на бабѣ ѣздилъ; такой человѣкъ не можетъ быть праведникомъ“. Тогда я не повѣрилъ Антонію, потому что, по слухамъ, зналъ его, какъ человѣка, всегда занимающагося разсказами о разныхъ скабрезностяхъ, доходящаго въ этихъ разсказахъ до чудовищныхъ преувеличеній. А такъ какъ фигура старца къ тому времени какъ-то потускнѣла въ моемъ воображеніи, то я просто мало инте-

ресовался ею: говорили ли о немъ хорошее, говорили ли дурное,—мнѣ было все равно.

На пасху 1905 года я, будучи уже на послѣднемъ курсѣ академіи, пришелъ въ гости къ инспектору Ѳеофану. На конторкѣ, гдѣ Ѳеофанъ имѣлъ обыкновеніе, стоя, писать, я увидѣлъ довольно прекрасной работы дорогую икону „Воскресеніе Христово". Ѳеофанъ, указывая на икону, сказалъ:

— Вотъ эту икону мнѣ сейчасъ прислала великая княгиня Милица Николаевна съ мужемъ Петромъ Николаевичемъ. Я сегодня былъ у нихъ съ старцемъ Григоріемъ...

Я насторожился слушать, что скажетъ дальше Ѳеофанъ о старцѣ, такъ какъ, признаться, давно уже о немъ ничего не слышалъ.

Сѣли пить чай. Ѳеофанъ охотно продолжалъ:

— Много разъ бывали мы съ старцемъ и у государя, а особенно у государыни. Вотъ Божій человѣкъ! И говоритъ-то не такъ, какъ мы грѣшные. Было разъ такъ. Государь, государыня съ наслѣдникомъ на рукахъ, я и онъ сидѣли въ столовой во дворцѣ. Сидѣли и бесѣдовали о политическомъ положеніи Россіи. Старецъ Григорій вдругъ какъ вскочитъ изъ-за стола, какъ стукнетъ кулакомъ по столу. И смотритъ прямо на царя. Государь вздрогнулъ, я испугался, государыня встала, наслѣдникъ заплакалъ, а старецъ и спрашиваетъ государя: „Ну, что? Гдѣ екнуло, Здѣся, али тутo?"—при этомъ онъ сначала указалъ пальцемъ себѣ на лобъ, а потомъ на сердце. Государь отвѣтилъ, указывая на сердце:—„Здѣсь; сердце забилось!"—„То-то же",—продолжалъ старецъ,—„коли что будешь дѣлать для Россіи, спрашивайся не ума, а сердца. Сердце-то вѣрнѣе ума"... Государь сказалъ: „хорошо", а государыня, поцѣловавъ его руку, произнесла:—„спасибо, спасибо, учитель".

Въ началѣ февраля 1907 года я привезъ въ Петербургъ 9 крестьянъ—членовъ Государственной Думы отъ Волынской губерніи.

Совершенно случайно остановился на квартирѣ у предсѣдателя союза русскаго народа—врача Дубровина. Здѣсь я встрѣтилъ племянника жены Дубровина—молодого поручика И... Полюбили мы скоро другъ-друга, и онъ мнѣ много разсказывалъ объ ужасахъ японской войны гдѣ на передовыхъ позиціяхъ онъ былъ раненъ въ ногу

Закончилъ лѣченіе раны въ Царско-Сельскомъ госпиталѣ, куда, по его словамъ, часто пріѣзжала государыня Александра; особенное вниманіе обратила на него, и когда онъ выписывался изъ госпиталя, то она дала ему даже право время отъ времени представляться ей.

— Баба хорошая, — говорилъ поручикъ, — только вотъ при дворѣ завелся какой-то чортъ Распутинъ; взялъ чрезъ жену офицера Вырубову въ свои руки государыню, отбилъ отъ нея царя, такъ что государь только и знаетъ что въ шахматы играетъ, да красное вино пьетъ, а Александра съ Распутинымъ возится. Императорскіе царскосельскіе стрѣлки собираются застрѣлить и Вырубову, и Григорія Распутина.

На мой вопросъ:—откуда вы все это знаете?—поручикъ кратко отвѣтилъ:—Офицеры въ госпиталѣ только объ этомъ и говорили.

Въ послѣднихъ числахъ февраля 1908 года я, переведенный изъ Волынской епархіи на службу въ Саратовскую, поѣхалъ съ Волыни на новое мѣсто службы. Счелъ нужнымъ заѣхать въ Петербургъ, гдѣ въ это время на Ярославскомъ подворьѣ, въ качествѣ члена Синода, проживалъ мой новый начальникъ—епископъ Саратовскій Гермогенъ.

Гермогенъ помѣстилъ меня, какъ рѣдкаго гостя, въ большой комнатѣ рядомъ съ своимъ кабинетомъ.

И вотъ я здѣсь однажды услышалъ и увидѣлъ слѣдующее. Въ одинъ прекрасный день пріѣхали къ Гермогену инспекторъ духовной академіи, уже извѣстный читателю, Ѳеофанъ и приватъ-доцентъ академіи—іеромонахъ Веніаминъ. Всѣ они сѣли въ кабинетѣ, повели рѣчь объ автономіи духовной академіи, тогда большими усиліями профессоровъ проводившейся въ жизнь.

Дверь изъ моей комнаты была открыта, и мнѣ было все слышно, что говорили въ кабинетѣ.

Немного поговорили, какъ кто-то вбѣжалъ къ нимъ, скоро сѣменя ногами. Вбѣжалъ и также торопливо заговорилъ:—Ну, што? Пошто меня вызывали? Вотъ я! — Собесѣдники сначала задвигались; какъ я понялъ, значитъ, здоровались съ кѣмъ-то вошедшимъ; потомъ Веніаминъ сказалъ:—Да вотъ, дорогой другъ, мы приготовили важный докладъ объ уничтоженіи зародившейся автономіи духовныхъ академій.... Надо тебѣ ѣхать съ нимъ къ царю.— Хорошо, вотъ хорошо, а я туда-то и направляюсь. Звали

по важному дѣлу, да звали. А подп-ка, скажи мнѣ, што такое за штука—эта антономея?

Веніаминъ началъ объяснять.

Его перебилъ вошедшій:—а слухай-ка, это самая антономея не Антонія Волынскаго выдумка?*) О, какая ерунда! Прочь ее, не надо!

Веніаминъ объяснилъ, что автономія — слово иностранное.

—Фу, гадость, вотъ гадость!—возмущался вошедшій.

Тутъ всѣ, другъ-друга перебивая и не слушая, заговорили, что автономія, дѣйствительно, гадость.

Я, слыша весь раговоръ въ открытыя двери, не вытерпѣлъ, чтобы не посмотрѣть, кого же три друга посылали къ государю уничтожать автономію, и что это за уничтожитель, не умѣющій назвать предмета правильно.

Посмотрѣлъ, и увидѣлъ... Григорія Распутина.

Троица степенно сидѣла около большого письменнаго стола; Веніаминъ держалъ въ рукахъ какую-то бумагу, а Григорій, котораго я не видѣлъ уже четыре года, стоялъ около нихъ, нетерпѣливо перебиралъ ногами, какъ молодой, застоявшійся, лошакъ, тыкалъ грязнымъ указательнымъ пальцемъ правой руки себѣ въ зубы и все повторялъ:—ну, скорѣй, скорѣй давайте, а то меня ужо тамъ давно ждутъ. Пора ѣхать!

На Григоріи въ этотъ разъ была хорошая черная суконная русская поддевка и прекрасные лакированные сапоги бутылками. Борода его была уже похожа на бороду, а волосы на головѣ, сзади хорошо подстриженные, спереди разсыпались во всѣ стороны правильнымъ вѣеромъ. Видно было, что на Григоріи начиналъ сказываться придворный духъ...

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1909 года меня Синодъ, по настоянію графа Татищева, Саратовскаго губернатора, и премьеръ-министра Столыпина, съ соизволенія государя, за обличеніе правительства въ неправдѣ, перевелъ изъ Царицына въ Минскъ, въ архіерейскій домъ. Я поѣхалъ не въ Минскъ, а въ Петербургъ, къ еп. Ѳеофану, уже ректору академіи, съ просьбой похлопотать предъ царемъ объ оставленіи меня въ Царицынѣ.

Пріѣхалъ утромъ въ Великую Субботу.

---

*) Распутинъ, какъ я узналъ послѣ, не любилъ еп. Антонія за его лукавый нравъ

Объяснилъ Ѳеофану въ чемъ дѣло.

Ѳеофанъ отказался хлопотать на томъ основаніи, что часто обращаться съ просьбами къ царямъ опасно, такъ какъ та дверь, лазейка, куда онъ проходитъ къ нимъ, можетъ въ концѣ-концовъ закрыться, „могутъ на нее замочекъ повѣсить“.

Получивъ такой отвѣтъ, я пріунылъ.

Сидѣлъ за столомъ и думалъ, что же дѣлать.

Ѳеофанъ сидѣлъ противъ меня и тоже молчалъ, какъ бы тяготясь моимъ присутствіемъ.

Въ передней послышался звонокъ. Кто-то пришелъ.

Не прошло и одной минуты, какъ въ столовую, гдѣ мы сидѣли, не вошелъ, а прямо таки вскочилъ человѣкъ, вскочилъ съ какими то странными кривляніями и прыжками; казалось, что то былъ не живой человѣкъ, а игрушечный, который въ одно и то же время начинаетъ дрыгать и ногами, и руками, и головой, когда дернешь за ниточку, соединенную со всѣми частями его фигуры. Человѣкъ тотъ былъ одѣтъ роскошно: на немъ была малиноваго атласа русская сорочка; подпоясанъ онъ былъ поясомъ съ большими шелковыми кистями; брюки изъ дорогого чернаго сукна сидѣли на ногахъ въ обтяжку, какъ у военныхъ; дорогіе лакированные сапоги бросались въ глаза своимъ блескомъ и чистотою. Человѣкъ тотъ поздоровался сначала съ Ѳеофаномъ, потомъ, обратившись ко мнѣ, началъ цѣловать меня, приговаривая:—Ну, здорово, голубчикъ; не горюй, все будетъ хорошо!

Это былъ Григорій Распутинъ. Онъ, повидимому, уже зналъ, что я переведенъ въ Минскъ, что не хочу туда ѣхать, что пріѣхалъ въ Петербургъ хлопотать.

Григорій сѣлъ рядомъ со мною, противъ Ѳеофана.

Ѳеофанъ смотрѣлъ прямо на Григорія, Григорій—на него, но оба ничего не говорили.

Чувствовалась какая-то неловкость, неестественность.

Мнѣ казалось, что между ними возникла какая-то непріятность, о которой они другъ-другу стѣснялись говорить...

Впослѣдствіи уже я узналъ, что въ это время между Ѳеофаномъ и Григоріемъ произошелъ крупный разладъ изъ-за „старческой“ дѣятельности послѣдняго, усердно снимавшаго съ женщинъ и невинныхъ дѣвушекъ блудныя страсти. Ѳеофанъ узналъ объ этомъ на исповѣди отъ жертвъ Распутина и предложилъ Григорію бросить заня-

маться такими гнусными дѣлами. Григорій противился, и между ними завязалась борьба не на жизнь, а на смерть.

Вотъ я и попалъ среди нихъ какъ разъ въ то время, когда они очень и очень косо смотрѣли другъ на друга, но вѣтвихъ сношеній не порывали, надѣясь какъ-нибудь сговориться, и по-прежнему бывать у царей.

Замѣтивъ, что Ѳеофанъ не желаетъ съ нимъ и разговаривать, Распутинъ обратился ко мнѣ, потрепалъ меня за плечо и спросилъ:—Ну, что, дружокъ, голову-то повѣсилъ? А? Въ Царицынъ, небось, хочешь?

— Хочу, очень хочу,—отвѣтилъ я.—Какъ-же, вѣдь тамъ большое дѣло, тамъ жизнь моя; вѣдь я ни къ чему больше не стремлюсь, какъ только дѣла дѣлать. Что же я сдѣлаю, если меня, какъ собаку, будутъ гонять съ одного мѣста на другое...

Ѳеофанъ воспользовался моментомъ и быстро, быстро куда-то скрылся.

Мы остались съ Григоріемъ вдвоемъ.

Григорій продолжалъ:—Хорошо, хорошо, голубчикъ! Ты будешь въ Царицынѣ...

— Когда? Быть-можетъ, лѣтъ черезъ десять, когда мое святое дѣло тамъ поростетъ бурьяномъ и колюкой?

— Нѣтъ, нѣтъ; ты будешь скоро, дня черезъ три поѣдешь отсюда, но не въ Минскъ, а къ себѣ, домой.

— Какъ такъ? Мнѣ оберъ-прокуроръ сказалъ, что возврата къ прежнему нѣтъ, такъ какъ государь уже два раза, по докладу Столыпина, подписался объ удаленіи меня изъ Царицына.

— Два раза, два раза?! Это для нихъ много, а для меня ничто. Будешь въ Царицынѣ, понимаешь? Ну, не безпокойся напрасно и помни Григорія. Потомъ вотъ еще что знай: нельзя теперь такъ царей и правительство изобличать, какъ это дѣлалъ, къ примѣру сказать, Филиппъ Московскій; теперь, дружокъ, времена не тѣ.

Говоря это, Распутинъ какъ бы отвѣчалъ на мою проповѣдь, сказанную въ Царицынѣ въ Вербное Воскресенье: я тогда говорилъ о томъ, что долгъ священниковъ всѣхъ обличать во грѣхахъ, всѣхъ, какое бы они высокое положеніе на землѣ не занимали...

Естественно, что я былъ удивленъ и недоумѣвалъ, почему это Распутинъ говорилъ какъ бы противъ моей проповѣди.—Онъ, должно-быть, дѣйствительно, мужъ прозорливый,—подумалъ я.

Григорій всталъ, чтобы уходить.

Я тоже всталъ и отвѣсилъ ему поясной поклонъ.

Еслибы въ это время кто хотя бы нарочно намекнулъ мнѣ поклониться Григорію въ ноги и поцѣловать ихъ, то я бы, не задумываясь, сдѣлалъ это, такъ какъ чувствовалъ, что онъ возвращаетъ меня къ жизни, оказывая благодѣяніе лично мнѣ, дѣлу святому, надъ которымъ я трудился въ Царицынѣ.

Во время пасхальной заутрени въ академическомъ храмѣ Григорій подошелъ ко мнѣ въ алтарѣ, похристосовался и сказалъ:

— Завтра получишь изъ Царскаго Села письмо. Когда будешь представляться царицѣ, то ты ей и Вырубовой скажи проповѣдь, штобъ онѣ не убѣгали отъ заутрени, а стояли и обѣдни. Только ты не строго говори и не громко, а то онѣ испугаются. Здѣсь въ храмѣ сейчасъ есть придворные. Я ихъ привезъ посмотрѣть, какъ служитъ Ѳеофанъ.

На второй день пасхи я, узнавши, что Распутинъ находится въ покояхъ архіепископа финляндскаго Сергія, позвонилъ по телефону, сгорая нетерпѣніемъ узнать, какъ же идутъ дѣла насчетъ моего возвращенія въ Царицынъ. По телефону говорилъ самъ Сергій. На мой вопросъ:—Можно ли видѣть Григорія Ефимовича?—онъ отвѣтилъ:—Они почиваютъ. Эти слова меня немало озадачили. „Вотъ штука, такъ штука—Распутинъ; такіе важные саповники, какъ Сергій, выражаются о немъ съ такимъ почтеніемъ: „они почиваютъ!“ думалъ я.

Въ тотъ же день послѣ обѣдни въ квартиру еп. Ѳеофана генеральша Лохтина принесла мнѣ письмо изъ Царскаго.

На третій день пасхи въ 9 часовъ вечера я въ Царскомъ Селѣ, въ домѣ № 2 по Церковной улицѣ, имѣлъ, въ присутствіи А. Вырубовой, продолжительную бесѣду съ государыней Александрой.

Она пріѣхала... Высокая, вертлявая, съ какими-то неестественно-вычурными ужимками и прыжками, совсѣмъ не гармонировавшая съ моимъ представленіемъ о русскихъ царицахъ, какъ о важныхъ, степенныхъ, осанистыхъ, величественныхъ особахъ, она поцѣловала мою руку. Потомъ моментально сѣла въ кресло и съ грубымъ нѣмецкимъ акцентомъ заговорила: „Вы изъ Петербурга пріѣхали?“

Эти слова были сказаны такъ неправильно, что я не

понялъ ихъ и вмѣсто отвѣта вытаращилъ на Александру глаза. Произошла крайне тяжелая и непріятная пауза. Изъ бѣды выручила Вырубова. Она передала мнѣ вопросъ царицы на чистомъ русскомъ выговорѣ.

Государыня тогда засыпала, какъ горохомъ, или лучше сказать макомъ: „Васъ отецъ Григорій прислалъ? Да? Вы привезли мнѣ расписку по его приказанію, что вы не будете трогать наше правительство... Вотъ вы обругали во время службы, литургіи, Саратовскаго губернатора Татищева. Назвали его татариномъ, и что ему не достаетъ только татарской чалмы...“

Я рискнулъ было оправдываться, возражая Александрѣ, что она введена въ заблужденіе, что я никогда въ присутствіи Татищева не служилъ ни литургіи, ни вообще никакой церковной службы; руководимый дружественными къ Гермогену чувствами, умалчивалъ о томъ, что епископъ Гермогенъ за литургіей 5-го октября, въ день именинъ наслѣдника, дѣйствительно обличалъ „язычествовавшаго“ въ своихъ отношеніяхъ къ православію графа, но скоро увидѣлъ, что говорить Александрѣ слова оправданія все равно, что кричать покойнику въ ухо; увидѣлъ и, конечно, замолчалъ, а она, поистинѣ, тарабарскимъ языкомъ продолжала читать мнѣ нотацію: „Да, да, вотъ, вотъ... Такъ какъ нельзя губернаторовъ бранить. Давайте сюда расписку, что вы этого никогда не будете дѣлать. Да смотрите, слово отца Григорія, нашего общаго отца, спасителя, заставника, величайшаго современнаго подвижника, соблюдите, соблюдите... Онъ самъ хотѣлъ здѣсь быть, но до сихъ поръ нѣтъ, а мнѣ некогда его дожидаться. Ну, да ладно. Я его завтра буду видѣть... Скажу ему, что я вамъ говорила... А вы его, наставника и учителя, слушайтесь во всемъ, во всемъ...“

Во время этого „поученія“ я не помню, какъ я себя чувствовалъ; не отдавая себѣ отчета, смотрѣлъ на государыню... Опомнился только тогда, когда она также вертляво и подвижно, какъ и въ началѣ, подскочила ко мнѣ, поцѣловала мою руку и сказала: — „Ну, до свиданія“ — и быстро, быстро ушла изъ гостиной, шурша длиннымъ, очень длиннымъ хвостомъ шелковаго платья свѣтло-сѣраго цвѣта.

На четвертый день пасхи ко мнѣ въ академію явился Григорій и предложилъ поѣхать съ нимъ на могилку Іоанна Кронштадтскаго. Я согласился. Когда мы съ нимъ

шли по Лаврскому парку, то Григорій не пропускалъ ни одной дамы, чтобы не пронизать ее своимъ упорнымъ, настойчивымъ взглядомъ. Когда съ нами поравнялась какая-то, довольно красивая женщина, Григорій сказалъ— „Вотъ баба, такъ баба, должно, къ какому-либо монаху идетъ на постельку". Я, слушая его неприличныя рѣчи, молчалъ; у меня тогда и вопроса въ мозгу не поднималось о томъ, къ лицу или не къ лицу такія рѣчи Божьему старцу; весь я былъ тогда поглощенъ глубокимъ почтеніемъ къ своему, чуть не съ неба свалившемуся, благодѣтелю.

Когда были уже на обратномъ пути, Григорій вдругъ спросилъ меня:

— Слушай-ка, дружокъ, а ты у графини Игнатьевой бываешь?

— Разъ какъ-то былъ. Она каждый разъ, какъ я пріѣзжаю въ Петербургъ по дѣламъ, приглашаетъ меня къ себѣ; я обѣщаюсь быть, но не бываю, потому что тамъ нечего дѣлать, тамъ одно ханжество.

— Вотъ, вотъ, вѣрно, братъ! Вздорная баба—эта графиня: она разъ написала царицѣ письмо о томъ, что нужно дѣлать, чтобы поднять нравственность въ русскомъ народѣ... А государыня прочла письмо это мнѣ и говоритъ:—„Вотъ дура-то, нашла кому писать; какъ-будто я сама не знаю!" И вообще государыня Игнатьеву очень не любитъ за то, что она слишкомъ много знаетъ... А все-таки заѣдемъ-ка къ ней; вѣдь я ее ни разу не видѣлъ.

— Заѣдемъ, если ты желаешь.

Заѣхали.

Графиня была дома. Встрѣтила насъ очень любезно Я представилъ ей Распутина, сказавши: „вотъ — мой другъ!"

Игнатьева съ недоумѣніемъ посмотрѣла на Распутина, такъ, что какъ-будто на губахъ ея застылъ какой-то невысказанный вопросъ,— процѣдила сквозь зубы: „Очень пріятно", и предложила намъ сѣсть.

Мы сѣли. Я сѣлъ рядомъ съ Игнатьевой, а Григорій противъ насъ.

Послѣ минутнаго молчанія графиня начала говорить:

— Пожаловали къ намъ въ Питеръ?! Хорошо. Ѣдете въ Минскъ?

— Нѣтъ, въ Саратовъ.

— Какъ въ Саратовъ? Вѣдь васъ же Синодъ пере-

вель въ Минскъ. И я вамъ здѣсь услугу оказала; когда, по настоянію Столыпина, подняли вопросъ о переводѣ васъ, то не знали: куда, такъ какъ всѣ архіереи васъ, какъ человѣка безпокойнаго, боялись брать. Тогда я и М. М. Булгакъ упросили еп. Михаила Минскаго взять васъ къ себѣ...

— Ваша услуга принесла мнѣ много горя. Если бы вы не хлопотали, то Синодъ, въ силу необходимости, такъ какъ меня некуда бы было дѣть, оставилъ бы въ Царицынѣ, откуда я самъ никуда не хочу итти до самой смерти...

Графиня очень сконфузилась, но потомъ скоро оправилась и продолжала:

— Да, вотъ какъ? А мы думали, что вамъ добро сдѣлали...

— Не хочу я этого добра!

— Да, но вы же должны ѣхать въ Минскъ.

— Не поѣду я въ Минскъ!

— Но вѣдь Синодъ постановилъ!

— И пусть себѣ постановилъ.

— И государь дважды подписывался.

— Хорошо.

— Ѣзжайте въ Минскъ, послушайте Синода. Вѣдь, знаете, что такое Синодъ?..

— Не знаю, и знать не хочу Синода, заносящаго хвостъ насильнику Столыпину!

Тутъ въ разговоръ вмѣшался Распутинъ. Онъ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, пальцы и губы тряслись, лицо сдѣлалось блѣднымъ, а носъ даже какимъ-то прозрачнымъ; задвигавшись въ креслѣ, онъ приблизилъ свое лицо къ лицу графини, поднесъ свой указательный палецъ къ самому ея носу, и, грозя пальцемъ, отрывисто, съ большимъ волненіемъ заговорилъ:

— Я тобѣ говорю, цыть! Я, Григорій, тобѣ говорю, что онъ будетъ въ Царицынѣ! Понимаешь? Много на себя не бери, вѣдь, все же ты, баба!..

Графиня отъ этихъ словъ „старца“ совершенно опѣшила.

А Григорій, поднявшись съ кресла, дернулъ меня за рукавъ рясы и сказалъ:

— Гайда! Домой!

Я поднялся и направился за Григоріемъ къ выходу,

на пути скоро прощаясь съ крайне смущенной графиней С. С. Игнатьевой.

По пути отъ Игнатьевой къ лаврѣ, на какой-то улицѣ, изъ одного большого дома вышелъ почтенный генералъ въ военной формѣ. Увидя его, Распутинъ сталъ прятаться за меня и просить: „Схорони, схорони, пожалуйста, меня отъ этого генерала". Я началъ загораживать его, но не успѣлъ: генералъ уже поравнялся съ нами, увидѣлъ Распутина и съ большимъ почтеніемъ сдѣлалъ подъ козырекъ. Распутинъ снялъ шляпу, и какъ-то конфузливо замоталъ генералу головой...

Черезъ полминуты я спросилъ:

— Кто это такой?

Распутинъ махнулъ недовольно рукой и проговорилъ:

— Э-э, это управляющій дворомъ великаго кн. Петра Николаевича.

— Почему же отъ него тебѣ хорониться надо? Какое зло что ли онъ тебѣ сдѣлалъ?

— Нѣтъ, да такъ, тамъ вышло дѣло...

Какое именно дѣло, Распутинъ не объяснилъ, но видно было, что дѣло плохое, и свидѣтелемъ, по всей [illegible] пости невольнымъ, этого дѣла былъ встрѣтившій [illegible] нералъ.

А дѣло-то, какъ я послѣ узналъ, заключалось въ слѣдующемъ: Милица Николаевна, узнавши о старческихъ художествахъ Распутина, выгнала его изъ своего дворца. Это и генералъ зналъ, но, сознавая силу Распутина при дворѣ, по-прежнему отвѣшивалъ ему поклоны и отдавалъ честь.

Въ этотъ же день вечеромъ Григорій затащилъ меня къ присяжному повѣренному С. Пришли. Онъ спросилъ жену С. Сказали, что она, по всей вѣроятности, у начальника переселенческаго управленія. Пошли къ Г. С. была тамъ. Боевая и красивая, С. не долго была вмѣстѣ: ее скоро куда-то увезъ Григорій, а я остался, продолжая съ Г. вести бесѣду о томъ, кто лучше: православные священники или католическіе ксендзы. Ждалъ Григорія, такъ и не дождался: онъ „пріятно" проводилъ время съ С...

На пятый день пасхи я былъ въ домѣ генерала Лохтина, гдѣ Распутинъ останавливался на квартирѣ.

Не вѣря всему совершающемуся, я спросилъ здѣсь Распутина:

— Да правда ли, что я возвращаюсь въ Царицынъ?

— Вотъ чудакъ!—отвѣтилъ Григорій.

А присутствовавшая здѣсь же О. В. Лохтина укоризненно покачала головой и прибавила:

— Какой вы маловѣрный, если о. Григорій разъ сказалъ, что „да“, то, значитъ, нечего объ этомъ больше и вопроса поднимать.

Вечеромъ этого же дня я уѣзжалъ съ Николаевскаго вокзала въ Саратовъ. Григорій пришелъ провожать меня. Все время утѣшалъ меня, приговаривая:

— Дѣло все сдѣлано; тебя никто изъ Царицына не возьметъ. Ѣзжай, утѣшай своихъ дѣтей. Помни Григорія. Правительство не ругай, а жидовъ и люцинеровъ...

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1909 года я, будучи въ Царицынѣ, получилъ отъ Гермогена изъ Саратова письмо съ просьбой ѣхать къ нему повидаться съ дорогимъ другомъ Григоріемъ Ефимовичемъ. Я поѣхалъ. Распутина еще не было въ Саратовѣ. Онъ прислалъ изъ Казани телеграмму, что скоро пріѣдетъ. Черезъ два дня онъ пріѣхалъ. Встрѣтилъ я его около воротъ архіерейскаго дома. Одѣтъ онъ былъ щеголевато: было на немъ дорогое осеннее пальто и мягкая шляпа. Какъ только онъ вошелъ въ домъ, то сейчасъ же сказалъ:

— Вотъ, братъ, штука; какъ меня-то жандармы поддѣли. Въ Камышловѣ, какъ только поѣздъ остановился, такъ сейчасъ меня разбудили и повели въ жандармскую. Офицеръ спросилъ паспортъ. Я показалъ. Меня отпустили. А смѣха-то было. Люди думали, что я какой разбойникъ. Это все — козни Столыпина. Былъ другъ, а вотъ я его поддѣлъ изъ-за тебя, а онъ и обозлился. Ну-ка, садись,— пиши телеграмму тому офицеру. Пиши, что, дескать, я, Григорій Распутинъ-Новый, спжу сейчасъ въ покояхъ епископа Гермогена и спрашиваю его: какое онъ имѣлъ право тревожить меня въ Камышловѣ...

Все это Распутинъ говорилъ, сильно волнуясь. Видно было, что его, придворнаго „пророка“, слишкомъ задѣла придирка самаго обыкновеннаго жандармскаго офицера.

Я написалъ телеграмму въ такомъ духѣ, какъ говорилъ Григорій.

Распутинъ взялъ телеграмму и самъ побѣжалъ сдавать ее.

Вскорѣ пріѣхали Лохтина, Лена и Митя.

Я съ Распутинымъ встрѣтилъ ихъ на вокзалѣ. Дѣвица Лена, о которой мнѣ часто говорилъ Распутинъ, была

молода, красива, но во всемъ ея поведеніи замѣтна была какая-то приниженность. Казалось, что ее насильно держатъ Лохтина и Распутинъ около себя; что на душѣ у нея есть какое-то большое, никому невысказанное, горе, что она слѣдуетъ въ этой компаніи въ силу какой-то страшной, роковой необходимости.

Вопросъ о странномъ поведеніи Лены для меня разрѣшился далеко послѣ, но въ данный моментъ я всѣ ея странности приписалъ просто ея природной застѣнчивости.

Всѣ мы явились къ Гермогену. Бесѣдовали. Обѣдали вмѣстѣ. Во время разговоровъ и обѣда О. В. Лохтина только и знала, что прикладывалась къ ручкѣ о. Григорія. Какъ только Григорій скажетъ какое-либо слово, такъ Лохтина лѣзла цѣловать его грязную руку; то же дѣлать она заставляла и Лену. Лена цѣловала, но какъ-то нехотя. Мы съ Гермогеномъ, видя это, переглядывались, и я думалъ: „Вотъ какой почетъ старцу. Видно, заслужилъ!“

Григорій, помѣстивши женскій полъ въ домѣ эконома, и самъ оттуда почти не уходилъ.

День-два спустя, я собрался ѣхать въ Царицынъ. Григорій меня удерживалъ, а потомъ отпустилъ, пообѣщавъ осенью, въ ноябрѣ мѣсяцѣ пріѣхать съ Гермогеномъ ко мнѣ въ гости. Я поѣхалъ съ мыслями, какъ я буду скоро съ народомъ встрѣчать своего друга и великаго благодѣтеля.

Незамѣтно подошелъ и ноябрь.

Я началъ готовиться къ пріему гостей. Кое-что народу сказалъ о старцѣ, сильномъ у высокихъ людей и возвратившемъ меня изъ Минска въ Царицынъ.

Всѣ были заинтересованы личностью Распутина.

19 ноября 1909 года, въ полдень, пріѣхалъ въ Царицынъ Гермогенъ и привезъ съ собой Григорія. Остановились они въ домѣ купчихи Таракановой, потомъ пріѣхали въ монастырскій храмъ, гдѣ, по случаю дня моего ангела, шла служба.

Гермогена и Распутина встрѣтили торжественно. Гермогенъ взошелъ на амвонъ и обратился къ народу съ словомъ, а Григорій въ это время стоялъ среди народа на женской половинѣ.

Никогда ни прежде, ни послѣ онъ не былъ для меня такъ противенъ, какъ въ этотъ разъ. Я стоялъ около Гермогена, смотрѣлъ на Григорія, и готовъ былъ рвать на

себѣ волосы за тѣ чувства, которыя возбуждалъ во мнѣ Григорій своимъ видомъ: а видъ его былъ до крайности отвратителенъ. Одѣтъ онъ былъ въ черный, крашеный, овчинный полушубокъ, руки его отъ краски были черны, грязны, какъ у кочегара, лицо непріятное, изможденное, взглядъ холодный, скользящій, нечистый. Онъ стоялъ выше другихъ, какъ-то неестественно вытянулся, положилъ свои грязныя руки на головы впереди стоящихъ женщинъ, голову свою высоко задралъ, такъ что борода стала почти перпендикулярно къ лицу въ его естественномъ положеніи, а мутными глазами онъ водилъ во всѣ стороны и, казалось, своимъ взглядомъ онъ выговаривалъ: „Что вы слушаете Гермогена, епископа; вотъ посмотрите на грязнаго мужичка: онъ вашъ благодѣтель; онъ возвратилъ вамъ батюшку; онъ можетъ миловать и карать вашихъ духовныхъ отцовъ“.

Когда Гермогенъ окончилъ проповѣдь, я, поборая въ душѣ своей чувства крайняго отвращенія къ старцу и мысленно сваливая всѣ эти чувства на бѣсовскія козни, вызвалъ Распутина на амвонъ и сказалъ народу:

— Дѣти! Вотъ нашъ благодѣтель. Благодарите его.

Народъ, какъ одинъ человѣкъ, низко поклонился Распутину и, какъ бы скрывая какую тайну, сказалъ:

— Спаси, Господи! Спаси, Господи!

Распутинъ былъ крайне растроганъ оказанною ему честью, ничего не сказалъ и сбѣжалъ въ алтарь къ Гермогену.

Скоро Гермогенъ и Распутинъ покинули монастырь и уѣхали въ городъ.

Придя домой, я обратился къ своему келейнику Емельяну:

— Ну, что, Емельянъ, видѣлъ друга и благодѣтеля, видѣлъ царскаго учителя, пророка и наставника? Не слышалъ ли, что народъ говоритъ по поводу пріѣзда въ Царицынъ брата Григорія?

Емельянъ, человѣкъ 52 лѣтъ, спокойный, степенный, ничѣмъ не возмутимый, вмѣсто того, чтобы сразу дать отвѣтъ на мой вопросъ, сначала, по обыкновенію, подсадилъ повыше на носъ очки рукой, какъ-будто они у него спадали, потомъ началъ одною рукою гладить бороду, а другою водить по своей лысой головѣ и переминаться съ ноги на ногу, при этомъ застѣнчиво, какъ невинный ребенокъ, улыбаться...

— Ну, что, что, говори,—подгонялъ я его.

— Да что, батюшка, хи-хи-хи, правду вамъ нужно сказать...

— Говори, говори правду, всю правду, я люблю правду. Ты это самъ знаешь хорошо. Ну?

— Да народъ говоритъ нехорошо; хоть онъ и кланялся въ храмѣ брату Григорію, а вышелъ изъ храма и говоритъ по угламъ:—а, вѣдь, владыка ѣздитъ съ жуликомъ!

Этотъ народный отзывъ о „старцѣ“ засѣлъ у меня съ тѣхъ поръ въ мозгу, какъ ледяная сосулька.

Вечеромъ пріѣхалъ ко мнѣ въ келью братъ Григорій. Какъ только вошелъ въ комнату, такъ и заговорилъ.

— А на шиотъ этихъ бабъ. У тебя, я говорю, чисто. Онѣ тебя слушаются, и ни одна изъ нихъ даже и не помыслитъ, а у Андрея такъ дѣло плохо: тамъ бабы стоятъ около него, а сами и не слушаютъ его словъ, а думаютъ совсѣмъ о другомъ, о нехорошемъ. Онъ имъ поводъ самъ даетъ.

— Да, я держу себя строго, и ихъ строго,—смущенно отвѣтилъ я, и въ то же время недоумѣвалъ: — почему это онъ такой разговоръ повелъ, совсѣмъ не монашескій.

Немного помолчавъ, Распутинъ продолжалъ: — а счастливый ты, право счастливый!

— Чѣмъ?—спрашиваю.

— Да къ тебѣ любая пойдетъ изъ тѣхъ многихъ, какихъ я сейчасъ видѣлъ въ твоемъ храмѣ.

Я до края былъ смущенъ такими рѣчами, не зналъ, что говорить и думать на рѣчи „старца“, и постарался завести разговоръ о другомъ *).

„Старецъ“, видя, что я не могу говорить на его излюбленную тему, началъ ходить по кельямъ, заглядывать въ углы, а потомъ, какъ-то незамѣтно для меня, исчезъ изъ моей квартиры.

---

*) Но „старецъ“ энергично заставлялъ меня говорить съ нимъ о томъ, о чемъ ему желалось. Онъ отрывисто спросилъ у меня: а какъ, дружокъ, звать твоего регента?

— Иванъ Сорокоумовскій.

— Поди, какіе у него волосы красивые!

— Да, красивые.

— Знаешь что? Ты, голубчикъ, прикажи ему того... остричь волосы...

— Это зачѣмъ? Ему такъ идутъ волосы... Онъ—краса моего хора!

— Ну, да! Да это Богу не нужно, а онъ своими волосами хворостъ, и дѣвки за нимъ ужъ больно бѣгаютъ изъ-за волосъ. Прикажи ему непремѣнно остричь волосы...

— Нѣтъ, я этого сдѣлать не могу, не имѣю никакого права.

— А, поди, онъ здорово съ бабенками возится?

Я молчалъ.

На другой день, рано утромъ, я поѣхалъ въ городъ къ Гермогену. Здѣсь я наткнулся на непріятную исторію. „Старецъ“ лѣзъ съ кулаками на хозяйку дома, Тараканову, и кричалъ: — Я тебѣ покажу! Ишь ты! Мнѣ цари руки умываютъ, а ты што?

— Въ чемъ дѣло, въ чемъ дѣло?—съ волненіемъ спросилъ я.

Хозяйка-старушка стояла въ углу, испытующимъ взглядомъ исподлобья смотрѣла на Распутина и молчала, видимо сдерживая свой гнѣвъ и досаду.

Распутинъ горячился: „вотъ тобѣ и въ гости пріѣхалъ. Она только тобя, да владыку кормитъ, а на меня плевать... Вотъ Гермогену она поставила рукомойникъ, а я спросилъ, гдѣ умыться, такъ она ткнула пальцемъ на кухню, да пробормотала сквозь зубы: вотъ тамъ тебѣ. — Мотри каково? А вѣдь мнѣ цари руки моютъ, воду несутъ, полотенце, мыло. А она“.

Я растерялся окончательно, не зналъ, что сказать въ утѣшеніе расходившемуся „старцу“. Мнѣ было жалко старушку-хозяйку; досадно, что разсердили друга и благодѣтеля, а тутъ мысли о томъ, что другъ-праведникъ, а такъ гнѣвается и обижаетъ хозяйку, которая со всею душою принимала гостей, только больше почтенія оказывала епископу, а не мужику, прямо-таки не давали моей головѣ покоя. Кое-какъ дѣло уладилось.

Поздно вечеромъ проводили Гермогена въ Саратовъ.

Я и Распутинъ возвратились въ домъ Таракановой. Григорій опять напалъ на старушку, когда она, подавая намъ чай, буквально весь столъ уставила вазами съ разнымъ вареньемъ, а сама остановилась тутъ же слѣдить, не будетъ ли кто изъ насъ имѣть въ чемъ-либо нужду.

Григорій погрозился на хозяйку пальцемъ и строго началъ говорить: „смотри у меня. Твово чая я не буду пить. Ты меня обидѣла. За одними смотришь, а другого такъ“...

Старушка стояла, спокойно смотрѣла, и казалось, что своимъ спокойнымъ взглядомъ она выговаривала:—не выкаблучивайся, голубчикъ, много я вашего брата на своемъ долгомъ вѣку видывала; меня не проведешь!

И дѣйствительно, Григорій ее не провелъ. Съ самой первой встрѣчи и до послѣднихъ дней она говорила и говоритъ про него:—это не святой; это озорникъ какой-то! Господи, и на кого цари засмотрѣлись? Что они съ ума,

что ли, спятили. Господи, батюшки! Помилуй насъ и сохрани!

На другой день, послѣ отъѣзда Гермогена, Распутинъ объявилъ мнѣ, что 27 ноября поѣдемъ съ нимъ въ с. Покровское, а до этого дня надо объѣхать въ Царицынѣ всѣхъ моихъ видныхъ почитателей. Я, конечно, былъ согласенъ: въ то время я даже и не думалъ о томъ, что я могъ бы не исполнять какое-либо желаніе, конечно, приличное, своего друга Распутина.

Начали ѣздить по домамъ почитателей. Въ день объѣзжали домовъ 50—60. Въ каждомъ домѣ Григорій Ефимовичъ считалъ долгомъ перецѣловать всѣхъ особъ женскаго пола; особенно красивыхъ онъ принимался цѣловать по нѣскольку разъ.

Я задавалъ себѣ вопросъ: для чего это? Зачѣмъ? И, не умѣя дать на эти вопросы опредѣленнаго отвѣта, успокаивалъ себя тѣмъ, что такъ значитъ надо, значитъ для святого это не вредно и не грѣшно, значитъ братъ Григорій очень цѣльный духомъ человѣкъ, а, быть-можетъ, даже и безстрастенъ. Былъ такимъ Ефремъ Сиринъ.

О грязныхъ цѣляхъ поцѣлуевъ „старца“ я тогда и предположить не осмѣливался.

Купцы Рысины, по моей просьбѣ, справили брату Григорію хорошій полушубокъ на лисьемъ мѣху, такъ какъ мое нутро не выносило того, чтобы мой другъ ходилъ въ противномъ овчинномъ полушубкѣ и маралъ себѣ руки, которыя цѣловали люди. Отъ полушубка Григорій не отказался. Надѣлъ его и сталъ щеголять.

Распутинъ пріемами почитателей остался очень доволенъ. Онъ такъ разчувствовался, что однажды въ моей кельѣ обратился ко мнѣ:—Ну-ка, дружокъ, пиши папѣ и мамѣ, что за мною здѣсь бѣгаютъ тыщи. Да пиши, што-бъ они тебѣ поскорѣ метру дали.

— Не смѣю я писать царямъ, да еще о наградѣ себѣ.

— Вотъ чудакъ, да ты отъ меня...

— Такъ рука-то моя будетъ. Нѣтъ, не могу.

— Ну ладно, я самъ напишу.

Онъ сѣлъ и при мнѣ началъ выводить каракули: — миленькіе папа и мама! Здѣся бѣда, прямо бѣда: за мною тыщи бѣгаютъ. А Иліодорушкѣ нужно метру...

— Не пиши, не пиши про меня, — закричалъ я.

— Ну ладно, не твое дѣло.

Письмо это онъ послалъ.

Послѣ я понялъ, для чего онъ писалъ о „тышшахъ". Тогда противъ него поднималась кампанія во главѣ съ еп. Ѳеофаномъ; такъ Распутинъ старался парализовать домогательства этой кампаніи указаніемъ на тотъ авторитетъ, которымъ онъ якобы пользуется среди народа. А народъ-то и принималъ его только ради меня. Это и самъ Распутинъ хорошо сознавалъ, а поэтому къ „тышшамъ" приплелъ въ письмѣ къ царямъ и „метру".

Дни поцѣлуевъ окончились. Наступило 27 ноября. Въ монастырь собрался народъ и шумно провожалъ насъ изъ Царицына въ далекую Сибирь, на родину Григорія Ефимовича, въ с. Покровское, Тюменьскаго уѣзда, Тобольской губерніи. Ѣхали до мѣста девять сутокъ. За это время я, будучи съ Распутинымъ одинъ на одинъ, наслышался отъ него столько разнообразныхъ чудовищныхъ до сказочности, прямо-таки невѣроятныхъ вещей! Но все имъ разсказанное было правда, ибо подтверждено фактами.

Всю дорогу Григорій болталъ мнѣ обо всемъ, что было интереснаго въ его жизни. Изрѣдка онъ отрывался отъ разсказа только тогда, когда замѣчалъ въ какомъ-либо купе вагона женщинъ или дѣвушекъ; тогда онъ начиналъ ходить мимо того купе взадъ и впередъ, останавливаться около него, безъ всякаго стѣсненія заглядывалъ въ него, навязывался къ дамамъ, особенно красивенькимъ, съ разговорами, съ пустыми разспросами. Гдѣ удавалось ему завести знакомство, а гдѣ и не удавалось. Ходилъ онъ по коридору вагона въ припрыжку; будучи въ шелковой сорочкѣ, онъ то и дѣло пристукивалъ сапогами объ полъ. Я смотрѣлъ на него, удивлялся и думалъ:—другъ-то, другъ мой, а все-таки я хочу разсмотрѣть получше, что ты за пророкъ и за святой. А онъ все ходилъ, говорилъ, потомъ возвращался въ свое купе и все разсказывалъ и разсказывалъ мнѣ.

Вотъ что онъ мнѣ за дорогу разсказалъ.

Былъ онъ до тридцати лѣтъ горькимъ пьяницей и развратникомъ. Потомъ покаялся. Во время молотьбы, когда надъ его святостью смѣялись домашніе, онъ воткнулъ лопату въ ворохъ зерна и, какъ былъ, пошелъ по святымъ мѣстамъ. Ходилъ цѣлый годъ. Много видѣлъ, много слышалъ. Пришелъ домой. Домашніе приняли его ласково и уже не смѣялись надъ его религіозностью. Въ хлѣву у себя выкопалъ пещеру и молился тамъ Богу двѣ недѣли. Чрезъ нѣкоторое время пошелъ опять странствовать. Повелѣлъ

это ему сдѣлать св. Симеонъ Верхотурскій. Онъ явился ему во снѣ и сказалъ: — Григорій! Иди, странствуй и спасай людей. Онъ пошелъ. На пути въ одномъ домѣ онъ повстрѣчалъ чудотворную икону Абалакской Божіей Матери, которую монахи носили по селеніямъ. Григорій заночевалъ въ той комнатѣ, гдѣ была икона. Ночью проснулся. смотритъ, а икона плачетъ, и онъ слышитъ слова:—Григорій! Я плачу о грѣхахъ людскихъ; иди странствуй, очищай людей отъ грѣховъ ихъ и снимай съ нихъ страсти.

И Григорій послушался Владычицу, пошелъ. Исходилъ почти всю Россію. Посѣтилъ лавры, многіе видные монастыри. Знакомился съ священниками, монахами, монахинями, старцами, архимандритами, епископами и, наконецъ, добрался до царей.

— Былъ я у о. Іоанна Кронштадтскаго. Онъ меня принялъ хорошо, ласково. Сказалъ: — странствуй, странствуй братъ, тебѣ много даровъ далъ Богъ, помогай людямъ, будь моею правою рукою, дѣлай дѣло, которое и я недостойный, дѣлаю...

Былъ у старца Геѳсиманскаго скита, Варнавы. Здѣсь произошло нѣчто непріятное и смѣшное. — Пришелъ я къ нему,—разсказывалъ Григорій,—въ первый разъ мужикъ-мужикомъ: въ дешевомъ, засаленномъ пиджакѣ, въ лаптяхъ, нечесанный, грязный... А онъ все чистыхъ, да видныхъ, да богатыхъ подзываетъ къ себѣ, а меня-то все рукою отталкиваетъ подальше, подальше. Тогда я пошелъ въ лаврскую гостинницу, къ своему другу — богатому купцу, надѣлъ его костюмъ, шубу, дорогую шапку, вымылся, расчесалъ бороду и пришелъ къ Варнавѣ: нарочно даже и цѣпочку золотую отъ часовъ на видъ выставилъ. Старецъ увидѣлъ меня и сейчасъ же замахалъ рукою:—а пойди сюда, пойди сюда, дружокъ. Я подошелъ. Онъ меня благословилъ и поцѣловалъ. Потомъ повелъ меня въ свою внутреннюю келью. Здѣся я ему и говорю:—старецъ, я тебя обманулъ.

— Какъ такъ?

— Да вчера я къ тебѣ пришелъ мужикомъ, какъ я и есть, и ты меня все отталкивалъ... А сегодня пришелъ я къ тебѣ купцомъ, ты меня позвалъ, честь оказалъ.

— А, а,—протянулъ старецъ, — какой ты Григорій, озорникъ. Да вѣдь, самъ знаешь, что со всѣми людьми одинаково обращаться не гоже. Къ богатымъ такъ, а къ бѣднымъ такъ. Вѣдь отъ богатыхъ намъ больше пользы.

Конечно, больше всего Распутинъ разсказывалъ мнѣ о томъ, какъ онъ бываетъ у царей и что тамъ дѣлаетъ. Всего разсказаннаго имъ я въ этой главѣ приводить не буду, чтобы избѣжать ненужныхъ повтореній въ слѣдующихъ главахъ. Все-таки обо всемъ скажу, только въ своихъ мѣстахъ.

— Не думай,—говорилъ мнѣ Распутинъ, — чтобы съ царями легко говорить. Нѣтъ трудно, ажъ губы кровью запекаются, весь съежишься, когда даешь имъ какой-либо совѣтъ... Они у меня спрашиваются обо всемъ... О войнѣ, о Думѣ, о министрахъ... Вотъ враги хотятъ, чтобы я тамъ не былъ. Шалишь... Безъ меня цари не могутъ. Хоть имъ трудно выслушивать выговоры мужика, а они слушаютъ. Разъ царь говоритъ такъ, а я говорю: „вотъ такъ“, такъ у него ажъ румянцы заиграли на обѣихъ щекахъ, весь затрясся, неохотно-то мужика слушать, а послушался... Онъ безъ меня и дыхнуть не можетъ. Все мнѣ говоритъ:—Григорій, Григорій! Ходи чаще къ намъ, когда ты съ нами, намъ весело, легко, отрадно. Ходи, только ни о комъ не проси меня. Вѣдь знаешь, я тебя люблю, и всегда готовъ сдѣлать все то, что ты скажешь, но мнѣ бываетъ трудно иногда исполнять твои желанія, такъ какъ ты желаешь такъ, а министры иначе, вѣдь они тебя не любятъ, особенно Столыпинъ.

— Царь разъ упалъ предо мною на колѣни и говоритъ:—Григорій, Григорій, ты Христосъ, ты нашъ Спаситель. А почему? Когда революція подняла высоко голову, то они очень испугались. А тутъ Антоній Волынскій гдѣ-то сказалъ проповѣдь, что наступили послѣднія времена. Они и давай складывать вещи, чтобы куда-то спрятаться. Позвали меня и спросили. А я долго ихъ уговаривалъ плюнуть на всѣ страхи и царствовать. Все не соглашались. Я на нихъ началъ топать ногою и кричать, чтобы они меня послушались. Первая государыня сдалась, а за нею и царь. Когда я пришелъ къ нимъ послѣ успокоенія, они оба упали предъ мною на колѣни, стали цѣловать мои руки и ноги. Царица подняла кверху руки свои и со слезами говорила: — Григорій! Если всѣ люди на землѣ возстанутъ на тебя, то я не оставлю тебя, и никого не послушаюсь. А царь, тоже поднявши руки, закричалъ: — Григорій, ты Христосъ!

— Для меня открыта ихъ казна. Только царица скупа все-таки. Если брать у ней по тысячѣ, она ничего не го-

воритъ, всегда безпрекословно даетъ, а если, къ примѣру сказать, когда попросить десять тысячъ или больше, то она начинаетъ мяться и спрашивать:—а на что деньги? Куда? Когда ей объяснишь, она даетъ мнѣ и по двадцать тысячъ.

— Разъ царь говоритъ мнѣ: — Григорій! Мнѣ Столыпинъ не нравится своею наглостью. Какъ быть?

— А ты его испугай своею простотою.

— Какъ такъ?

— Возьми одѣнь самую простую русскую рубашку и выдь къ нему, когда онъ явится къ тебѣ съ особенно важнымъ докладомъ.

Царь такъ и сдѣлалъ. Столыпинъ, явившись, увидѣлъ царя и спросилъ: Ваше величество! Какъ вы просто одѣты?—А царь по моему совѣту, отвѣтилъ:—самъ Богъ въ простотѣ обитаетъ.—Отъ этихъ словъ Столыпинъ прикусилъ языкъ и даже какъ-то покоробился.

— Ты хочешь знать, какъ у меня явилась новая фамилія, Новый? Слушай! Когда я однажды поднимался во дворецъ по лѣстницѣ, въ это время цари, дожидаясь меня, сидѣли въ столовой. Государыня держала на колѣняхъ наслѣдника, тогда еще не говорившаго ни слова. Какъ только я показался въ дверяхъ, то наслѣдникъ захлопалъ ручонками и залепеталъ: „Новый, Новый, Новый“! Это были первыя его слова. Тогда царь далъ приказъ именовать меня по фамиліи не Распутинъ, а Новыхъ.

— Когда я бываю у царей, я цѣлые дни провожу въ спальнѣ у царицы... Цѣлую ее, она ко мнѣ прижимается, кладетъ на плечи мнѣ свою голову, я ее ношу по спальнѣ на рукахъ, какъ малое дитя. Это ей нравится. Такъ я дѣлаю часто, часто.

— Также часто бываю въ спальняхъ дѣтей. Благословляю ихъ на сонъ, учу молиться, пою съ ними „гимнъ“... Однажды запѣли, дѣвочки хорошо пѣли, а Алешка не умѣлъ, да бралъ, бралъ не въ тонъ, да какъ заоретъ на всѣ комнаты, ажъ царица прибѣжала и его успокоила.

— Съ дѣтьми я часто шучу. Было разъ такъ. Всѣ дѣвочки сѣли мнѣ на спину верхомъ; Алексѣй забрался на шею мнѣ, а я началъ возить ихъ по дѣтской комнатѣ. Долго возилъ, а они смѣялись. Потомъ слѣзли, а наслѣдникъ и говоритъ:—ты, прости насъ, Григорій, мы знаемъ, что ты—священный и такъ на тебѣ ѣздить нельзя, но это мы шутили.

— Когда бываю у царей, то встрѣчаю тамъ иностранныхъ королей. Разъ видѣлъ такого въ кабинетѣ царя, но не знаю, кто онъ былъ, такъ какъ себя не назвалъ, а я съ нимъ поздоровался и ушелъ къ царицѣ.

— Князь Николай Черногорскій видѣлъ меня во снѣ, когда болѣлъ. Трудно ему было, и онъ увидѣлъ во снѣ какого-то русскаго мужичка. Мужичекъ сказалъ ему: „будь здоровъ!“ Черезъ три дня поѣдешь! Такъ и случилось. Онъ выздоровѣлъ. Написалъ объ этомъ письмо дочери, та взяла мой портретъ и послала ему. Онъ, получивши, отвѣтилъ, что видѣлъ во снѣ именно того мужичка, который изображенъ на карточкѣ... А я, когда онъ болѣлъ, горячо молился объ его здоровьѣ Богу.

— Возилъ во дворецъ и жену свою Пелагею. Тамъ ее цари, какъ и меня, принимали хорошо, ласкали, кормили.

— Хорошо мнѣ бываетъ во дворцѣ, да только враги зубы щерятъ. Первый Столыпинъ. Другъ былъ, писалъ телеграммы, спрашивалъ, поздравлялъ, вызывалъ меня въ Питеръ, а потомъ бѣсу началъ служить, особенно когда я тебя изъ Минска въ Царицынъ перевелъ. Съ тѣхъ поръ и ранѣе онъ слѣдилъ за мною, какъ пріѣзжаю въ Питеръ, то приказываетъ сыщикамъ бѣгать за моею каретою. Я объ этомъ говорилъ царямъ, а они мнѣ:—плюнь погоняется, да отстанетъ, вѣдь ему въ ротъ не въѣдешь, а онъ тебѣ что сдѣлаетъ, когда мы съ тобою и ты съ нами.

— Они, Столыпинъ и Татищевъ, тебя готовы въ ложкѣ утопить, но только пусть помѣшкаютъ. У нихъ руки коротки. Татищевъ разъ написалъ письмо о тебѣ государю. Въ письмѣ томъ жаловался, что царь тебя, монаха-бунтовщика, поставилъ выше губернатора, который—товарищъ царю, такъ какъ служилъ съ нимъ офицеромъ въ Семеновскомъ или Преображенскомъ полку. Царь читалъ мнѣ его письмо. Прочиталъ, засмѣялся и сказалъ: „вотъ дуракъ-то, такъ дуракъ, а губернаторъ царя называетъ своимъ товарищемъ, высоко хватилъ. Правда, Григорій?“

— Антонія Волынскаго государь страшно не любитъ. Считаетъ его человѣкомъ лукавымъ, невѣрующимъ, нечестнымъ. Онъ говорилъ мнѣ нѣсколько разъ такъ: „непріятно мнѣ видѣть Волынскаго епископа, нехорошій онъ человѣкъ, когда я съ нимъ разговариваю, то онъ никогда въ глаза мнѣ прямо не смотритъ, а все водитъ ими по сторонамъ или закрываетъ“.

— Про архіереевъ царь говорилъ мнѣ такъ: „никого

я не опасаюсь такъ, какъ архіереевъ. Министровъ, вельможъ покараешь, они смиряются. Архіереевъ боюсь: они— гордецы, тронь ихъ, поднимутся, такъ не отвяжешься, они накинутся прямо, какъ діаволы. Боюсь ихъ".

— Тебя цари очень любятъ за то, что ты въ годы революціи очень стоялъ за нихъ, ругалъ люціонеровъ и жидовъ. Они говорятъ: „такъ Иліодоръ поступалъ, хотя и рѣзко, а правильно, такое время было. А теперь ему надо потише, уже успокоеніе наступаетъ. Да правительство ему трогать никакъ не надо! Скажи ему, чтобы онъ министровъ и полицію не обличалъ".

— Такъ я тебѣ и говорю царскими словами: не тронь министровъ и полицію, а только жидовъ и люціонеровъ, да и то потише, не такъ какъ тогда. Время братъ не такое. Опасность миновала. А правительство никогда не ругай, цари говорятъ, что на него и такъ много нападокъ.

— Всѣ царскія дочери не прочь пріѣхать къ тебѣ въ гости, въ Царицынъ.

— Много зла дѣлаетъ мнѣ при дворѣ сестра царицы—Елисавета и Тютчева. Царица сердится на Елисавету, что народъ ее считаетъ святой, а ее, маму, нѣтъ. Какъ она ни старается: и въ театры не ходитъ, и баловъ не устраиваетъ, а все народъ говоритъ, что Елисавета святая, а про нее не говорятъ этого. А Тютчева всегда противъ меня идетъ. Разъ заявила царямъ, чтобы я не ходилъ въ спальню къ дѣвочкамъ, когда онѣ еще лежатъ и раздѣты. Она сказала:—если Григорій будетъ ходить, то я уйду изъ дворца. А я царямъ сказалъ:—я хожу молиться и о Богѣ дѣтямъ говорить, а на Тютчеву плевать, пташка небольшая. Кароста! Смирилась, замолчала.

— А видишь на мнѣ крестъ золотой? Вотъ смотри написано: „Н". Это мнѣ царь далъ, чтобы отличить. Этимъ крестомъ я бѣсовъ изгоняю. Когда ѣхалъ къ тебѣ въ Царицынъ, въ Казанской губерніи я изъ одной женщины изгналъ бѣса, злого бѣса, изгонялъ на берегу рѣки, онъ меня укусилъ: вотъ мотри какъ кожа подъ ногтемъ почернѣла. А все-таки я его одолѣлъ: онъ выскочилъ и убѣжалъ подъ ледъ, ажъ ледъ затрещалъ. Я объ этомъ написалъ изъ Царицына письмо царямъ, чтобы они не слушали враговъ, а помнили, что меня и бѣсы боятся: и какъ они отъ меня убѣгаютъ, такъ и враги всѣ разлетятся... Они думаютъ легко съ Григоріемъ справиться. Нѣтъ шалишь... Попы сибирскіе злятся, что я этотъ крестъ ношу, а мнѣ

что царь далъ, повѣсилъ, такъ какой попъ, либо архіерей можетъ снять съ меня этотъ крестъ. Шалишь! Подожди немного...

Когда я слушалъ незатѣйливыя повѣствованія Распутина обо всѣхъ его чудовищныхъ приключеніяхъ, то мысль моя была прямо-таки прибита, и я ни о чемъ не разсуждалъ, а только удивлялся и до края поражался тѣмъ, что слышалъ.

Незамѣтно прошло восемь дней, какъ мы пріѣхали въ Тюмень. Въ Тюмени остановились у сундучника. Здѣсь встрѣтилась Григорію Ефимовичу старая знакомая, какая-то монахиня съ лукавой улыбкой на красивомъ лицѣ, съ которою Григорій Ефимовичъ познакомился давно, во время одного странствованія. Въ этотъ разъ Распутинъ безцеремонно цѣловалъ ее, мялъ ея бедра, расписывалъ мнѣ, какая она полная раньше была и т. д.

Ночь ночевалъ Распутинъ не со мной, а куда то убѣгалъ.

Послѣ мнѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что Распутинъ ночевалъ у дочери сундучника, очень красивой, молодой замужней особы. Мужа не было въ это время, и его замѣнилъ Распутинъ. Распутинъ каждый разъ, когда возвращался изъ Питера, дарилъ ей деньги и подарки разные... Когда мы пили чай въ домѣ хозяина, то Распутинъ все время гладилъ голыя до самыхъ локтей, пухлыя и бѣлыя руки красавицы, и все лѣзъ къ бедрамъ.

Григорій очень хотѣлъ, чтобы я на родинѣ его въ селѣ Покровскомъ, отслужилъ обѣдню 6 декабря и сказалъ крестьянамъ проповѣдь. Онъ желалъ просто похвалиться передъ односельчанами, что у него есть хорошій другъ—проповѣдникъ. Съ этою цѣлью онъ послалъ епископу Тобольскому Антонію телеграмму съ просьбой разрѣшить мнѣ въ его епархіи служить и проповѣдывать, такъ какъ я безъ благословенія мѣстнаго епископа не соглашался этого дѣлать. Епископъ Григорію ничего не отвѣтилъ. Тогда онъ уже изъ Покровскаго послалъ, тотчасъ по пріѣздѣ, телеграмму царямъ. Вырубова отвѣтила:—Какъ хотите, такъ и дѣлайте, но мама и папа боятся только шума.

Я рѣшилъ не служить и не проповѣдывать.

Въ Покровскомъ домашніе Распутина встрѣтили меня очень любезно и торжественно: даже постлали отъ дома до самыхъ воротъ ковры.

Въ Покровскомъ я увидѣлъ и услышалъ слѣдующее.

Увидѣлъ отца Распутина, стараго, крѣпкаго, расторопнаго, самаго обыкновеннаго сибирскаго крестьянина,—жену Распутина, Прасковью Ѳедоровну, хорошую, но болѣзненную женщину, которая знала всѣ художества своего муженька, но изъ-за корыстныхъ разсчетовъ скрывала его похожденія, и когда у ней спрашивали о „дѣлахъ“ Григорія, она всегда отвѣчала и отвѣчаетъ отрицательно.

Старшая дочь, Матрена, была въ это время въ Петербургѣ, уже училась въ какомъ-то пансіонѣ, играла, по словамъ Распутина, на роялп, танцевала.

Помѣстилъ Распутинъ дочь свою въ пансіонъ съ помощью Г. П. Сазонова. По этому поводу онъ въ свое, нужное, время писалъ Сазоновымъ: „Я вотъ душой съ вами. Боже, храни васъ воспасенье. Не знаю, когда Матрешино дѣло подать въ ваше учрежденье училище. Я думаю пріѣду въ Питеръ. Не знаю, какъ я пріѣду. Глубоко васъ чту и безкорыстно. Возведи, Боже, правду на высоту и утѣшь безкорыстныхъ“. (Дневники Лохтиной).

Позже, когда Матреша выучилась въ пансіонѣ танцовать и на роялп играть, Распутинъ возымѣлъ дерзкое намѣреніе помѣстить ее въ Смольный институтъ.

Въ 1914 году онъ и готовъ былъ это намѣреніе привести въ дѣло. Но этому воспротивилась начальница института, княжна Ливенъ. Она заявила, что если Григорій успѣетъ въ своихъ домогательствахъ и помѣститъ свою дочь Матрену въ институтъ, то она уйдетъ въ отставку. Григорій учелъ всю непріятность такого дѣла, не сталъ настаивать на своемъ желаніи, и благоразумно отказался отъ своего намѣренія. А когда его послѣ этого спрашивали: „А правда, что вы, Григорій Ефимовичъ, хотѣли свою дочь отдать на воспитаніе въ Смольный институтъ?“ онъ отвѣчалъ: „Враки —это, куда мнѣ, мужичку, туда съ своими дочерьми лѣзть? Тамъ все высокія да знатныя. Да и баба тамъ, начальница-то, ужъ слишкомъ вздорная и глупая. Не стоитъ мнѣ съ ней связываться. Свяжись съ дуракомъ, самъ дуракомъ станешь“.

Хотя объ этомъ столкновеніи Распутина съ Ливенъ я узналъ изъ газетъ, но я вѣрю, потому что мнѣ лично Григорій однажды говорилъ о своемъ намѣреніи отдать „Матрешку“ въ Смольный институтъ.

Увидѣлъ прекрасный домъ. Распутинъ объяснилъ: „Прежде у меня была хатенка, а теперь какой домъ-то,

домина настоящій. Все Милица сдѣлала: дала мнѣ для этого 2700 рублей, вотъ и домъ получился".

Въ домѣ увидѣлъ хорошо меблированныя комнаты, дорогой большой коверъ на полу, на стѣнахъ множество дорогихъ иконъ, разныхъ ненужныхъ вещей, царскіе портреты съ золотыми коронами. Когда все это я, недоумѣвая, разсматривалъ, Распутинъ, какъ бы танцуя вокругъ меня, объяснялъ: „Вотъ этотъ портретъ сами цари заказывали для меня; вотъ эти иконы, пасхальныя яйца, писанки, фонарики—царица мнѣ въ разное время давала. Вотъ этотъ коверъ стоитъ 600 рублей, его мнѣ прислала жена вел. кн. Н. за то, что я благословилъ ихъ на бракъ, ни Антоній митрополитъ, ни Синодъ, ни патріархъ Константинопольскій не разрѣшили ему жениться на ней, а я разрѣшилъ, и они мнѣ козеръ, во какой коверъ, самый лучшій, персидскій, 600 рублей стоитъ!"

Показавши все, что было на виду, Распутинъ взялъ ключъ и отперъ имъ большой сундукъ. Изъ сундука онъ вынулъ цѣлый узелокъ съ чѣмъ-то. Развязалъ. Тамъ были письма: „Это все письма ко мнѣ царицы, дѣвочекъ ихнихъ, великихъ княженъ и князей.... А вотъ письма наслѣдника, мотри, какія ковелюги, только одна буква „А", а все остальное—чепуха. Это онъ писалъ тогда, когда научился писать только одну букву, вотъ расписался и далъ мнѣ на память"...

Я посмотрѣлъ пристально на письмо наслѣдника. На небольшомъ клочкѣ уже истрепанной бумаги, въ серединѣ, была написана буква „А", а отъ нея во всѣ стороны шла безконечная кривая линія—росчеркъ наслѣдника.

— Братъ Григорій, дай мнѣ на память нѣсколько писемъ,—взмолился я.

Распутину очень понравилось мое удивленіе и просьба, и онъ сказалъ: „Хорошо, выбирай, только письмо наслѣдника не тронь, оно у меня самого одно только".

Я выбралъ письма государыни и великихъ княженъ *).

Письмо Александры.—Возлюбленный мой и незабвенный учитель, спаситель и наставникъ. Какъ томительно мнѣ безъ тебя. Я только тогда душой покойна, отдыхаю, когда ты, учитель, сидишь около меня, а я цѣлую твои руки и голову свою склоняю на твои блаженныя плечи. О, какъ легко, легко мнѣ тогда бываетъ. Тогда я желаю мнѣ одного: заснуть, заснуть на вѣки на

*) Приводимъ эти письма съ копій, помѣщенныхъ въ воспоминаніяхъ Иліодора.

твоихъ плечахъ, въ твоихъ объятіяхъ. О, какое счастье, даже чувствовать одно твое присутствіе около меня. Гдѣ ты есть? Куда ты улетѣлъ? А мнѣ такъ тяжело, такая тоска на сердцѣ... Только ты, наставникъ мой возлюбленный, не говори Ани о моихъ страданіяхъ безъ тебя. Аня добрая, она—хорошая, она мнѣ любитъ, но ты не открывай ей моего горя. Скоро ли ты будешь опять около меня? Скорѣй пріѣзжай. Я жду тебя, и мучаюсь по тебѣ. Прошу твоего святого благословенія и цѣлую твои блаженныя руки. Во вѣки любящая тебя *М...(ама)* *).

Письмо Ольги.—Безцѣнный другъ мой! Часто вспоминаемъ тебя, какъ ты бываешь у насъ и ведешь съ нами бесѣду о Богѣ. Тяжело безъ тебя: не къ кому обратиться съ горемъ, а горя-то, горя сколько! Вотъ моя мука. Николай меня съума сводитъ. Какъ только пойду въ Соборъ, въ Софію, и увижу его, то готова на стѣнку влезть все тѣло трясется... Люблю его... Такъ бы и бросилась на него. Ты мнѣ совѣтовалъ поосторожнѣй поступать.— Но какъ же поосторожнѣй, когда я сама съ собою не могу совладать... Ѣздимъ часто къ Анѣ. Каждый разъ я думаю, не встрѣчу ли я тамъ тебя, мой безцѣнный другъ; о, если-бы встрѣтить тамъ тебя скорѣе и попросить у тебя совѣтовъ насчетъ Николая. Помолись за меня и благослови. Цѣлую твои руки. Любящая тебя *Ольга*

Письмо Татьяны.—Дорогой и вѣрный другъ мой! Когда же ты пріѣдешь сюда Долго-ли ты будешь сидѣть въ Покровскомъ. Какъ поживаютъ твои дѣтки? Какъ Матреша? Мы, когда собираемся у Ани, то вспоминаемъ всегда всѣхъ васъ. А какъ хотѣлось бы побывать намъ въ Покровскомъ! Когда же настанетъ это время. Скорѣе устрой все; ты все можешь. Тебя такъ Богъ любитъ. А Богъ, по твоимъ словамъ, такой добрый, хорошій, что непремѣнно исполнитъ все, что ты задумаешь. Такъ скорѣе же навѣсти насъ. А то намъ безъ тебя скучно, скучно. И Мама болѣетъ безъ тебя. А намъ такъ тяжело на нее, больную, смотрѣть. О, если бы ты зналъ, какъ намъ тяжело переносить Мамину болѣзнь. Да ты знаешь, потому что ты все знаешь. Цѣлую тебя горячо и крѣпко, мой милый другъ. Цѣлую твои святыя руки. До свиданія. Твоя *Татьяна.*

Письмо Маріи:—Милый, дорогой, незабвенный мой другъ! Какъ я соскучилась по тебѣ. Какъ скучно безъ тебя. Не повѣришь-ли, почти каждую ночь вижу тебя во снѣ. Утромъ, какъ только просыпаюсь, то я беру изъ подъ подушки евангеліе, тобою мнѣ данное, и цѣлую его... Тогда я чувствую, что какъ будто тебя я цѣлую... Я такая злая, но я хочу быть доброю и не обижать нашу милую, хорошую, добрую няню. Она такая добрая такая хорошая, мы ее такъ всѣ любимъ. Помолись, незабвенный другъ, чтобы мнѣ быть всегда доброю. Цѣлую тебя. Цѣлую твои свѣтлыя руки. Твоя всегда *Марія.*

Письмо Анастасіи.—Милый мой другъ! Когда мы тебя уви-

---

*) Царица Александра во всѣхъ письмахъ къ Распутину подписывается одною буквою „М", что значитъ: „мама". Она такъ сама себя называетъ, и всѣ члены придворнаго распутинскаго кружка такъ же ее именуютъ „мамою" и только „мамою".

димъ. Аня вчера мнѣ сказала, что ты скоро пріѣдешь. Вотъ я буду радоваться. Я люблю, когда ты говоришь намъ о Богѣ. Я люблю слушать о Богѣ. Мнѣ кажется, что Богъ такой добрый, такой добрый. Помолись Ему, чтобы Онъ помогъ Мамѣ быть здоровой. Часто вижу тебя во снѣ. А ты меня во снѣ видишь? Когда же ты пріѣдешь? Когда ты будешь въ дѣтской нашей говорить намъ о Богѣ. Скорѣй ѣзжай. А я стараюсь быть пай, какъ ты мнѣ говорилъ. Если будешь всегда около насъ, то я всегда буду пай. До свиданія. Цѣлую тебя, а ты благослови меня. Вчера на маленькаго обидѣлась, а потомъ помирились. Любящая тебя твоя *Анастасія.*

Еще я взялъ манифестъ по поводу открытія мощей Серафима, манифестъ, писанный рукою царицы.

На вопросъ:—Какимъ образомъ манифестъ попалъ къ тебѣ?—Распутинъ отвѣтилъ:—Да это мама прислала мнѣ провѣрить, хорошо-ли написанъ, или нѣтъ; прислали одобрить, и я одобрилъ; тогда они его обнародовали. Вообще, они всегда обращаются въ такихъ случаяхъ ко мнѣ за совѣтомъ.

— Цари обращаются къ безграмотному мужику!— мелькнула въ головѣ моей искусительная мысль... Но, вѣдь, и апостолы были просты, а просвѣтили всю вселенную,— поспѣшилъ я поправить себя, искренно опасаясь, какъ-бы прозорливый старецъ не угадалъ моихъ преступныхъ мыслей и не изобличилъ бы меня за это...

Видѣлъ я въ домѣ Распутина двухъ миловидныхъ дѣвушекъ: Катю и Дуню. Онѣ покорно служили въ домѣ, пѣли пѣсни, вели себя тихо и смирно. А разъ сдѣлали такъ. Когда я ложился въ залѣ на кушеткѣ, онѣ приволокли свои матрацы и начали стелить ихъ около меня. Я запротестовалъ. Онѣ оправдывались:—Это намъ о. Григорій приказалъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, нельзя! Если я кого здѣсь стѣсняю, мѣста нѣтъ кому-либо для ночлега, то я уйду въ баню, кстати ее сегодня топили...

Изъ другой комнаты послышался окрикъ Григорія:— Ну, ладно, ладно, не надо! Уйдите!

Дѣвушки подхватали свои постели и быстро, конфузясь, побѣжали изъ зала.

Послѣ уже я понялъ, что Распутинъ хотѣлъ меня соблазнить на грѣхъ, чтобы сдѣлать меня связаннымъ, когда я, при случаѣ, дерзнулъ бы, по примѣру прежнихъ его друзей, выступить противъ грязныхъ дѣлъ Григорія.

Это мнѣ стало ясно изъ слѣдующаго. Когда противъ

Распутина пошелъ іеромонахъ Веніаминъ, обвиняя его въ нехорошихъ дѣлахъ съ женщинами, то Григорій и мнѣ говорилъ, и царямъ, по его словамъ, писалъ, что Веніаминъ лжетъ про него, самъ, яко-бы, грязенъ и другихъ грязнитъ. При этомъ онъ всегда на разные лады разсказывалъ, какъ Веніаминъ ему про себя будто говорилъ, что, ѣдучи въ поѣздѣ въ московскую лечебницу для душевнобольныхъ къ нѣкоему монаху Неофилу Шалаурову, онъ будто-бы соблазнился одною молодою дамою, когда, лежа на верхней полкѣ, посмотрѣлъ на нее, спавшую и соблазнительно раскинувшуюся на нижней лавкѣ, что будто-бы хотѣлъ даже слѣзть...

Такъ вотъ этотъ случай Распутинъ выдвигалъ противъ своего обвинителя, какъ тяжкое преступленіе. Что же бы онъ говорилъ, когда зналъ бы за мною что-либо подобное? А такъ какъ не зналъ, ибо ничего не было, а нужно, чтобы, на всякій случай, что-либо было, то онъ и хотѣлъ своими дѣвушками соблазнить меня, потомъ ошельмовать, если пришлось бы, и сдѣлать меня безотвѣтнымъ...

Видѣлъ я, какъ Распутинъ писалъ великимъ княгинямъ Анастасіи и Милицѣ, чтобы онѣ прислали ему 300 руб. денегъ помочь бѣднымъ. Я особенно заинтересовался этими телеграммами, и лукаво думалъ:—А ну-ка, [illegible] или нѣтъ.

Княгини не отвѣтили.

Распутинъ это объяснялъ такъ:—враги, враги на меня въ Питерѣ идутъ. Отбиваютъ друзей отъ меня. Это все Ѳеофанъ, да Веніаминъ. Наплевать. Поѣду послѣ Хрещенія къ мамѣ, достану 3000 рублей.

Въ это время Ѳеофанъ былъ въ Ялтѣ, лѣчился воздухомъ отъ чахотки. Распутинъ, видимо, еще не теряя надежды на „покаяніе“ своего перваго друга, послалъ ему при мнѣ телеграмму, чтобы онъ каждый день пилъ чайный стаканъ вина, и тогда будетъ здоровъ. Просилъ его отвѣта.

Ѳеофанъ не отвѣтилъ. Распутинъ понялъ, что Ѳеофанъ на мировую не пойдетъ, и очень мучился, волновался и по временамъ лицо его чернѣло, онъ билъ себя въ грудь и говорилъ: „враги, враги тамъ работаютъ“. Дѣйствительно, какъ оказалось послѣ, и что узнаетъ читатель, въ то время во главѣ съ епископомъ Ѳеофаномъ начиналась первая серьезная кампанія противъ Распутина...

Утромъ 6-го декабря Распутинъ отъ себя и отъ меня послалъ царямъ поздравительную телеграмму. Изъ дворца былъ полученъ отвѣтъ: „Сердечно благодаримъ Рады привѣту. Анна".

Въ этотъ же день Распутинъ посылалъ телеграмму Барнаульскому епископу Мелетію, прося его пріѣхать въ гости. Мелетій отвѣтилъ, что пріѣдетъ.

Здѣсь умѣстно сказать, что Распутинъ, вообще, очень часто обращался къ царямъ съ письмами и телеграммами утѣшеніями, наставленіями и другими.

Посылая 30 ноября 1910 года царицѣ Александрѣ икону Благовѣщенія, онъ сдѣлалъ на ней такую надпись: „*Богъ радуетъ и утѣшаетъ, какъ сіе*". „*Извѣщаетъ событіе, даетъ въ знакъ цвѣты*".

Поздравляя въ 1917 году царя Николая со днемъ ангела, Распутинъ писалъ ему въ телеграммѣ:—„*День ангела Богъ прославитъ кротостью, вѣрою въ Бога. Рѣшительность на небѣ. Папа мой*".

Посылая 5 декабря—какого года, неизвѣстно—царю Николаю икону „Нерушимой Стѣны", „старецъ" сдѣлалъ на ней такую надпись: „*День ангела! Не убоимся страха. Смѣло говори истину,—Богъ научитъ! Отъ словъ твоихъ трепетъ. Не бойся зла, папа мой*".

Однажды утѣшая Александру, Распутинъ писалъ ей:—„*Радуйтесь воспоминаніямъ, чувствуйте вмѣстѣ; тревога неумѣстна; пусть будетъ благодать ума. Тамъ быть не могу. —Дорогіе мои! Мама, голубчикъ, дорогой мой, не скучай и не унывай, ничего, все пріятно*".

Когда Александра приболѣла, „старецъ" посылалъ ей телеграмму: „*Надѣюсь, здоровье улучшится. Благодать Божія выше болѣзни. Будь безбоязнена во всемъ*".

По какому-то, неизвѣстному мнѣ, поводу, Григорій писалъ царямъ:—„*Спаси Господи мне живется хорошо и вы радуйтесь*".

Иногда „старецъ" писалъ письма царямъ стихами. Напримѣръ: „*Скука безцѣнная, мука безконечная, веселье суть ангеловъ, премудрости нѣтъ числа*".

Поклоняясь гробу Господню въ Іерусалимѣ, Распутинъ телеграфировалъ оттуда царицѣ:—„*Золотыя мои малютки достигъ градъ святъ слово повели по святымъ мѣстамъ чего я здѣсь напишу о всей церемоніи умѣли ноги я разскажу пріѣду вы истинныя мои боголюбивыя вы хотя безъ васъ умыванье ногъ Господи гробъ это такая радость и вы со мной*

стояли Аннушка ты была и мама и папа и всѣ были мои кабы боле захотѣлось стать близко другъ ко другу и хоть перстикомъ задѣть потому тутъ любовь болѣе мама поймите Аннушка тутъ стыда нѣтъ цѣлую мои, мои всѣ, всѣ всѣ мои“.

Заглянувши по пути въ Іерусалимъ, въ Почаевскую Лавру, Распутинъ 1911 года 22 февраля написалъ царямъ такое письмо о полученныхъ въ Лаврѣ своихъ впечатлѣніяхъ: „Дивная Почаевская лавра что меня удивило: перво увидѣлъ я людей Божіихъ и возрадовался богомольцамъ очень, что нашелъ я истинныхъ поклонниковъ тутъ явился страхъ въ душѣ и наука: исканія Бога какъ онѣ собираютъ жемчугъ истинный, а потомъ увидѣлъ матерь Божію и объялъ страхъ и трепетъ и получилъ тишину и замѣтилъ въ себѣ кротость прибавляется послѣ всякой святыни дорогой жемчугъ—смиреніе“.

* * *

„И увидѣлъ пещеры, дивныя чудеса чудесъ какъ ихъ Господь благословилъ какъ же намъ не вѣрить; поневолѣ вздохнешь, онѣ въ дикомъ камнѣ сама рука Божія творила ихъ и укрывались тамъ иноки отъ нашествія инородцевъ. Тяжелыя воспоминанія мучителей иноплеменниковъ, а въ настоящее время болѣе мученія: братъ на брата, и какъ не познаютъ своя своихъ поэтому и мученія болѣе тяжелыя, п. ч. обида беретъ поэтому вѣнцы, болѣе я увѣренъ близко къ лицу Божію будутъ эти мучители настоящее время 1911 года. Тѣхъ мучили инородцы, а теперь сами себя наипаче батьки батьковъ, а монахи монаховъ и вотъ слово Божье на насъ братъ на брата и сынъ на отца: конецъ приближается. И увидѣлъ Іова въ пещерахъ почаевскихъ, гдѣ его конурочка тѣсная претѣсная и несетъ ароматомъ благоуханія. И за что это несетъ? Очень просто, что не избралъ и не избралъ себѣ чертоговъ, а возлегъ ясли убоги, и терпѣливо, и покойно понесъ свою тѣсноту, а намъ хоть бы въ ПРОСТОТѢ и РОСКОШИ перенестись духомъ въ его тѣсную конурочку и попросить его молитвъ и Господь не откажетъ его святымъ молитвамъ и будемъ участниками съ нимъ адесную Отца, а высказать о его терпѣніи невозможно и въ сами книги не вмѣстишь“.

* * *

„И вотъ я вступилъ въ соборъ и объялъ меня страхъ и трепетъ и помянулъ суету земную, дивныя чудеса, гдѣ сама Матерь Божія ступила своимъ слѣдомъ и истекаетъ источникъ сквозь каменную скалу внизъ въ пещеру и тамъ всѣ берутъ воду съ вѣрой и пельзя, что не вѣрить. О, какъ счастливы русскіе люди! И не цѣнимъ, и не знаемъ цѣны чудесамъ. Горе, христіанамъ, неубѣдительно: посмотрѣть, лѣнь съѣздить; а ѣздимъ за границу смотрѣть разныя горы; да, твореніе Божіе, но вѣдь мы смотримъ какъ на роскошь, а не на Божье созданіе".

Вся приведеная переписка Распутина съ царями помѣщена въ дневникахъ Лохтиной.

Видѣлъ я въ с. Покровскомъ мѣсто, гдѣ стояла старая изба Распутина. Проходя мимо нея, Григорій проговорилъ: —Вотъ здѣсь я, когда гуляю, то набираюсь духу: бываютъ мнѣ здѣсь видѣнія. Здѣсь мы въ прошлое лѣто съ епископомъ Ѳеофаномъ простаивали цѣлыя ночи и молились Богу.

Но самое главное, что я видѣлъ въ Покровскомъ, это купаніе съ Григоріемъ Ефимовичемъ въ банѣ. Собственно то, что я видѣлъ, было обыкновенно, но слышалъ я въ банѣ отъ Григорія необыкновенное. Онъ здѣсь, во время купанія, разсказалъ мнѣ слѣдующее:

— Я безстрастенъ. Богъ мнѣ за подвиги далъ такой даръ. Мнѣ прикоснуться къ женщинѣ, али къ чурбану, все равно. Хочешь знать, какъ я этого достигъ? Вотъ какъ! Я хотѣніе направляю отсюда изъ чрева, въ голову, въ мозги; и тогда я неуязвимъ. И баба, прикоснувшись меня, освобождается отъ блудныхъ страстей. Поэтому-то бабы и лѣзутъ ко мнѣ: имъ хочется съ мужикомъ побаловаться, но нельзя: онѣ боятся лишиться дѣвства, или вообще грѣха, вотъ и обращаются ко мнѣ съ просьбой снять съ нихъ страсти, чтобы онѣ были такія же безстрастныя, какъ и я. Было разъ такъ: ѣхалъ я изъ Питера сюда съ Л., съ Мерею, съ Ленкой, съ Б., В. и другими. Заѣхали въ Верхотурье, въ монастырь, къ старцу Макарію, котораго я дважды возилъ въ Питеръ и представлялъ царю и царицѣ. Старецъ всю ночь молился въ прихожей своей убогой кельи. А мы помѣстились въ главной комнатѣ. Легли всѣ на полу. Сестры попросили меня раздѣться, чтобы онѣ могли прикоснуться къ моему голому тѣлу и освятиться, сдѣлаться

чистыми... Что-жъ съ бабами-дурами спорить что-ли будешь? Этакъ онѣ сами тебя раздѣнутъ. Раздѣлся. А онѣ легли около меня, кто какъ могъ: Ленка обхватила своими голыми ногами мою лѣвую ногу, Л.—правую, В. прижалась къ боку, Меря—къ другому и такъ далѣе, а старецъ Макарій молился Богу. Привезъ я ихъ сюда. Повелъ всѣхъ въ баню. Самъ раздѣлся; приказалъ имъ раздѣться. И началъ говорить имъ, что я безстрастенъ; онѣ поклонились мнѣ въ ноги и поцѣловали мое тѣло. А ночью Меря дралась съ Л. изъ-за того, кому изъ нихъ ложиться около меня на коврѣ въ залѣ по правый бокъ, а кому по лѣвый. Меря желала по правый, и Л. тоже. Другъ-дружкѣ не уступали, и начали таскать другъ-друга за косы...

Во время этого разсказа я забылъ, зачѣмъ въ баню пришелъ; казалось, что все лицо мое обратилось въ одно ухо, съ жадностью ловившее все то, страшно-чудовищное, что разсказывалъ мнѣ Григорій. А Григорій, между тѣмъ, продолжалъ:—Да, и не только я бабъ лѣчу отъ страстей, но и мужиковъ. Ты знаешь еп. Иннокентія?

— Знаю, онъ заѣзжалъ одинъ разъ ко мнѣ въ Царицынъ.

— Такъ вотъ, онъ мой большой другъ. Страдаетъ онъ, бѣдняга, очень отъ блудныхъ мыслей. Какъ увидитъ бабу, то готовъ, по его словамъ, прыгнуть на нее, какъ жеребецъ на кобылу. Я его лѣчилъ. Какъ только заявлюсь къ нему, то онъ меня кладетъ съ собой въ постель подъ одно одѣяло и говоритъ:—Лежи, лежи Григорій со мною; какъ ты со мною, такъ у меня нѣтъ плотскихъ помышленій. Такъ трудно монаху съ ними бороться!..

— А вотъ слушай, я разскажу, какъ лѣчилъ царя.—Лѣчилъ я и министра Коковцева.

Я не спрашивалъ Григорія, какъ онъ помогъ, и вообще мало вмѣшивался въ повѣствованіе его на эту тему, такъ какъ считалъ эту тему себѣ не по плечу.

Когда выходили изъ бани, я, идя за Григоріемъ, думалъ: Ефремъ Сиринъ, настоящій Ефремъ! Святой! Безстрастный! Господи, съ кѣмъ я сподобился мыться въ банѣ!

Вечеромъ, въ день знаменитой бани, Григорій устроилъ у себя вечеринку. Пригласилъ на нее всю Покровскую интеллигенцію: двухъ священниковъ, двухъ учительницъ, сестеръ ихъ, купцовъ, писаря съ женой и другихъ изъ публики почище.

Собрались гости и начали угощаться: обильно ѣли пирожки съ вареньемъ, конфекты и щелкали орѣхи.

Разговоръ завязывался какъ-то натянуто: особенно держалъ себя странно старшій священникъ, отецъ П. Остроумовъ. Онъ почти все время молчалъ, и какъ-будто бы ко всему прислушивался. Григорій заставилъ меня что-либо сказать на религіозную тему. Я, сидя въ глубинѣ зала, на кушеткѣ, началъ говорить рѣчь о прогрессѣ и нравственности. Гости внимательно слушали. Григорій тоже.

Потомъ дѣвушки и жена Григорія запѣли сочиненный мною къ празднику Рождества стихъ: „Торжествуйте, веселитесь, люди добрые, со мной"... Подпѣвалъ я и другіе. Священники молчали; Григорій въ это время ходилъ въ центрѣ круга по ковру, пѣлъ не въ тонъ непріятнымъ, скрипучимъ голосомъ, трясъ бородою, пристукивалъ ногами объ полъ: былъ онъ одѣтъ въ атласную малиноваго цвѣта рубашку, подпоясанъ поясомъ съ пышными шелковыми кистями, суконные брюки были глубоко вобраны въ длинные шелковые голубого цвѣта чулки, на ногахъ были красныя турецкія туфли. Ходилъ онъ заложивши руки въ карманы плохо пристегнутыхъ брюкъ.

Гости разошлись поздно вечеромъ. Послѣ нихъ Григорій, указывая мнѣ на свою атласную сорочку, сказалъ:— Эту сорочку шила мнѣ государыня. И еще у меня есть сорочки, шитыя ею.

Я попросилъ показать мнѣ ихъ.

Черезъ полчаса жена Григорія принесла нѣсколько сорочекъ.

Я началъ разсматривать ихъ.

— Что, на память хочешь взять?—улыбаясь спросилъ Григорій.

— Да, можно хоть одну, двѣ?

— Возьми три! Вотъ эти,—и онъ отобралъ для меня три сорочки: красную, бѣлую чесунчевую и бѣлую дорогого полотна, вшитую по воротнику и рукавамъ. Я взялъ и положилъ въ свой багажъ. Первая и послѣдняя сорочки хранятся у меня и теперь.

Красная сорочка была безъ воротника. Я спросилъ у „старца",—почему нѣтъ воротника, куда онъ дѣвался?

Григорій отвѣтилъ такъ:—Болѣло у папы (царя) горло; онъ прислалъ моей помощи. Я ему приказалъ поменѣ

курить и надѣвать ночью на шею и горло воротникъ вотъ этой сорочки. Выздоровѣлъ. Почелъ чудомъ.

Наступилъ послѣдній день моего пребыванія въ гостяхъ у Распутина. Я изъявилъ желаніе пойти къ старшему священнику побесѣдовать. Григорій и жена его стали меня отговаривать, указывая на то, что попъ нехорошо относится къ Григорію Ефимовичу, клевещетъ на него, выдумываетъ разныя небылицы.

— Ничего, я пойду къ нему, и изобличу его.

— Ну, ладно, пойди, пойди. Только ничего хорошаго не услышишь. Онъ—плохой человѣкъ. Сердится на меня, такъ какъ я раньше изобличалъ его въ томъ, что онъ опоганится съ попадьей, а потомъ идетъ обѣдню служить.

Къ священнику меня повезъ духовный братъ — ученикъ Григорія, — Илья Араповъ. Какъ только я вошелъ къ о. Петру, онъ едва поздоровавшись со мною, спросилъ меня: —Зачѣмъ пріѣхали сюда?

— Въ гости, къ другу.

— Не къ другу, а къ мерзавцу, развратнику!

— Что вы, батюшка, что?

(Признаюсь: я поѣхалъ къ отцу Петру съ намѣреніемъ больше ему противорѣчить, чтобы онъ больше разгорячился и больше разсказалъ бы мнѣ про Григорія):

— Да, къ развратнику. Дали ему фамилію „Новыхъ“. Истинно, онъ новый распутникъ.

— Но, вѣдь, фамилію далъ царь?

— Такъ что-же? Онъ и государыня—люди мистически настроенные, вотъ и попались ему въ когти, а насъ не проведешь.

— Батюшка! Если вы знаете что плохое про брата Григорія, то почему-же не доведете до свѣдѣнія царя?

— Многое знаю, а до царя намъ нѣтъ пути: пооольше насъ, да молчатъ, а насъ не послушаютъ. Вотъ Ѳеофанъ епископъ тоже сюда пріѣзжалъ. Зачѣмъ? Увеличивать авторитетъ развратника? И вы пріѣхали. Я что-то даже не вѣрю, что вы священникъ; развѣ священникъ поѣдетъ къ такому подлецу? Вы—бѣглый преступникъ?

— Батюшка! А вы зачѣмъ же сами вчера были въ гостяхъ у брата Григорія?

— Зачѣмъ, зачѣмъ? Я не орѣхи щелкать ходилъ, а

по порученію архіерея смотрѣть, что вы тамъ дѣлать будете. Вѣдь, раньше тамъ у него оргіи были.

— Какія оргія?

— Самый форменный развратъ. Наберетъ Григорій дѣвушекъ, прыгаетъ, прыгаетъ, да начнетъ съ ними свальный грѣхъ творить.

— Такъ онъ, значитъ, форменный хлыстъ?

— Да, да. Онъ во время странствованій всякой пакости набрался; тогда же и подругами обзавелся: монахинями и разными дѣвушками. А теперь къ нему ѣздятъ петербургскія дуры; онъ ихъ въ баню водитъ голыми, ложится съ ними. А главное, ни въ чемъ не сознается; есть здѣсь одна женщина—просфирня; она еле отъ него отбилась. Спросили Григорія объ этомъ, а онъ говоритъ, что ничего не было. И жена его отказывается отъ всего. А развѣ не она въ прошлое лѣто за косы вытаскивала изъ двора петербурскихъ барынь, которыхъ захватывала съ Григоріемъ на постели. Съ Л. она развѣ не дралась?

— А до странствованія онъ чѣмъ занимался?

— До странствованія онъ былъ пьяницей и озорникомъ. Его не иначе на всемъ селѣ звали, какъ Гришка-вытулъ, Гришка-дуракъ...

Отецъ Петръ горячился, а я краснѣлъ до самыхъ ушей.

— Батюшка! А все то, что вы говорите, вы сами видѣли, хорошо знаете?

— Все знаю, все на моихъ глазахъ дѣлалось. А если чего не видѣлъ самъ, то другіе видѣли. Его крестьяне покровскіе и теперь считаютъ за жулика, а епископъ такъ даже и на глаза къ себѣ не пускаетъ, а онъ сколько разъ хотѣлъ ему представиться. Чтобы задобрить епископа, Григорій раздобылъ 20.000 рублей на построеніе храма. Такъ что же вы думаете? Крестьяне не приняли отъ него денегъ; такъ и сказали: —Не надо намъ твоихъ денегъ; знаемъ, какъ ты ихъ достаешь.

— Онъ насъ, священниковъ, ни во что ставитъ. Ишь, выдумалъ ученіе, что благодать съ недостойныхъ пастырей отлетаетъ, и ложится на простецовъ... На немъ всего больше, и ему даже, поэтому, не грѣшно женщинъ и дѣвушекъ пробовать. Еще говоритъ, что онъ своимъ совокупленіемъ освящаетъ ихъ и снимаетъ страсти. Вотъ подлецъ! Да вы присмотритесь получше къ Григорію, и вы сами увидите, что онъ мошенникъ.

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

И многое, многое еще говорилъ о. Петръ про Григорія. Я попрощался съ нимъ, поблагодарилъ и ушелъ, думая: присмотрюсь, присмотрюсь, батюшка; затѣмъ сюда я и пріѣхалъ, чтобы присмотрѣться.

Когда я садился въ сани, братъ Илья, притворно, тяжело вздохнувши, простоналъ:—Охъ, и тяжело же у меня было на сердцѣ, когда вы съ о. Петромъ бесѣдовали...

Я промолчалъ, а самъ думалъ: и Илья, получающій отъ Григорія малую толику, должно-быть, скрываетъ про похожденія Григорія, а, быть-можетъ, и въ самомъ дѣлѣ ничего онъ худого не знаетъ, а, быть-можетъ, этого худого нѣтъ совсѣмъ, быть-можетъ, батюшка клевещетъ, вѣдь, попы злы, а особенно на тѣхъ, кто подрываетъ авторитетъ ихъ среди прихожанъ. А Григорій такой. Его все-таки многіе простецы считаютъ святымъ. Попамъ это и не нравится,—вотъ они и бѣсятся...

Встрѣтилъ меня Григорій съ большимъ смущеніемъ.

— Ну, что, небось, съ три короба навралъ?

— Да, много говорилъ.

— Что же, что же однако?—приставалъ Григорій.

— Да вотъ говорилъ, что жена твоя дралась съ дамами изъ-за тебя.

Изъ другой комнаты выбѣжала Прасковья Ѳеодоровна и закричала:

— Вретъ онъ, косматый, никогда ничего подобнаго не было!

— Вотъ подлецъ, такъ подлецъ!—добавилъ Григорій.— Не вѣрь ему, ты самъ знаешь, что попы злы и клеветливы. Развѣ ты мало отъ нихъ зла натерпѣлся. Не вѣрь имъ, а то мнѣ это будетъ обидно.

Я прямо-таки растерялся и не зналъ, кому же вѣрить: Григорію или Петру? Размышлялъ: попы, вообще злы и клеветливы, а Григорій мой благодѣтель. Какъ же. надо поосторожнѣе отнестись къ тому, что о немъ говорятъ. чтобы не бросать зря камень въ своего друга и благодѣтеля и не замарать его грязною клеветою.

Я повѣрилъ Григорію, хотя нехорошія мысли о немъ начинали уже одолѣвать меня.

Прогостивши у Григорія цѣлыхъ 10 дней, я 15 декабря поѣхалъ обратно въ Царицынъ. Со мной поѣхалъ и Григорій съ женой.

До самой Тюмени (80 верстъ) думалъ я о своемъ другѣ,

который сидѣлъ рядомъ со мною. Думалъ, кто онъ: бѣсъ или ангелъ?

Въ Тюмени ночевали опять у сундучника. И опять Григорій куда-то на ночь убѣгалъ, а въ храмѣ не молился, хотя былъ канунъ воскреснаго дня. Да и вообще Григорій, какъ я наблюдалъ, нигдѣ не молился: ни въ Саратовѣ, ни въ Царицынѣ, ни въ одномъ монастырѣ, куда мы съ нимъ заѣзжали... Онъ все бѣгалъ, ловилъ женщинъ, дѣвушекъ, и давалъ имъ наставленія...

Переночевавши у сундучника, мы сѣли въ поѣздъ и направились на Саратовъ. Передъ отходомъ поѣзда, когда изъ нашего купэ вышелъ, попрощавшись съ нами, сундучникъ, Григорій говоритъ мнѣ:—Мотри! вотъ чудакъ-то, этотъ Дмитрій Дмитріевичъ. Говоритъ: Григорій, возьми меня къ царямъ; я тоже могу совѣтовать не хуже тебя. Вотъ чудакъ: какъ-будто это такъ просто: „возьми“. Какъ-будто каждому Богъ далъ такіе таланты.

При этомъ Григорій такъ улыбался, что нельзя было не замѣтить, что въ этой улыбкѣ сказывалось полное сознаніе своего превосходства, убѣжденіе въ своемъ посланничествѣ отъ Бога для великихъ цѣлей и убійственное осужденіе желанія бѣднаго, съ большимъ сизымъ носомъ-картошкой, Дмитрія Дмитріевича, которому только и нужна была, для расширенія маленькаго сундучнаго дѣла, всего-на-всего какая-нибудь одна лишняя тысяча рублей. Вотъ за эту-то тысячу онъ и хотѣлъ царямъ хоть что-либо посовѣтовать; но мечта его не осуществилась!

20 декабря пріѣхали въ Саратовъ. Жену Григорій проводилъ въ Питеръ, обѣщаясь къ Крещенію самъ пріѣхать. Григорій до Новаго года собирался пробыть въ Царицынѣ. Въ Саратовѣ жили только полдня. Все это время онъ бѣгалъ въ квартиру экономa.

Гуляя со мною по большому архіерейскому залу, онъ сказалъ мнѣ: „а ну-ка, пойдемъ къ Гермогену, да ты скажи, что я хожу съ бабами въ баню.“ Пошли. Говорю, а Гермогенъ замахалъ руками и недовольно заговорилъ:—Зачѣмъ ходить, не надо, не надо.

Григорій какъ-то лукаво, виновато, заискивающе осклабился, взялъ меня подъ руку, повелъ и сказалъ:—Вишь, ему не надо было говорить, онъ этого не поймет, а цари хорошо понимаютъ.

Здѣсь я долженъ кстати сказать о томъ, что я, слушая въ разное время разсказы Распутина о его дѣлахъ, при-

держивался тактики не гермогеновской. Я никогда не осуждалъ „старца“, какъ-будто молчаливо соглашался съ нимъ, желая этимъ не смущать Распутина и выводить его на крайнюю откровенность. Я съ этимъ успѣвалъ. Посему Распутинъ никому такъ откровенно не говорилъ о своей разнообразной „старческой дѣятельности“, какъ мнѣ. Въ силу этого, я теперь и имѣю возможность сказать о Распутинѣ болѣе, чѣмъ кто-либо другой изъ знакомыхъ лично съ Григоріемъ.

23 декабря 1909 года я съ Распутинымъ пріѣхалъ въ Царицынъ.

Народъ насъ радостно привѣтствовалъ.

24 декабря за всенощнымъ бдѣніемъ Распутинъ у меня исповѣдывался. Исповѣдь была странная. Я съ большимъ страхомъ приступалъ къ исповѣди, такъ какъ считалъ себя недостойнымъ исповѣдывать праведника. Стоялъ около аналоя и молчалъ. Молчалъ и Григорій, кусая ноготь указательнаго пальца, и переминаясь съ ноги на ногу. Наконецъ я заговорилъ:—ну, братъ Григорій, если есть какіе грѣхи, то скажи.

Григорій молчалъ.

—Быть-можетъ, ты дѣлаешь что-либо противное ученію Церкви?

Григорій сморщился, выражая неудовольствіе, закрутилъ пальцемъ вокругъ носа и сказалъ:—Нѣтъ, нѣтъ, я не объ этомъ.

— А о чемъ же?

— Да вотъ враги; что если они успѣютъ, и царицу смутятъ, шумомъ будутъ грозить...

— Богъ тебя возвысилъ, въ Божьей волѣ и судьба твоя находится.

— Ну, больше ничего!—произнесъ Григорій, и исповѣдь была кончена.

Послѣ того я долго стоялъ въ алтарѣ и думалъ:—что это значитъ: царицу смутятъ?

Такъ ни до ничего тогда я и не додумался.

На праздникахъ опять ѣздили по почитателямъ. Опять были дни поцѣлуевъ. На почвѣ поцѣлуевъ происходили и скандалы, но объ этомъ въ другомъ мѣстѣ.

Были скандалы и иного рода. Такъ, напримѣръ, въ домѣ И. Р. Краснощенова я подвелъ Григорія къ Настѣ юродивой, сидѣвшей на своихъ лохмотьяхъ за дверью, и представилъ ей старца. Настя сначала закрывалась отъ

него рукамп, какъ отъ солнца, и кричала: „Уйдп, уйдп, не хочу на тебя смотрѣть!“, а потомъ начала плевать на Григорія, и въ концѣ-концовъ плеснула ему въ лицо чай изъ грязной чашки. Григорій очень испугался, дернулъ меня за рукавъ рясы и сказалъ:—Ну, братъ, пойдемъ скорѣе, а то другіе увидятъ. Вѣдь, это бѣда! Какая бѣшеная она.

28 декабря Распутинъ уговорилъ меня послать во дворецъ царской боннѣ М. И. Вишняковой, и царскимъ дѣтямъ телеграмму со стихомъ: „торжествуйте, веселитесь“. Настоялъ, чтобы на телеграммѣ я подписался послѣ него такъ: „Иліодорушка“. Я все это сдѣлалъ.

29 декабря Григорій устроилъ въ монастырѣ особый праздникъ. Онъ ранѣе, дня за три, попросилъ меня, чтобы я купилъ тысячу полотенецъ, тысячу носовыхъ платковъ, конфектъ, яблокъ, пряниковъ, сахару, иконокъ, крестиковъ и колецъ. Я все это купилъ.

Въ храмѣ было объявлено, что 29-го, вечеромъ, братъ Григорій будетъ раздавать подарки.

Народу собралось около 15,000 человѣкъ.

Григорій, приступая къ раздачѣ подарковъ, сказалъ рѣчь. Онъ говорилъ: „Вотъ здѣся батюшка Иліодоръ насадилъ виноградникъ, а я, какъ опытный садовникъ, пріѣхалъ подрѣзать его, подчистить. Вотъ подарки получите: знайте, что подарки съ значеніемъ; кто что получитъ, тотъ то и въ жизни испытаетъ. Ну, подходите“.

(Вообще Григорій любитъ выступать передъ народомъ въ качествѣ оратора. Любитъ дневники писать; однимъ словомъ, человѣкъ онъ съ замашкой стоять съ образованными людьми на одной ногѣ).

Люди съ жадностью хватали ничтожные гостинцы, съ жадностью, потому что каждый, считая Григорія прозорливымъ, желалъ по подарку угадать скорѣе свою судьбу. Кто получалъ платокъ, то тутъ же начиналъ плакать.

За сахаръ, хотя онъ и означалъ сладкую жизнь, мало кто хватался, какъ за слишкомъ уже нецѣнный подарокъ. Дѣвушки-невѣсты почти сами хватали изъ рукъ Распутина кольца, и непріятно конфузились, когда Григорій совалъ имъ въ руки иконку, что значило: идти въ монастырь... Какъ бы то ни было, подарки были розданы и по всему городу пошли о нихъ разные толки... Бывали случаи, что, если кто получилъ подарокъ нехорошаго значенія, то закапывалъ его въ землю, а потомъ шелъ слу-

жить молебенъ, чтобы съ нимъ не случилось того, что означала полученная отъ Григорія вещь.

Раздачей подарковъ Распутинъ такъ остался доволенъ, что пообѣщалъ выхлопотать у царей 50,000 рублей на постройку около Царицына женскаго монастыря, но просилъ меня, прежде этого, совершить съ народомъ къ нему, въ Покровское, паломничество.

30 декабря, ночью, я и 2000 народа провожали Григорія въ Петербургъ. Предъ выходомъ изъ монастыря я сообщилъ народу, что Григорій Ефимовичъ хочетъ строить женскій монастырь, гдѣ будетъ старцемъ, и проситъ народъ съѣздить къ нему въ гости. Люди закричали: „Спаси, Господи! Поѣдемъ, поѣдемъ съ батюшкой! Непремѣнно поѣдемъ!“

Изъ монастыря вышли съ Рождественскою звѣздою. На вокзалѣ пѣли гимны и славили Христа. Григорій съ площадки вагона началъ говорить рѣчь о своемъ высокомъ положеніи; но рѣчь была такая путанная, что даже я ничего не понялъ.

Послѣ него говорилъ рѣчь нѣкій Кузьма Косицынъ. Такъ какъ и его рѣчь мало чѣмъ, по достоинству, отличалась отъ рѣчи Григорія, то я его остановилъ. Тогда Григорій сдѣлалъ въ мою сторону жестъ рукою, такой, какой обыкновенно дѣлаетъ генералъ солдату, когда солдатъ что-либо не въ попадъ скажетъ или сдѣлаетъ, а Косицыну гордо, покровительственно, въ духѣ придворнаго этикета, промолвилъ: „продолжайте, продолжайте, пожалуйста.“

Я, конечно, смирился и не противорѣчилъ святому старцу.

Поѣздъ увезъ Распутина.

Мы возвратились въ монастырь.

Въ январѣ 1910 года Григорія начали разоблачать.

Я сталъ защищать его.

Въ мартѣ 1910 года я на исповѣди монахини Ксеніи и царицынской купчихи узналъ про Григорія такія вещи, которыя положили конецъ моимъ сомнѣніямъ о немъ. Я понялъ, что онъ не кто иной, какъ діаволъ.

Съ этого дня душа моя оторвалась отъ Григорія, и я началъ помышлять о томъ, какъ бы только развязаться благополучно съ этимъ „другомъ“.

Приходилось встрѣчаться съ нимъ и послѣ марта 1910 года, но эти встрѣчи были въ силу крайней необходимости и уже не послили на себѣ печати какой бы то ни

было дружественности. Здѣсь я уже только и заботился о томъ, чтобы собрать, какъ можно, больше матеріала о „старческой дѣятельности“ Распутина съ цѣлью, на его основаніи, отказаться отъ него.

Распутинъ же, не подозрѣвая, что я душою и сердцемъ оторвался отъ него, считалъ меня своимъ искреннимъ другомъ и время отъ времени присылалъ мнѣ письма и телеграммы. Такъ, когда въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1910 года мнѣ пришлось обвинять въ судѣ своихъ наглыхъ клеветниковъ изъ царицынской интеллигенціи, то онъ прислалъ мнѣ въ утѣшеніе такую телеграмму: „*Царицынъ Ермонаху Іодору. Свѣтильникъ вомракъ свѣтитъ. Его свѣту тьма не мѣшаетъ. Злой языкъ—грошъ, похвальба—копѣйка. Радость у престола здѣсь*“.

Въ концѣ апрѣля 1910 года я поѣхалъ въ Петербургъ пріобрѣсти для монастырской библіотеки книги. Остановился на квартирѣ у Г. П. Сазонова, бывшаго когда-то редакторомъ или издателемъ газеты „Россія“, закрытой правительствомъ за фельетонъ Амфитеатрова „Обмановы“.

Позвонилъ по телефону въ духовную академію къ іеромонаху Веніамину. Просилъ его прійти ко мнѣ и разсказать про „художества“ Распутина. Онъ посовѣтовалъ мнѣ обратиться за этимъ къ кандидату богословія, діакону Владимірской церкви, и его сестрамъ. Я обратился.

— Отецъ Иліодоръ! Зачѣмъ вы защищали Распутина? Вѣдь онъ такой развратникъ?—спросилъ, поздоровавшись со мной С.

— Вотъ я и пришелъ теперь къ вамъ взять матеріалъ противъ Распутина, чтобы послѣ изобличить его: я его защищалъ, я его изобличу и погублю... Вѣдь я раньше, истинно говорю, не зналъ, что онъ бѣсъ, а не ангелъ...

— Такъ то и мы думали сначала. Вотъ и отецъ Ѳеофанъ ошибся и пострадалъ. Жаль, что нѣтъ Лены и моихъ сестеръ, а то бы онѣ разсказали, что дѣлалъ съ ними Григорій. Лена сейчасъ скрывается, боясь быть убитой друзьями Распутина за то, что она на исповѣди разсказала Ѳеофану, какъ Григорій съ нею поступилъ.

Далѣе діаконъ разсказалъ мнѣ все то, что онъ зналъ про Распутина. Когда я пришелъ къ Сазонову, здѣсь былъ и Распутинъ.

Оказалось, что онъ только что пріѣхалъ изъ дворца.

Григорій и Сазоновъ начали уговаривать меня поѣхать съ ними къ Витте...

— Поѣдемъ, поѣдемъ, голубчикъ, — говорилъ Григорій,—Витте человѣкъ хорошій. Я у него бывалъ нѣсколько разъ.

— Нѣтъ я къ нему не поѣду: не люблю его, онъ умный, но лукавый.

Тутъ вступился Сазоновъ:—Да вы его не знаете! Это—прекрасной души человѣкъ. Хотите, я позвоню ему по телефону, и онъ самъ пріѣдетъ сюда повидаться съ вами.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо. Да что онъ такъ со мною хочетъ познакомиться? На что я ему сдался? Не хочу я новыхъ друзей,—бросилъ я загадочную фразу.

Сазоновъ обидѣлся:—И съ такимъ великимъ человѣкомъ вы не желаете познакомиться! Какой вы упорный и недальновидный!

На этомъ и разговоръ нашъ и окончился.

Въ квартиру Сазонова начали собираться какіе-то военные господа. Среди нихъ былъ профессоръ Мигулинъ и нѣсколько англійскихъ банкировъ. Всѣ они, особенно Мигулинъ и Сазоновъ, подобострастно относились къ Григорію.

Послѣ немного я отъ Сазонова же узналъ, что они образовали компанію для орошенія закаспійскихъ степей и для учрежденія въ Россіи какого-то хлѣбнаго банка, а Григорій Ефимовичъ взялся это дѣло провести при дворѣ и главнымъ образомъ достать нужныя для этихъ операцій деньги.

Въ этотъ разъ въ квартирѣ Сазонова Распутинъ получилъ письмо отъ А. Вырубовой; въ письмѣ Вырубова просила „старца“ и меня пріѣхать въ 6 часовъ вечера въ Мраморный дворецъ.

Поѣхали.

Дорогой Распутинъ разсказывалъ:—Хіонія вдова офицера, обидѣлась на меня за то, что я про ея отца сказалъ, что онъ будетъ въ аду вмѣстѣ съ чертями угли въ печи класть. Обидѣлась, написала про меня разной чуши цѣлую тетрадь, и передала царю. А царь вотъ вчера пригласилъ меня и спрашиваетъ: — Григорій! читать эту тетрадь, али нѣтъ? Я спрашиваю:—а тебѣ пріятно читать въ житіяхъ святыхъ, какъ клеветники издѣвались надъ праведниками?— Онъ говоритъ:—нѣтъ, тяжело. — Ну, какъ хочешь, такъ и дѣлай. Папа тогда взялъ тетрадь, отодралъ крышки, ее самое разорвалъ на четыре части и бросилъ въ каминъ. Вотъ и вся подлая затѣя Б.

— А Θеоѳанъ то, Θеоѳанъ,—продолжалъ Григорій,—достукался! Какъ онъ тебѣ тогда-то говорилъ, что лазутка что-ли закроется, если къ царямъ часто ходить? Ну, братъ, закрылась для Θеоѳана лазутка, закрылась навсегда. Онъ пришелъ къ царицѣ съ клеветой на меня, грязью меня забросалъ. Да, а царица ему: уйди отсюда, а то прикажу людямъ вывести. Во какъ! Теперь ему и въ Петербургѣ мѣста не будетъ, а вѣдь царскимъ духовникомъ былъ? Вотъ тебѣ лазутка. Полѣзъ не въ слѣдъ, ну и закрылась лазутка. Больной онъ. Сгніетъ собака, чтобы не возставалъ напрасно.

Незамѣтно пріѣхали въ Мраморный дворецъ. Во дворцѣ Распутина встрѣтили Т. Сана, его младшая дочь, и ея мужъ, камеръ-юнкеръ.

Т., хитренькій старичокъ, отвелъ Распутина въ сторону, о чемъ-то съ нимъ таинственно поговорилъ, взялъ портфель и удалился.

Распутинъ началъ бесѣдовать съ Саной. Во время бесѣды нѣсколько разъ цѣловалъ Сану, а мужъ былъ здѣсь же, и какъ-то невинно, по младенчески, улыбался.

Минутъ черезъ десять пріѣхала Вырубова. Сана съ мужемъ попрощались и ушли.

В. поздоровалась и начала:—Безпокоятся очень; много враговъ, много шума...

Эго она говорила про царей.

Распутинъ успокаивалъ:—ничего, ничего; все напрасно, клевета, такъ она и останется клеветой.

У меня мелькнула мысль: сказать, что не клевета, а правда: вотъ я уже знаю Ксенію, Лену, Б. и другихъ... Но кому сказать? Вырубовой? Тогда я пропаду! Царямъ? Но какъ до нихъ добраться? Нѣтъ, подожду, а улучу болѣе удобный моментъ и открою царямъ глаза на Распутина! А, быть можетъ, они лучше меня знаютъ все, и съ нимъ грѣшатъ? Они только боятся шума. А я еще прибавлю его. Нѣтъ, не буду ничего говорить, а то тогда пропалъ я!...

Распутинъ въ это время прямо-таки танцовалъ около Вырубовой; лѣвою рукою онъ дергалъ свою бороду, а правою хваталъ за плечи, билъ ладонью по бедрамъ, какъ бы желая успокоить игривую лошадь.

Вырубова покорно стояла. Онъ ее цѣловалъ...

Я грѣшно думалъ:—Фу, гадость! И какъ ея нѣжное, прекрасное лицо терпитъ эти противныя жесткія щетки...

А Вырубова терпѣла, и казалось, что находила даже нѣкоторое удовольствіе въ этихъ старческихъ поцѣлуяхъ.

Наконецъ, Вырубова сказала:—Ну, меня ждутъ во дворцѣ; надо ѣхать прощай, отецъ святой...

Здѣсь совершилось нѣчто сказочное, и если бы другіе говорили, то я не повѣрилъ бы, а то самъ видѣлъ.

Вырубова упала на землю, какъ простая кающаяся мужичка, дотронулась своимъ лбомъ обѣихъ ступней Распутина, потомъ поднялась, трижды поцѣловала старца въ губы, и нѣсколько разъ—его грязныя руки...

Ушла.

Мы поѣхали. Григорій и говоритъ: „Ну, видѣлъ?“

— Видѣлъ.

— Каково?

Молчу. Что же я могъ сказать по поводу того, что видѣлъ. Мысль моя прямо онѣмѣла...

— Это — Аннушка такъ. А цари-то, цари-то. О, если бы ты все зналъ; ну, ничего, коли-либо узнаешь... И все это я дѣлаю своимъ тѣломъ. Прикоснусь, и сила изъ меня исходитъ. Вотъ, мотри, я къ тебѣ прикоснусь, что ты почувствуешь?...

Онъ прикоснулся своей рукой до моего плеча и спросилъ:—„ну, что?“

Я ничего не почувствовалъ, ровно ничего, а въ отвѣтѣ слукавилъ немного: на его вопросъ: „ну, что?“ протянулъ:—„м-м-м-да-а!“

Григорій засуетился:—вотъ видишь, вотъ видишь, голубчикъ; такъ-то и онѣ; но вѣдь я къ нимъ прикасаюсь иначе, вездѣ, когда бываю у нихъ... А вотъ Ѳеофанъ хотѣлъ, чтобы я не прикасался. О, какая глупость! Да развѣ можно зарывать талантъ въ землю? Развѣ можно?—спрашивалъ онъ меня.

Я молчалъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, николи, пусть они себѣ и не думаютъ, а я своего не брошу... А Сана-то, Сана? Видѣлъ Сану? Недавно только замужъ вышла. А до замужества такъ прямо на всѣхъ и кидалась. Вотъ блудный бѣсъ-то. Такъ я ее вылѣчилъ, теперь ничего!...

Какъ ее лѣчилъ Григорій, я не спросилъ, да и вообще я мало говорилъ и спрашивалъ, а только слушалъ и дивувдавался.

Изъ Петербурга, въ первыхъ числахъ мая, я поѣхалъ въ Саратовъ, къ Гермогену, по служебнымъ дѣламъ.

На пути, въ Москвѣ, я съ Гофштеттеромъ [1]), сотрудникомъ „Новаго Времени“, заѣхалъ къ редактору „Московскихъ Вѣдомостей“—Льву Тихомирову. Онъ сначала не хотѣлъ меня принимать за то, что я, защищая въ январѣ мѣсяцѣ Распутина, бранилъ его, Тихомирова, за изобличеніе въ газетѣ Григорія. Я по телефону указалъ Тихомирову, что истина требуетъ съ нимъ бесѣдовать. Левъ Тихомировъ смягчился и принялъ меня. Мы долго бесѣдовали съ нимъ о Распутинѣ.

Онъ обвинялъ меня, а я, какъ могъ, оправдывался...

— Вотъ васъ за то, что вы стоите за Распутина, очень не любятъ Джунковскій, Тютчева, воспитательница царскихъ дѣтей, и сама вел. кн. Елисавета Ѳеодоровна.

— Да развѣ я виноватъ, развѣ у меня злая воля, что, не зная худого дѣла за Григоріемъ, я защищалъ его.

— И теперь не знаете?

— Нѣтъ, теперь знаю! И уже защищать не буду. А почему вел. кн. не откроетъ глаза царямъ на Распутина, вѣдь, она тамъ часто бываетъ? А Тютчева? Что они накидываются на меня? Я давно слышалъ, что они ведутъ противъ меня кампанію и вредятъ моему, народному, святому, царицынскому дѣлу!

— Да вы не горячитесь, — совѣтовалъ мнѣ Левъ Тихомировъ.

— Какъ не горячиться? Онѣ, значитъ, боятся тамъ ротъ раскрыть?! А я бы раскрылъ, да вѣдь, какъ туда добраться-то мнѣ. Прямо пойти, напроломъ, застрѣлятъ, какъ собаку, и вѣчной памяти даже не пропоютъ. Скажите княгинѣ и Тютчевой, чтобы онѣ не грѣшили, не травили меня. У меня и такъ враговъ много. Пусть онѣ сдѣлаютъ доброе дѣло: пусть изобличатъ Распутина. А мы люди маленькіе, и ничего не можемъ сдѣлать. Я и такъ еле-еле держусь въ Царицынѣ.

Тихомировъ слушалъ меня внимательно, и въ концѣ-концовъ мы какъ-будто разстались друзьями, хотя онъ не обѣщалъ мнѣ помочь ничѣмъ.

Пріѣхавши въ Саратовъ, я увидѣлъ тамъ Григорія, прибывшаго изъ Казани, по всей вѣроятности, отъ Лохтиной.

---

[1]) У „старца“ съ Гофштеттеромъ была какая-то непріятность. Объ этомъ можно судить изъ слѣдующаго письма Распутина къ Сазоновымъ: „*Ласкаю дорогихъ и родныхъ моихъ. Скажи Гофштеттеру пусть меня никогда не браныть,—я его жену очень люблю, его—менѣе, и дѣтокъ люблю, но они балуютъ. Всѣхъ цѣлую*“. „Дневники Лохтиной“.

Въ этотъ разъ, вошедши изъ Гермогенова кабинета въ свою комнату, я увидѣлъ довольно странную картину: въ глубинѣ комнаты стоялъ Григорій, одѣтый въ мою рясу, и на немъ былъ мой золотой наперстный крестъ. При видѣ меня, онъ какъ-то противно, заискивающе, какъ-будто только-что совершилъ какую пакость, началъ улыбаться и говорить:—ну, ну, что, дружокъ, какъ мнѣ идетъ ряса? Ну-ка, скажи, скажи?

— Ничего, идетъ, — протянулъ я, а у самого мысль въ мозгахъ такъ и прыгала:—идетъ, какъ свиньѣ шелковое платье.

— А можелучше такъ, вотъ какъ?—при этомъ Григорій взялъ со стола мой клобукъ, и надѣлъ себѣ на голову.

— Нѣтъ, не идетъ,— сказалъ я, а самъ думалъ:— охъ, монахъ, пусти тебя въ монастырь, ты такъ намонашишь тамъ, какъ козелъ въ огородѣ съ капустой.—Вмѣстѣ съ этимъ я недоумѣвалъ:—и что ему въ голову взбрело одѣться въ рясу; и крестъ повѣсилъ; ужъ не хочетъ ли быть попомъ? Вотъ тварь-то! Будетъ! Вѣдь, не даромъ онъ мнѣ какъ-то говорилъ:—вотъ сдѣлаютъ меня попомъ, буду царскимъ духовникомъ, тогда уже изъ дворцовъ не выйду, а Прасковья пусть уже съ дѣтьми живетъ, а я только помогать буду, а домой не буду ѣздить. Вѣдь пройдетъ, ей Богу, пройдетъ!

Я мыслилъ объ этомъ безошибочно. Чрезъ какой-либо часъ мое недоумѣніе разрѣшилось.

Я началъ собираться въ Царицынъ. Гермогенъ мнѣ говоритъ:—Погодите, не уѣзжайте; здѣсь дѣло есть.

— Владыка! Тамъ же застой, безъ меня тамъ и постройка монастыря остановилась. Я и такъ уже больше недѣли шляюсь. Отпустите.

— И вѣчно вы торопитесь!— недовольно проговорилъ Гермогенъ.—Останьтесь, уважьте мою просьбу, дамъ вамъ здѣсь серьезное дѣло, а тамъ въ Царицынѣ подождутъ.

— Ну, хорошо, владыка! Останусь. Не обижайтесь. Какое же дѣло прикажете дѣлать?

— Да, вотъ, Григорія Ефимовича нужно въ священники приготовить.

— Владыка! Да онъ же безграмотный, читать и писать не умѣетъ, да и жизни...

— Ничего покается, а его только нужно научить ектеніямъ и возгласамъ.

— Хорошо. Ради послушанія сейчасъ же займусь дѣломъ.

Сѣли мы съ Григоріемъ въ гостиной за круглымъ столомъ, на мягкомъ диванѣ; Гермогенъ принесъ свой большой крупной печати служебникъ, и я началъ учить Распутина священству

— Ну, братъ Григорій, вотъ произнеси это: „міромъ Господу по... молимся“.

Григорій въ служебникъ не смотрѣлъ, водилъ только пальцемъ приблизительно по тому мѣсту, гдѣ было напечатано прошеніе, задиралъ высоко голову, вытягивалъ губы, и какимъ-то гнусавымъ голосомъ монотонно тянулъ: „мѳромъ Господу помолимся!“

При этомъ казалось, что онъ уже заранѣе представлялъ себя въ роли священника, влюблялся самъ въ себя. и мечталъ, безъ сомнѣнія, какъ онъ надѣнетъ рясу, въ рясѣ окончательно вберется во дворецъ и будетъ царскимъ духовникомъ.

Въ первый день онъ выучилъ первое прошеніе.

Я думалъ: съ такимъ ученикомъ я далеко не уйду! И не ушелъ.

Весь второй день я бился съ Григоріемъ надъ вторымъ прошеніемъ: о свышнемъ мирѣ, и о спасеніи душъ нашихъ, Господу помолимся.

Григорій этого прошенія осилить никакъ не могъ. Оно ему не давалось. То онъ начиналъ произносить его съ конца, то съ начала, то сбивался на первое прошеніе...

Въ концѣ-концовъ я не выдержалъ, пошелъ къ Гермогену и говорю:—владыка! Да отпустите же меня. пожалуйста, въ Царицынъ!

— Что такъ? А какъ же братъ Григорій?

— Ничего, владыка, не выходитъ! Не повѣрите ли: цѣлый день сидѣли надъ вторымъ прошеніемъ, и ничего не вышло. Не усваиваетъ, да часто бѣгаетъ къ эконому... Отпустите, владыка... Вѣдь, онъ—настоящій челдонъ, ничего не усваиваетъ. Такъ какой-то обрубокъ.

Гермогенъ низко опустилъ голову и долго молчалъ. Потомъ сказалъ:—Да, я и самъ вижу, что Григорій неспособенъ. Ну, съ Богомъ! Ѣзжайте домой. Я поклонился Гермогену въ ноги и ушелъ въ свою комнату.

А послѣ, въ 1913—1914 гг., Григорій всегда на вопросъ, обращенный къ нему газетными сотрудниками и

вообще людьми изъ публики:—а правда, Григорій Ефимовичъ, что вы хотѣли быть священникомъ?—неизмѣнно отвѣчалъ одно и то же:—ну, куда мнѣ, мужичку безграмотному!

— А вотъ все говорятъ, что хотѣли?

— Врутъ, что съ вралями подѣлаешь!

Это печатали въ газетахъ, и это вѣрно, судя по факту подготовленія мною Григорія къ принятію священства.

Въ одномъ поѣздѣ и купэ выѣхалъ изъ Саратова со мною и Григорій. Ѣхали въ первомъ классѣ. Въ наше купэ, въ Саратовѣ же, сѣли два важныхъ господина. Они меня узнали и завязали разговоръ. Одинъ изъ нихъ показалъ мнѣ карточку предсѣдателя Государственной Думы—А. И. Гучкова и прибавилъ:—я часто у него бываю.

Изъ ихъ разговора, въ которомъ они часто упоминали имя Столыпина, Государственную Думу, отрубное хозяйство, и изъ того, что они часто выглядывали изъ окна вагона и указывали пальцами вдаль, гдѣ виднѣлись новыя постройки и хутора, я понялъ, что они—послапы Столыпинымъ, поклонникомъ закона 9 ноября, посмотрѣть въ предѣлахъ Саратовской губерніи, какъ обстоитъ дѣло съ выдѣленіемъ крестьянъ изъ общины на отруба.

— Куда ѣдете?—спросилъ одинъ изъ нихъ, обращаясь къ мнѣ.

— Домой, въ Царицынъ!

— У Гермогена были?

— Да. Знаете его?

— Какъ же, знаемъ лично, и много слышали про него.

Тутъ вмѣшался Распутинъ:—да, братъ, были у Гермогена, хорошій онъ человѣкъ. А жиды его бранятъ.

— Мы съ вами не разговариваемъ,—недовольно бросилъ въ сторону Григорія членъ Думы.

— Почему же не разговаривать? Либо я не такой же человѣкъ! Со мною повыше, похлеще васъ люди, да разговариваютъ.

— Да о чемъ они съ мужикомъ будутъ разговаривать; вотъ съ іеромонахомъ поговорить, съ образованнымъ человѣкомъ, это дѣло вѣроятное.

— А разговариваютъ, — настаивалъ Григорій, — да еще какъ? Совѣтовъ его спрашиваютъ, слушаютъ его...

— Не можетъ быть! Никогда не повѣримъ, чтобы мужика слушали образованные люди...

Съ Григоріемъ произошло здѣсь нѣчто особенное. Онъ страшно заволновался, заерзалъ на мягкомъ диванѣ, потомъ какъ-то подпрыгнулъ, упершись руками въ диванъ; влѣзъ на него ногами, поджалъ ихъ подъ себя, забился въ уголъ, засверкалъ своими большими, круглыми, сѣрыми глазами, рукой сбилъ волосы на лобъ, задергалъ бороду и зашлепалъ губами. Въ этотъ моментъ онъ походилъ на безумнаго, и страшно было даже на него смотрѣть.

— Вотъ и видно, что настоящій мужикъ,—дразнилъ его собесѣдникъ.—Смотри, съ ногами на диванъ забрался.

— Да, мужикъ! Никчемный мужикъ, а бываю у царей...

— Что ты врешь, зря болтаешь! Голову мнѣ отруби, а ужъ этому-то я никогда не повѣрю. Кто тебя туда пуститъ?

— А вотъ пускаютъ, да еще кланяются. А какъ, братъ, попалъ туда, вотъ какъ: сначала познакомился съ монахами, потомъ съ попами, архимадритами, епископами, вельможами, князьями, королями и съ царями. Понялъ? Такъ знай, и помни Григорія!..

— Фу, ты, враль какой! Насъ не проведешь. Прощайте, батюшка!— сказали они мнѣ и слѣзли въ Аткарскѣ.

Мы съ Григорьемъ поѣхали дальше.

Распутинъ, уставши отъ волненія, убито говорилъ:— вотъ поди же ты поговори съ ними! Имъ то, а они свое. Ну, да наплевать на нихъ. Большое дѣло... Тамъ при дворѣ такой развратъ, такой развратъ, всѣ въ грязи ходятъ. У, если бы меня они тронули, я бы имя показалъ: они всѣ у меня въ рукахъ; кто съ тѣмъ лѣзъ, кто съ тѣмъ, а я всѣмъ имъ помогалъ: мирилъ ихъ, сводилъ, отбивалъ...

Слушая эту безсвязную болтовню Григорія, я думалъ:—вотъ чортъ-то, всѣхъ связалъ, и меня, діаволъ, своею дружбою связалъ. Когда я съ тобой развяжусь?

Хотя я многаго не понималъ въ его рѣчи, не понималъ хорошо, что значитъ: „отбилъ, сводилъ“ и т. д., но объясненій не спрашивалъ, стараясь показать видъ, что я уже не интересуюсь тѣмъ, что онъ дѣлаетъ при дворѣ. Дѣлалъ это я и потому, что Григорій былъ ужъ слишкомъ противенъ мнѣ.

— Ртищево!—сказалъ проводникъ, заглянувъ въ наше купэ.

Я сталъ собираться. Григорій началъ танцовать около меня, приговаривая:—ну, что-же, смотри, дружокъ, стой

за меня; враги злы, мстительны, пріутихли, а потомъ опять пойдутъ на меня, такъ ты того, имъ зубы пообломай...

— Хорошо, хорошо,— продѣдилъ я сквозь зубы, а самъ думалъ:—рога тебѣ, діаволу, пообломаю, а не имъ зубы...

Въ Ртищевѣ я разстался съ Распутинымъ: онъ поѣхалъ въ Москву, а я въ Царицынъ.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ этого года я послалъ царю Николаю телеграммы по случаю смерти графа Л. Н. Толстого. Григорій отликнулся. Онъ прислалъ мнѣ такую телеграмму: *Немного строги телеграммы. Заблудился* (Толстой) *въ идеяхъ—виноваты епископы мало ласкали и тебя тоже бранятъ, твои же братья. Разберись.*

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1910 года Гермогенъ былъ въ Петербургѣ. Видѣлся тамъ въ Лаврѣ съ епископомъ Ѳеофаномъ, уже переведеннымъ въ Крымъ. Ѳеофанъ познакомилъ Гермогена съ истиннымъ обликомъ Распутина. Гермогенъ въ бесѣдѣ съ какимъ-то сотрудникомъ „Новаго Времени“ выразился про Распутина:—о, да онъ, оказывается, настоящій бѣсъ.

Это было очень принято во вниманіе во дворцѣ, конечно, не въ пользу Гермогена.

15 января 1911 года я, по приказанію Гермогена, пріѣхалъ въ Петербургъ по дѣлу объ отысканіи Казанской иконы Божіей Матери.

Привезъ отъ Гермогена для императрицы святую воду, просфору, гомеопатическія лекарства и письмо. Остановился у Сазоновыхъ. Сюда пришла Лохтина. Я попросилъ ее вызвать изъ Царскаго Вырубову. Вырубова скоро пріѣхала. Я передалъ все, что прислалъ Гермогенъ, царицѣ, и объяснилъ, зачѣмъ я пріѣхалъ. Она осталась очень недовольна, что Гермогенъ, назвавшій Григорія бѣсомъ, обращается къ царицѣ. Все-таки обѣщала передать „мамѣ“ все, и мое желаніе видѣть ее.

На другой день ко мнѣ опять пожаловала Вырубова. Она стала говорить:—царица больна; принять васъ не можетъ; къ лекарству епископа царица даже и не дотронулась. А на счетъ иконы вотъ мы спрашивали телеграммою отца Григорія, и онъ отвѣтилъ изъ села Покровскаго.

Она подала мнѣ телеграмму; я прочелъ: это—обманъ; иконы нѣтъ. Григорій.

Вырубова добавила:—при каждомъ докладѣ Столыпинъ настаиваетъ, чтобы васъ изъ Царицына убрать. На-

на пока не соглашается, отецъ Григорій не велитъ васъ брать. Ну, благословите и прощайте.—Черезъ два дня я узналъ, что меня синодъ перевелъ настоятелемъ въ Новосильскій монастырь.

Камеръ-юнкеръ А. Э. Пистолькорсъ, явившись ко мнѣ, объяснилъ:—Въ вашемъ переводѣ большую роль сыграло то, что васъ Гермогенъ послалъ съ дѣломъ объ иконѣ. Отецъ Григорій призналъ это шантажемъ со стороны епископа, папа и мама обидѣлись на епископа, и подъ вліяніемъ этого дали свое согласіе на переводъ васъ изъ Царицына.

Вечеромъ этого же дня я былъ, по приглашенію, у А. И. Дубровина. Онъ мнѣ послѣ обѣда сказалъ:—васъ синодъ сегодня перевелъ въ Новосиль. Поѣзжайте. Тамъ недалеко купилъ я себѣ имѣніе: будете ко мнѣ ѣздить.

Въ это время въ газетахъ, дѣйствительно, печатали, что Дубровинъ на какія-то „темныя“ деньги, на границѣ Тульской и Орловской губерніи купилъ себѣ хорошенькое имѣньице.

— Поѣзжайте, не слушивайтесь синода. А на Григорія не надѣйтесь. Онъ—плутъ и развратникъ. Недавно я простѣдилъ, какъ онъ ѣздилъ на Охту къ своей любовницѣ. Да и въ масонскихъ ложахъ участвуетъ: мои люди видѣли, какъ онъ входилъ нѣсколько разъ въ красный домъ около Кузнечнаго переулка.

— Я на Григорія не надѣюсь; узнать, кто онъ такой. А на счетъ масонскихъ ложъ сомнѣваюсь. Что онъ тамъ дѣлаетъ? Это вы, Александръ Ивановичъ, бредите масонскими ложами. Напрасно. Въ Новосиль же не поѣду, не подчинюсь Столыпину; пусть онъ не обращаетъ церковь въ полицейскій участокъ.

Дубровинъ остался очень недоволенъ моимъ отвѣтомъ, и мы разстались.

Изъ Петербурга въ этотъ разъ я поѣхалъ въ Сердобскъ, гдѣ въ пустынѣ отдыхалъ епископъ Гермогенъ. Въ Новосиль не ѣхалъ. Распутинъ, находясь въ это время въ селѣ Покровскомъ, прислалъ мнѣ двѣ телеграммы: въ первой изъ нихъ говорилось, что онъ приказалъ имъ (царямъ) послать ко мнѣ епископа, а во второй, что онъ приказалъ имъ послать ко мнѣ своего человѣка.

Дѣйствительно, по приказанію Григорія, царь распорядился послать въ Сердобскъ члена синода, епископа

Тульскаго Парѳенія, убѣждать меня ѣхать въ Новосиль. Я не слушался. Тогда, по приказанію же Григорія, царь прислалъ для той же цѣли „своего человѣка“, флигель-адъютанта М.

Потомъ меня въ дорогѣ, когда я направлялся въ Царицынъ, арестовали, отцѣпили отъ поѣзда мой вагонъ, возили по Россіи и привезли опять къ Гермогену. Я, посовѣтовавшись съ нимъ, поѣхалъ въ Новосиль. Но черезъ три недѣли оттуда убѣжалъ въ Царицынъ, устроилъ съ народомъ двадцатидневное сидѣніе въ монастырѣ. и государь разрѣшилъ мнѣ опять остаться въ Царицынѣ.

Григорій въ это въ время былъ уже на Аѳонѣ и въ Іерусалимѣ, и замаливалъ какіе-то свои тяжкіе грѣхи, въ которыхъ никому никогда не признавался.

Собираясь отправиться въ далекое путешествіе—паломничество, „старецъ“ прислалъ епископу Гермогену такое письмо: благослови, мой миленькій, я очень тронутъ твоимъ привѣтомъ на телеграмму, спаси тебя, Боже! Я бы радъ пріѣхать, то боюсь, какъ бы не навредить: тебя не назвали со мной участникомъ“.

Передъ самымъ отъѣздомъ въ Іерусалимъ Распутинъ настаивалъ, чтобы Николай, не смущаясь поднятою вокругъ имени „старца“ шумихою, принялъ его открыто, торжественно и этимъ, такъ сказать, далъ бы по зубамъ всѣмъ врагамъ и ненавистникамъ „блаженнаго праведника и подвижника“.

Николай малодушествовалъ: открыто его не принялъ, а имѣлъ, по обыкновенію, съ нимъ тайное свиданіе.

Обо всемъ этомъ обстоятельно говоритъ О. В. Лохтина въ своихъ дневникахъ.

Съ Аѳона и Іерусалима „блаженный“ послыла обо мнѣ телеграммы царю и царицѣ. Объ этомъ говорила мнѣ Лохтина. Это записано и въ дневникахъ ея.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1911 года я былъ въ Пѣтербургѣ, представлялся государю. Николай, считающій, по словамъ самого же Распутина, „старца“ Христомъ, на пріемѣ, страшно нервничая, моргая своими безжизненными, усталыми, туманными, слезящимися глазами, мотая отрывисто правою рукой и подергивая мускулами лѣвой щеки, едва успѣлъ поцѣловать мою руку, какъ заговорилъ буквально слѣдующее:—ты... вы... ты не... тро-гай монхъ министровъ. Вамъ что Григорій Ефимовичъ говорилъ... говорилъ. Да. Его... нужно слушать. Онъ нашъ.....отецъ и спаситель.

Мы должны держаться за него.....Да....Господь его послалъ...Онъ... тебѣ, вамъ, вѣдь говорилъ, что....жидовъ, жидовъ больше и революціонеровъ, а министровъ моихъ не трогай... На нихъ и такъ нападаютъ враги... жиды. Мы слушаемся отца Григорія, а вы такъ что же...

Нечего и говорить, что я, слушая Николая, стоялъ ни живой, ни мертвый.

17 іюня 1900 года въ Царицынъ пріѣхали: секретарь Распутина—нѣкая Лаптинская и О. В. Лохтина. Онѣ обратились ко мнѣ:

— Готовьтесь встрѣчать великаго гостя.

— Какого?

— Ѣдетъ о. Григорій изъ Іерусалима чрезъ Петербургъ.

— А когда онъ въ Царицынъ пріѣдетъ?

— Написалъ, что сейчасъ послѣ двадцатаго числа.

— А мнѣ какъ-разъ въ эти числа придется быть въ Ростовскомъ округѣ; поѣду посмотрѣть пожертвованную монастырю землю.

— Какъ такъ? Такъ вы не будете встрѣчать о. Григорія? Кто же его будетъ встрѣчать? Развѣ такъ можно относиться къ важному дѣлу? Собрать нужно народу больше и выйти на вокзалъ, или къ пароходной пристани, смотря потому, какъ пріѣдетъ отецъ нашъ: по Волгѣ или по желѣзной дорогѣ. Вы забудьте, пожалуйста, свое имѣніе. Тутъ ѣдетъ больше имѣнія, и больше всего вашего монастыря и всего вообще, что вы здѣсь дѣлаете...

— Нѣтъ, не могу. У меня все время уже разсчитано.

Лохтина очень обидѣлась, а я уѣхалъ туда, куда собирался. Пріѣхалъ чрезъ три дня. Въ Царицынѣ уже былъ Григорій. Онъ уже успѣлъ завести знакомство съ красивенькой учительницей съ Урала, пріѣхавшей посмотрѣть мой монастырь и поселившейся въ монастырской гостиницѣ.

По разсказамъ послушницы П. „старецъ“ часто обращался къ учительницѣ, чего-то отъ нея добивался. И когда та не соглашалась, „старецъ“ сокрушенно часто повторялъ: —да, вы не понимаете! Колодецъ-то глубокъ, а у васъ веревки коротки.

Нѣтъ сомнѣнія, что Распутинъ хотѣлъ полѣчить уральскую красавицу, но она упорно не сознавалась въ своей болѣзни и не желала „старческаго“ врачеванія.

Распутинъ поздоровался со мною холодно и какъ-то косо посмотрѣлъ на меня.

— Вотъ все некогда,—началъ я.—Только-что пріѣхалъ, и опять ѣхать.

— Куда?—спросилъ Григорій.

— Да въ Дубровскій монастырь служить на праздникъ. Ужъ игуменья очень просила. Надо уважить. Народу будетъ много, а священникъ тамъ одинъ, да и тотъ старый и больной.

Со мной поѣхали Григорій, Лохтина и Лаптинская и около 50 дѣвушекъ, пѣвчихъ.

Ни въ дорогѣ, ни въ монастырѣ на Григорія никто изъ моихъ почитателей не обращалъ никакого вниманія, не обращались къ нему за совѣтами, не цѣловали его рукъ, не бѣгали за нимъ, какъ дѣлали это въ первый и во второй пріѣздъ его въ Царицынъ. Это особенно было замѣтно, когда Лохтина и Лаптинская, какъ двѣ ходячія мумін, неотступно слѣдовали по пятамъ Григорія; если даже онъ, во время прогулки по монастырскому саду, заходилъ въ извѣстное мѣсто, то онѣ останавливались около того мѣста, дожидаясь, пока Григорій справится съ своимъ дѣломъ.—Здѣсь умѣстно будетъ сказать о томъ, что народъ царицынскій ужъ давно раскусилъ Григорія, чуть ли не раньше меня, только боялся объ этомъ говорить открыто, думая, что я еще люблю „друга“ своего. Свой глухой ропотъ на Распутина народъ выразилъ такъ: онъ приказалъ фотографу Лапшину отрѣзать Григорія отъ моей и Гермогеновской карточки, гдѣ мы втроемъ сняты; приказалъ подъ угрозой, что если фотографъ этого не сдѣлаетъ, то никто не будетъ покупать карточекъ. Лапшинъ отрѣзалъ...

Въ Дубровскомъ монастырѣ Распутину начальствующія лица оказывали особую честь. Игуменья Августа особенно заискивала его расположенія, надѣясь чрезъ него гдѣ-либо достать денегъ на устройство при садѣ водоемовъ.

Въ храмѣ, во время всенощнаго бдѣнія, ему вынесли изъ алтаря свѣчу съ роскошными искусственными цвѣтами. Онъ взялъ, но со свѣчею стоялъ недолго: скоро убѣжалъ изъ храма и все время службы бѣгалъ по монашескимъ кельямъ.

Изъ монастыря возвратились въ Царицынъ.

Мнѣ некогда было возиться съ Распутинымъ, такъ какъ много было хлопотъ по устройству народнаго паломничества въ Саровскую пустынь.

На слѣдующій день Григорій, вошедши въ мою келью, говоритъ:

— Вотъ что! Ужъ такъ мнѣ хочется поѣхать съ народомъ въ Саровъ.

Я подумалъ: нужно здорово, въ дорогѣ еще вздумаешь виноградъ срѣзывать, благо его много собирается въ паломничество.

— Только вотъ тамъ, цари, меня ждутъ, а сначала-то я поѣду отсюда въ Покровское...

И тутъ началъ Григорій, попрежнему, болтать мнѣ чудовищныя вещи. Онъ говорилъ:—Вотъ, дружокъ, ты меня слушайся. Вѣдь, я тебя опять возвратилъ въ Царицынъ. Я царей здорово донималъ телеграммами съ Ерусалима... Упорно держались, а потомъ сдались. Возвратили. Прокурора Лукьянова я велѣлъ имъ прогнать. Прогнали. Скоро Столыпина сгоню. На его мѣсто Коковцева поставлю. А на мѣсто Лукьянова уже поставилъ Саблера. А знаешь что? Вѣдь Саблеръ-то мнѣ въ ноги вотъ недавно поклонился за то, что его въ прокуроры доспѣлъ.

При этомъ Распутинъ наглядно показалъ, какъ клянялся ему Саблеръ: одну колѣну къ землѣ пригнулъ, другую на голени держалъ, а лбомъ коснулся земли.

— Нужно еще Петра Даманскаго повысить. Проспится на товарищи Саблеру. Сдѣлаю... А царп на тебя осерчали, что ты убѣжалъ изъ Новосплья. Они хотѣли тебѣ уже денегъ послать на постройку тамъ новаго храма, а ты возьми, да и удери... Ну, чего... А все-таки они тебя любятъ, во какъ любятъ! Ты, когда представлялся, очень понравился государю. А твою проповѣдь такъ онъ слушалъ бы безъ конца. Про тебя царь говорилъ пятаго дня мнѣ:—Иліодоръ хорошій монахъ, вотъ монахъ, такъ монахъ. А Несторъ, Камчатскій миссіонеръ, тоже недавно былъ у меня: онъ настоящій жуликъ... Говорилъ мнѣ царь, какъ онъ осаживалъ Столыпина, когда онъ приставалъ къ нему съ тобою, чтобы взять тебя изъ монастыря. Царь емусказалъ:— Петръ Аркадьевичъ! Вы кашу заварили, вы и расхлебывайте. Берите Иліодора изъ монастыря: онъ мнѣ не нуженъ, но берите такъ, чтобы ни одна старушка не была тронута. Это я изъ Ерусалима такъ научилъ царя. Вотъ Столыпинъ-то и нагналъ сюда, къ тебѣ, казаковъ, жандармовъ взять тебя, связать и увести, а ани, ничего не вышло... Тутъ и милость царская подоспѣла... Послушайка что про тебя мама говоритъ. Да думаю: это она напрасно. Она прямо сказала мнѣ:—Григорій! Ты Ѳеофана и Веніамина не бойся; они люди не опасные; они ходятъ съ

низко опущенною головою, а вотъ Иліодора-то бойся; онъ другъ-другъ, а потомъ такъ шугнетъ насъ, что и тебѣ некуда будетъ дѣться, да и намъ-то нелегко прійдется. Вотъ что. А мама тебѣ готовитъ дорогую брилліантовую панагію, стоить будетъ 150,000 руб. Тебя они хотятъ сдѣлать епископомъ; ужъ больно ты царю понравился своею службой въ Царско-Сельской церкви, и проповѣдью, и всѣмъ...

— Да за что же мнѣ, такому молодому, такая большая честь? Подостойнѣй меня есть?—не вытерпѣлъ и спросилъ я.

— А за то, голубчикъ, что со мною ты, и ихъ здорово защищаешь. Да царю понравился, говорю же тебѣ. Ужъ будь покоенъ. Я вѣрно говорю.

Я думалъ: о діаволъ! Когда я съ тобою развяжусь.

А онъ продолжалъ:—Пусть тогда епископы пощелкаютъ зубами. Они тебя ненавидятъ, вотъ царь и хочетъ почтить тебя. Епископы люди жестокіе, какъ діаволы. Папа говоритъ:—что если-бъ они ласкали Л. Н. Толстого, то онъ бы безъ покаянія не умеръ. А то они сухо къ нему относились. За все время только одинъ Парѳеній и ѣздилъ къ нему бесѣдовать по душѣ. Гордецы—они!

Все это онъ мнѣ говорилъ въ самомъ концѣ іюня мѣсяца 1911 г.

Въ этотъ же день, помню, я ставилъ Григорія предъ иконой и говорилъ:—Григорій! Покайся въ томъ, въ чемъ тебя обвиняютъ. Правду про тебя пишутъ?

Онъ погрозился на меня пальцемъ и сказалъ: — что, ты, чудакъ? Всякому вздору вѣришь? Мотри у меня!

Я испугался и замолчалъ, удивившись искренно своей дерзости и смѣлости.

Приготовленія къ Саровскому паломничеству шли своимъ чередомъ. Каждый вечеръ въ монастырь собиралась масса народу, шла запись, выдавались билеты... Было много бѣдняковъ, которымъ не на что было поѣхать въ Саровъ. Григорій этимъ воспользовался, чтобы попробовать въ послѣдній разъ поднять свой авторитетъ и значеніе среди моихъ почитателей. Онъ предложилъ народу 3,000 р. на нужды бѣдныхъ, обѣщая эти деньги исхлопотать. Народъ благодарилъ Распутина, а онъ пошелъ въ келью и написалъ телеграмму государынѣ, прося ее немедленно выслать 3,000 р. на паломничество въ Саровъ.

Я, конечно, очень заинтересовался этимъ. Меня особенно подмывало то, что хотѣлось воочію убѣдиться еще

разъ имѣетъ ли при дворѣ Григорій силу. а. быть можетъ, онъ все вретъ, что мнѣ говорилъ.

На другой день, какъ предполагалъ Распутинъ, денегъ не пришло. Атмосфера въ настроеніи всѣхъ стала сгущаться; каждый думалъ: а ну-ка — что, пришлетъ царица деньги, или не пришлетъ? Больше всѣхъ, конечно, волновался Григорій.

Пришли ко мнѣ Лаптинская и Лохтина и говорятъ:— бѣда! У отца Григорія кровь изъ горла пошла, ужъ больно онъ волнуется, что царица долго денегъ не шлетъ.

На четвертый день деньги пришли. Камеръ-юнкеръ Пистолькорсъ писалъ: Аннушка передала отъ мамы 3,000 р. на Саровское паломничество. Замедленіе произошло, потому что мама сначала не разобрала, куда устраивается паломничество; сначала думала, что въ Саратовъ, къ Гермогену, а потомъ поняла свою ошибку и немедленно дала деньги для отсылки по назначенію. Любящій *А. Пистолькорсъ.*

Послѣ полученія денегъ, Григорій заявилъ, что онъ черезъ день, уѣзжаетъ въ село Покровское.

Явились ко мнѣ Лохтина и Л. и начали говорить, что нужно какъ можно торжественнѣе, проводить о. Григорія, нужно поднести ему хорошую икону, цвѣты и подарокъ дорогой. Онъ самъ этого желаетъ. Я повиновался.

Въ воскресный день я приказалъ пройти по народу съ тарелкой и собрать денегъ на проводы Распутина.

Народу было въ храмѣ очень много, но собрано было только 29 руб. На эти деньги я послалъ купить дешевенькую икону и такой же чайный сервизъ.

Между тѣмъ, Л. и Лохтина, зорко слѣдившія за приготовленіями, узнали объ этомъ, прибѣжали ко мнѣ и начали кричать:—вы уже послали за подарками отцу Григорію?

— Послалъ. А что?

— Да что вы, съ ума сошли? Такому великому человѣку да такую дрянь подносить? Что же народъ скажетъ?

— Народъ уже сказалъ свое слово: онъ бросилъ на тарелку только 29 руб., а на подарки у меня денегъ нѣтъ.

— Ахъ! Такъ дѣло только въ деньгахъ. Что же вы не скажете отцу Григорію. Мы сейчасъ же принесемъ денеги.

Они убѣжали и чрезъ пять минутъ принесли 300 р.

— Вотъ деньги!

— Ну, идите сами и покупайте, что знаете.

Онѣ пошли и купили дорогую икону и дорогой серебряный чайный сервизъ.

Распутинъ тоже внимательно слѣдилъ за всею этою исторіею. Вечеромъ того же дня, когда покупали подарки, Григорій въ домѣ Рыбакова учительницѣ Тонѣ Рыбаковой говорилъ буквально такъ:—Иліодоръ непочтительно относится къ моему положенію. Испортился. Развѣ онъ не знаетъ, что онъ только мною и держится въ Царицынѣ? Плохо ему будетъ.

Наступилъ день проводовъ. Собрался народъ. Дѣвочка Плюхина поднесла „старцу“ букетъ цвѣтовъ и сказала: — какъ прекрасны эти цвѣты, такъ прекрасна душа ваша.

Кто-то поднесъ чайный сервизъ.

Я, ломая все свое нутро, поднесъ икону и сказалъ рѣчь. Когда говорилъ эту рѣчь, то чувствовалъ, что каждое слово ея вылетаетъ изъ моего горла, какъ иголка, ставшая поперекъ.

Григорій всѣмъ былъ очень тронутъ и началъ держать рѣчь къ народу. Здѣсь, въ первый разъ за все время моего знакомства, онъ показался мнѣ очень привлекательнымъ. Тонкая, высокая фигура его, аккуратно перехваченная въ поясницѣ таліею дорогой русской поддевки, какъ-то особенно важно выдѣлялась и тянулась впередъ, упираясь на тонкія ноги въ дорогихъ лакированныхъ сапогахъ. Григорій показался мнѣ какимъ-то воздушнымъ, готовымъ вотъ-вотъ сняться съ высокаго досчатаго помоста, гдѣ онъ стоялъ, улетѣть, но только не на небо, а въ преисподнюю. Вымытые волосы его и борода, слегка развиваемые вѣтромъ, красиво метались во всѣ стороны, какъ бы играя между собою и нарочно сталкиваясь. Онъ говорилъ отрывисто, твердо и звучно. Рѣчь его дышала серьезностью и силою. Говорилъ недолго. Мнѣ запомнились слѣдующія слова изъ его рѣчи:—„Да! враги возстали на меня. Думали, что мнѣ конецъ. Нѣтъ. Шалишь. Имъ конецъ, но не мнѣ. Кто они? Червяки, которые ползаютъ на внутренней сторонѣ покрышки кадушки съ кислой капустой. Вотъ кто они! Хотѣли осадить меня. Пусть помѣшкаютъ!“

Изъ монастырскаго двора пошли провожать Григорія на пароходную пристань. Съ верхней палубы парохода Григорій говорилъ еще рѣчь тоже о врагахъ.

11. Жертвы старческой дѣятельности Распутина.

Приготовься, читатель, увидѣть въ этой главѣ нѣчто скверное и отвратительное.

Преимущественное содержаніе „старческой“ дѣятельности Распутина это—врачеваніе въ людяхъ такъ-называемыхъ блудныхъ страстей.

Снимать блудныя страсти, по словамъ „старца“,—великій даръ, данный Распутину самимъ Богомъ за его усиленные подвиги поста и молитвы.

Распутинъ за время своей дѣятельности снималъ страсти, какъ съ женщинъ: такъ и съ мужчинъ.

Конечно, женскій полъ, какъ слабый, и вообще легко поддающійся вліянію разнаго рода „бѣсовъ“, обращалъ на себя особенное вниманіе „старца“.

Въ дѣлѣ врачеванія мужчинъ „старецъ“, право не знаю почему, имѣлъ весьма ограниченное поле, но за то въ врачеваніи женщинъ и дѣвушекъ судьба очень щедра для „великаго старца“: она отвела ему широкое, прямо-таки необозримое поле „подвиговъ“.

Старецъ началъ „лѣченіе“ съ самыхъ низовъ; началъ съ странницъ и монахинь.

Чаще всего онъ врачевалъ женскій полъ легкими способами, какъ болѣе невинными и мало замѣтными.

На его дѣятельность въ этомъ направленіи я достаточно насмотрѣлся во время пріѣздовъ его въ Царицынъ, особенно въ первый разъ, когда народъ бѣгалъ за нимъ, принимая его за дѣйствительнаго прозорливца и цѣлителя.

Здѣсь Распутинъ положительно въ каждомъ домѣ, гдѣ я бывалъ съ нимъ, сначала руками „свидѣтельствовалъ“ всѣхъ женщинъ и дѣвушекъ, конечно, молоденькихъ и красивыхъ, а потомъ начиналъ цѣловать. Цѣловалъ долго, нѣсколько разъ; цѣловалъ въ домѣ, а потомъ на дворѣ. Конечно, я спрашивалъ его:—Братъ Григорій, для чего ты женщинъ цѣлуешь?

Онъ отвѣчалъ:—Да, вѣдь, мнѣ прикоснуться къ женщинѣ, все равно, что къ чурбану. У меня нѣтъ похоти. И духъ безстрастія, во мнѣ сущій, я передаю имъ, а онѣ отъ этого дѣлаются чище, освящаются

Я вѣрилъ, но все-таки недоумѣвалъ, потому что не находилъ подтвержденія „подвига“ Григорія, какъ онъ называлъ свои поцѣлуи, въ свято-отеческихъ писаніяхъ.

Григорій, какъ бы угадывая мои мысли на этотъ счетъ, говорилъ:—Я дѣлаю новый подвигъ, церкви еще неизвѣстный. Пришло время новыхъ подвиговъ.

Я не противорѣчилъ своему другу и благодѣтелю, но въ то же время и не соглашался. Народу въ храмѣ говорилъ:—Отношеніе къ женщинамъ (поцѣлуи) брата Григорія я считаю странными, и самъ этого никогда не сдѣлаю по своей слабости. Видно, Богъ далъ Григорію великій даръ безстрастія.

Бывали случаи, когда я прорывался, и дѣло чуть не доходило до скандала.

Такъ, въ первый пріѣздъ въ Царицынъ въ одномъ домѣ на Курской улицѣ напалъ „старецъ“ на красивенькихъ и молоденькихъ дамочекъ и дѣвочекъ. Цѣловалъ ихъ нѣсколько разъ въ домѣ, цѣловалъ ихъ и на дворѣ, и за воротами.

Погода была холодная и мокрая, я промочилъ ноги, и уже начиналъ чувствовать, какъ постепенно простужналась грудь моя.

Сидя въ саняхъ, въ ожиданіи Григорія, цѣловавшаго въ это время за воротами хорошенькихъ женщинъ, я сказалъ ему: —Братъ Григорій! Да будетъ тебѣ, а то я пропаду!...

Григорій сѣлъ въ сани, очень осерчалъ и говоритъ:—Перебиваешь мнѣ дѣло дѣлать. Нехорошо. Молодъ ты. Не знаешь ничего, вѣдь, не подмажешь, братъ, такъ и не поѣдешь!...

—Прости, братъ, Григорій!—смущенно, въ волненіи, взмолился я, искренно повѣривши, что поцѣлуями, „святой старецъ“ дѣлаетъ великій „подвигъ“.

—Ну, ничего,—ласково успокаивалъ меня „старецъ“.

Цѣловалъ старецъ только молодыхъ, но такъ какъ и старыя,—и гораздо усерднѣе молодыхъ!—лѣзли освятиться поцѣлуями „старца“, то онъ ихъ безцеремонно отталкивалъ.

Въ одномъ домѣ на Даръ-Горѣ одна бѣдная старушка, поцѣловавшись съ Григоріемъ только одинъ разъ, хотѣла поровняться съ молодыми членами семьи и тянулась еще за „старческимъ“ поцѣлуемъ, такъ Григорій такъ ее двинулъ, что она ударилась головой о печь, а „старецъ-

выходя изъ дома того, проговорилъ:—И куда старыя карги лѣзутъ, какъ-будто не знаютъ, что съ молодыми гораздо пріятнѣе цѣловаться...

Мнѣ хотя и очень было жалко бѣдную старушку, но я подумалъ:—Ну, да, вѣдь у старыхъ и блудныхъ страстей нѣтъ,—правильно Григорій поступаетъ.

Подумалъ искренно. Какъ хотите, меня называйте, а въ искренность мою, человѣка, бывшаго въ высшей степени мистически настроеннымъ, вѣрьте, читатель!

На почвѣ поцѣлуевъ происходили и иного рода скандалы, повергавшіе меня въ крайнее смущеніе и искреннее горе.

Разъ было такое дѣло.

Пріѣхалъ я съ Григоріемъ на святкахъ 1909 года въ домъ Царицынской купчихи—молодой вдовы, красивой г-жи Н. Въ это время здѣсь же въ гостяхъ была сестра хозяйки, тоже купчиха, молодая, красивая, видная.

Я принялся за свое дѣло, началъ славить Христа, а Григорій въ это время, прищуривая глаза и озираясь во всѣ стороны, разсматривалъ миловидныхъ дамъ и пять хорошенькихъ горничныхъ. (Хозяйка содержала номера, гдѣ горничныя прислуживали).

Когда я окончилъ свое дѣло, произошло что-то невѣроятное. Григорій, поцѣловавши три раза хозяйку, меня очень почитавшую, полѣзъ къ сестрѣ ея, меня мало знавшей... Б. въ это время уже сидѣла въ креслѣ. И, о, горе! Какъ только Григорій поцѣловалъ ее, она подняла свою большую, сильную руку, и со всего размаха ударила „старца“ по лицу. Григорій опѣшилъ, а дама, принявши воинственный видъ, стояла противъ „подвижника“, намѣреваясь еще разъ треснуть его; дѣвушки выглядывали изъ комнатъ, хихикали, „старецъ“ побѣжалъ въ переднюю, а меня, сгоравшаго отъ стыда, выручила хозяйка, пригласившая закусить и выпить стаканъ чаю.

За столомъ всѣ держали себя непринужденно, какъ будто бы ничего особеннаго только что и не случилось. Не было только „старца“, который въ это время ходилъ около дома по тротуару, дожидаясь меня. Когда я сѣлъ съ нимъ въ экипажъ, онъ, глубоко вздохнувши, проговорилъ:—Вотъ стерва-то, какъ она меня шарахнула!—Я молчалъ.

На почвѣ поцѣлуевъ же произошло что-то крупное, неладное еще въ семьѣ А. Въ этой семьѣ безъ отца были

три барышни-учительницы. Къ средней изъ нихъ, молоденькой и миловидной блондинкѣ, ходилъ въ это время студентъ-женихъ. И вотъ между нимъ и „блаженнымъ старцемъ“ изъ-за барышни произошло что-то очень непріятное. Раньше Григорій туда частенько бѣгалъ, а потомъ вдругъ пересталъ. Я спрашивалъ у семьи объясненія этого факта, но мнѣ не отвѣчали, а только конфузливо улыбались... Я догадывался, что, должно-быть, „старецъ“ напакостилъ...

Помимо поцѣлуевъ и послѣдняго способа, „старецъ“ лѣчилъ больныхъ женщинъ еще особаго рода прикосновеніями и способомъ „изгнанія бѣсовъ“.

Посему я „жертвы“ Григорія раздѣляю въ перечисленіи на четыре категоріи: жертвы поцѣлуевъ и бань; жертвы особаго рода прикосновеній, жертвы изгнанія бѣсовъ и жертвы плотскаго совокупленія.

Жертвы поцѣлуевъ и бань.

Этихъ жертвъ безчисленное множество. Въ одномъ Царицынѣ ихъ можно насчитать сотни. А въ монастыряхъ женскихъ, куда вообще старецъ Григорій любитъ заглядывать, ихъ не перечтешь. Когда я съ нимъ ѣхалъ въ Сибирь, на его родину, онъ затаскивалъ меня въ Екатеринбургскій монастырь, въ Пензенскій, въ Саратовскій и Балашевскій. Да, вообще, гдѣ бы ни бывалъ Григорій, онъ вездѣ врачевалъ поцѣлуями.

Иногда лѣчилъ и баней. Это онъ дѣлалъ въ Покровскомъ, Казани и, безъ сомнѣнія, въ другихъ мѣстахъ. Въ Покровской банѣ онъ, какъ извѣстно уже читателю, самъ мнѣ объяснилъ, что дѣлаетъ это для снятія страстей съ женщинъ. А сотруднику „Новаго Времени“ въ 1912 году онъ давалъ пространное объясненіе совсѣмъ въ иномъ духѣ. На вопросъ:—зачѣмъ онъ ходитъ въ баню съ дамами?—Григорій разглагольствовалъ:—вотъ онѣ пріѣдутъ ко мнѣ въ Покровское въ золотѣ, въ брилльянтахъ, въ шелковыхъ платьяхъ съ долгими хвостами, гордыя, заносчивыя, а я, вотъ, штобы смирить ихъ, и поведу ихъ голыхъ въ баню. А оттуда-то онѣ выходятъ совсѣмъ иными...

Жертвы особаго рода „старческихъ“ прикосновеній.

П., дѣвушка, въ 1909—10 гг. жила въ Царицынѣ. На пятый день Рождества я пріѣхалъ въ ихъ домъ славить Христа. Со мной былъ и Григорій. Я вошелъ въ залъ и

сталъ около иконъ. Григорій остановился въ дверяхъ, ведущихъ изъ зала чрезъ переднюю въ спальню. Какъ только я запѣлъ соотвѣтствующія днямъ пѣснопѣнія, „старецъ“ ухватилъ Надю за руку, потомъ за другую и потащилъ въ спальню. Она, испугавшись до послѣдней степени, слабо сопротивлялась.

Въ спальнѣ „старецъ“ началъ цѣловать ее и валять на койку, но въ это время я уже окончилъ молитву и всѣ домашніе забезпокоились:—А гдѣ-же Надя?

Показался „старецъ“ и началъ, по обыкновенію, цѣловать прочихъ членовъ семьи женскаго пола.

Надя стояла въ углу передней и испуганно смотрѣла. На вопросъ хозяйки:—что съ тобой?—она ничего не отвѣчала. Я, замѣтивъ:—должно быть она немного прихворнула,—вмѣстѣ съ „старцемъ“ вышелъ изъ дому.

З. В. — жена саратовскаго священника, матушка совсѣмъ молоденькая, застѣнчивая, красивенькая и въ высшей степени благородная.

Объ этомъ „подвигѣ“ Гермогенъ разсказывалъ мнѣ такъ:—Замѣтилъ я что-то неладное за Григоріемъ, и нарочно помѣстилъ его поближе къ себѣ: въ кабинетѣ. Въ часъ ночи Григорій всталъ и подошелъ къ моей койкѣ узнать, сплю-ли я или нѣтъ. Я притворился спящимъ. Григорій поспѣшно одѣлся и куда-то исчезъ. Оказалось, что онъ побѣжалъ въ квартиру В. и надѣлалъ тамъ бѣды...

Дальше Гермогенъ какъ-будто не хотѣлъ разсказывать.

— А дальше что, владыка? Что-же онъ тамъ надѣлалъ?

Гермогенъ заговорилъ:—Вотъ, песъ проклятый! Отца Ивана не было дома, а матушка лежала въ постели. Григорій вошелъ въ спальню, подошелъ къ кровати и говоритъ:—Ну, што, скушно?—Потомъ началъ поднимать одѣяло, и уже лѣзть на кровать... Тогда З. крикнула:—куда, куда! Ахъ ты чортъ!—и ударила его по лицу. Онъ отскочилъ и говоритъ:—да и молодецъ ты! ты первая меня такъ ошарашила; вѣдь, всѣ бабы—дуры, съ ними што хошь, то и дѣлай, а ты не такая, проучила меня.—И ушелъ.

Объ этомъ Гермогенъ разсказывалъ мнѣ въ маѣ мѣсяцѣ 1911 года, когда я, послѣ представленія государю, заѣзжалъ въ Саратовъ.

Самъ В. тогда-же говорилъ мнѣ:—Вотъ, батюшка, бѣда; лѣзетъ Григорій къ моей женѣ. А жена говоритъ: убью этого чорта; хоть всѣ пусть его ангеломъ считаютъ, а я говорю, что онъ—чортъ. Ничего я не боюсь. Пусть тебя Гермогенъ гонитъ съ мѣста, а его другъ, Григорій—чортъ и больше никто. И глаза у него діавольскіе, и весь противный, а дѣла-то его каковы!..

Разсказалъ мнѣ священникъ В. и о томъ, что Григорій дѣлалъ *съ сестрой его жены*, молоденькой дѣвушкой, только что окончившей гимназію.

Дѣвушка пріѣхала въ гости къ сестрѣ. Какъ разъ въ это время былъ въ Саратовѣ и Григорій. Онъ обратилъ свое вниманіе на миловидную дѣвочку. Пригласилъ ее однажды пройтись въ городъ. Она, конечно, ничего не подозрѣвая пошла. Вышли изъ дома часовъ въ 9, а возвратились около одиннадцати. Шли по архіерейскому саду около стѣны. Вдругъ Григорій схватываетъ дѣвушку, начинаетъ ее мять, цѣловать, хватать за разныя части тѣла и прижимать къ стѣнѣ.

Со всею силою она рванулась изъ „старческихъ“ объятій, прибѣжала домой, трясется, плачетъ и даже не можетъ отвѣтить на тревожный вопросъ:—что съ тобой, что съ тобой?

Послѣ все объяснилось. А Григорій, надругавшись надъ бѣдненькой, убѣжалъ въ городъ къ какимъ-то своимъ знакомымъ, и тамъ ночевалъ.

В., ея дочь и знакомая. Дѣло происходило въ 1913 году, въ февралѣ мѣсяцѣ въ Петербургѣ.

Пострадавшія разсказывали моему родному брату Аполлону, студенту духовной академіи, такъ.

Всѣ онѣ, трое, послѣдовательницы извѣстнаго проповѣдника трезвости—Петербургскаго братца І. Чурикова.

Когда духовныя власти напали на братца и даже запретили ему проповѣдывать, онѣ, по совѣту О. В. Лохтиной, пошли съ просьбой о помощи къ Распутину, жившему въ то время въ Питерѣ на Гороховой улицѣ.

Старецъ принялъ ихъ ласково. Когда онѣ, подавая Распутину прошеніе, всѣ встали на колѣни передъ нимъ, онъ вдругъ набросился на нихъ, сталъ ихъ цѣловать, мять, валять на землю, разстегивать груди.

Страшно испугавшись, онѣ выбѣжали изъ комнаты и направились домой, не отдавая себѣ въ первое время яснаго отчета въ томъ, что именно произошло.

Прошло мѣсяца два. Духовныя власти по-прежнему, гнали братца и его послѣдователей. Помощи и защиты ни откуда не было.

Тогда В. рѣшилась опять идти къ „старцу“ просить, чтобы онъ объяснилъ царю, какъ надъ трезвенниками издѣваются духовныя власти. Что будетъ, то будетъ!—думала бѣдная женщина, вспоминая первый визитъ. Но, чтобы не случилось прежняго, она взяла съ собою свою пятнадцатилѣтнюю дочку, миловидную, ангелоподобную дѣвочку. —Усрамится дѣвочки, и не сдѣлаетъ стараго, — размышляла наивная женщина.

Но „старецъ“ ничего не усрамился: какъ только г-жа В. объяснила, въ чемъ дѣло, зачѣмъ она пришла къ нему, какъ „старецъ“ на нее и на дочку бросился, какъ звѣрь голодный; чрезъ минуту онъ буквально ихъ оборвалъ, и онѣ, чуть не теряя разумъ вырвались изъ его рукъ и побѣжали домой съ обѣщаніемъ больше къ „старцу“ за помощью не обращаться.

А. М. Л.— богатая царицынская купчиха, вдова 47 лѣтъ, красивая, немного болѣзненая, но съ большими чувственными позывами женщина.

Она на исповѣди въ мартѣ мѣсяцѣ 1910 года разсказала мнѣ слѣдующее:

— Пришелъ въ мой домъ братъ Григорій вечеромъ въ такой то день. Сидѣли. Говорили. Потомъ онъ попросилъ меня приготовить ему ванну. Я приказала прислугамъ немедленно исполнить просьбу „старца“. Черезъ часъ ванна была готова. Григорій вошелъ въ ванную, а дверь оставилъ открытой. Раздѣлся, легъ въ ванну и кричитъ:—Александра, подь-ка меня помой! Подь скорѣе помой!—Я отвѣчаю: ну вотъ глупости! Я мужа своего никогда не мыла, а то тебя буду мыть. И не пошла. Старецъ очень разсердился, сейчасъ-же вылѣзъ изъ ванной, что-то сказалъ бранное и убѣжалъ въ городъ.

Послушница Ксенія Г.,— послушница женскаго монастырскаго подворья, находящагося въ Царицынѣ. Дѣвица 28 лѣтъ. Не красивая, но очень симпатичная, полная, упругая, въ высшей степени набожная и цѣломудренная. Она сейчасъ живетъ при епископѣ Гермогенѣ въ Жировицкомъ монастырѣ, на гостинницѣ.

Когда я былъ въ Царицынѣ, она доставляла въ храмъ моего монастыря просфоры. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1910 года

приходила ко мнѣ на исповѣдь. Перечисляя свои грѣхи, она запнулась, застѣснялась...

— Ну, говори, все, все,—предложилъ я ей.

— Да вотъ Григорій Ефимовичъ дѣлалъ со мною...

— Нехорошее?

— Да.

— Ну, довольно, Я понялъ. О такой пакости здѣсь не мѣсто говорить. Приди ко мнѣ черезъ три дня послѣ причастія, и тогда разскажешь мнѣ все подробно.

Это я сдѣлалъ въ виду предположенія, что Григорій сдѣлалъ съ ней что-то особенно нехорошее, о чемъ нужно будетъ разсказать и другимъ. А потому я рѣшилъ распросить ее дома, чтобы имѣть возможность другимъ говорить, такъ какъ разсказанное на исповѣди церковными правилами запрещается священнику передавать кому-бы то ни-было.

Черевъ три дня Ксенія пришла въ мою келью.

— Ну, дочь моя, стань предъ святою иконою и разскажи мнѣ все, все, что съ тобою дѣлалъ Григорій. Забудь совершенно, что тебя выслушиваетъ мужчина. Помни одного Бога и знай, что все то, что ты скажешь, послужитъ къ разоблаченію „старца“, котораго мы, по царямъ, почитали, какъ пророка и чудотворца, а онъ оказывается пѣсомъ.

Стояла бѣдная монахиня, низко опустивъ голову, и видно было, что не легко было ея дѣвической невинности передавать то, какъ надъ ней ругался „старецъ“, а еще труднѣе было переносить его „старческія“ ухищренія.

Собравшись съ духомъ и ободряемая мною, она начала:

— Дѣло было, дорогой батюшка, на святкахъ. Старецъ заранѣе предупредилъ А. М. Л., въ домѣ которой, какъ вамъ извѣстно, я, ради послушанія, по приказанію матушки-игуменьи, кое-что исполняю въ домашнихъ работахъ, что онъ придетъ къ ней ночевать въ такой-то день. Прителъ. Когда настала пора спать, онъ и говоритъ А. М.: — Голубка, пошли въ монастырь за Ксеніею: она мнѣ очень нужна.—А. М., конечно, послала прислугу, и я, какъ водится, явилась, хотя мнѣ страннымъ показалось, почему это я въ такой поздній часъ понадобилась. „Старецъ“ не долго раздумывалъ. Какъ только А. М. легла въ постель, Григорій приказалъ мнѣ раздѣть его. Я

раздѣла. Потомъ приказалъ раздѣваться самой: я раздѣлась. Онъ легъ на приготовленную кровать и говоритъ:— ну, милка, ложись со мною.—Я, дорогой батюшка, какъ и вы, считая его великимъ праведникомъ, освятителемъ нашихъ грѣшныхъ тѣлъ и цѣлителемъ, повиновалась, легла около него, а сама думала: Господи что-же дальше-то будетъ? А дальше вотъ что было!..

Тутъ Ксенія запнулась, какъ-будто что-то застряло въ ея горлѣ.

— Ну, говори, говори, что было дальше, если не скажешь, то я на три мѣсяца запрещу тебѣ въ храмъ ходить и къ иконамъ прикасаться!—строго прикрикнулъ я на нее.

— Онъ началъ меня цѣловать, такъ цѣловать, что на моемъ лицѣ не осталось ни одной точки, старцемъ не поцѣлованной. Цѣловалъ меня, какъ говорится, въ засосъ, такъ что я еле-еле не задыхалась. Я не вытерпѣла и закричала:—Григорій Ефимовичъ что вы со мною, бѣдною, дѣлаете?!

—Ничего, ничего, лежи и молчи...

Я у него спрашиваю:—братъ Григорій! То, что вы со мной дѣлаете, и батюшка мой Иліодоръ знаетъ?—Знаетъ, знаетъ!—отвѣчалъ Григорій.

— Вотъ, діаволъ, вотъ сатана!—крикнулъ я, не вытерпѣвши.

А Ксенія продолжала:—Потомъ я спрашиваю:—и владыка Гермогенъ объ этомъ знаетъ?—Ну, а то какъ-же, знаетъ, все знаетъ. Не смущайся!—И царь - батюшка и царица - матушка объ этомъ знаютъ?—Фу, да они-то больше всѣхъ знаютъ; я и съ ними то же дѣлаю, что и съ тобою; пойми это, голубушка!

— Батюшка! Я, слушая отвѣты Григорія, прямо таки не знала, что думать и говорить. Мучилъ меня онъ четыре часа. Потомъ пошла домой. Черезъ два дня я у Григорія спросила:— братъ Григорій, а можно мнѣ разсказать батюшкѣ Иліодору о томъ, что вы со мною дѣлали тогда-то ночью? Онъ погрозился на меня пальцемъ и сказалъ: — вотъ еще чего выдумала! Вотъ я тебѣ разскажу!

— Братъ Григорій! Да вы же сами говорили, что батюшка знаетъ, что вы дѣлаете, почему же нельзя ему разсказать?

Онъ замахалъ рукою, недовольно перекосилъ лицо и сказалъ:—ну, говори, говори, онъ пойметъ, онъ всё понимаетъ,—закончила Ксенія.

Но, къ счастью Истины и къ великому горю „старца“, я не понялъ его „великаго подвига“, и съ того момента, какъ выслушалъ разсказъ страдалицы - Ксеніи, я сдѣлался непримиримымъ врагомъ „блаженнаго старца“, ожидая времени, когда придется открыто изобличить его и навсегда отказаться отъ него.

Отъ разсказа Ксеніи у меня въ душѣ поднялась буря. Мысли начали кружиться въ головѣ, какъ щепки и тряпки въ вихрѣ. Не раздѣлаться-ли съ Григоріемъ теперь? Но какъ? Изобличить его! Изъ Царицына погонятъ, а, вѣдь, здѣсь — жизнь моя, я безъ Царицына жить не могу; меня ужъ и такъ, какъ собаку, загоняли съ одного мѣста на другое. А народъ-то, какъ броситъ?.. Нѣтъ, подожду. Приглашу къ себѣ друзей; разскажу имъ, что я узналъ о Ксеніи; быть-можетъ, хоть они что-либо хорошее мнѣ посовѣтуютъ... Какъ же съ друзьями не посовѣтоваться? Вѣдь, они близко около сердца держатъ общее святое дѣло? Приглашу, приглашу и разскажу!..

На пятой недѣлѣ Великаго поста, вскорѣ послѣ „открытія“ Ксеніи, я пригласилъ къ себѣ въ келью своихъ видныхъ царицынскихъ друзей: К. К. Косицына, А. А. Жукова, С. Н. Аникина, Н. А. Кононова, Л. М. Карташева. Т. И. Шмелева, Л. М. Шмелева, Г. С. Платонова, А. И. Панина, Н. П. Попова и еще кое-кого, всего болѣе двѣнадцати человѣкъ. Разсказалъ имъ, спросилъ совѣта. Всѣ они ничего мнѣ не посовѣтовали, а только, удивляясь, пожимали плечами и конфузливо улыбались.

Проводивъ ихъ, я опять-таки упалъ предъ иконою, и прямо-таки закричалъ: — Господи! Царица Небесная! Развяжите меня съ святымъ чортомъ. Одно внѣшнее знакомство мое съ нимъ черпитъ меня. Вотъ какъ на меня нападаютъ газеты, а онѣ, вѣдь, не знаютъ, что у меня въ душѣ. Господи, помоги и пощади меня!

Въ этомъ же году монахиня Ксенія ѣздила, сопровождая купчиху Л., въ Петербургъ поклониться праху Іоанна Кронштадтскаго. Здѣсь она встрѣтилась съ старцемъ.

Григорій, желая, повидимому, похвастать предъ царицынскими „дикарками“ тѣмъ, какъ его принимаютъ въ Петербургѣ, затянулъ ихъ или къ генеральшѣ Головиной, или къ сенатору Мамонтову.

Здѣсь, сидя за столомъ и цѣлуя петербурскихъ дамъ и дѣвушекъ, старецъ, обратившись къ Ксеніи, сказалъ:— Видишь, это не то, что тамъ Иліодорушка возится съ царицынскими бабенками. Вотъ повозился бы здѣсь съ ними, то узналъ бы, какъ трудно...

Ксенія недоумѣвала.

Пріѣхавши обратно въ Царицынъ, она обратилась ко мнѣ:—Батюшка! Какъ же теперь думать про Григорія! Вотъ я видѣла сама въ Питерѣ то-то и то-то?

—Все уже, дочь моя, передумано и перестрадано. Подлецъ онъ, и только. Погоди, я до него доберусь!

Жертвы способа изгнанія бѣсовъ.

Казанская баба, о которой въ 1904 году въ лаврѣ Петербургской упоминалъ епископъ Антоній, безъ сомнѣнія, была „блудно-бѣсноватой“ и, конечно, познакомившись съ „старцемъ“, не избѣжала его чудодѣйственной силы.

Тогда я Антонію, какъ вообще врагу большой руки, не повѣрилъ.

Теперь, насмотрѣвшись въ Царицынѣ старческихъ пріемовъ при изгнаніи бѣсовъ, вѣрю.

Должно замѣтить, что Григорій признаетъ въ женщинахъ существованіе преимущественно блудныхъ бѣсовъ и, конечно, изъ жалости къ слабому полу, онъ насколько хватаетъ силъ, избавляетъ его отъ бѣсовскихъ приставаній.

Въ этомъ отношеніи онъ размахнулся въ Царицынѣ, что называется, во всю. Быть можетъ, да и безъ сомнѣнія, онъ и въ другихъ городахъ размахъ дѣлалъ въ этомъ отношеніи, но я того не знаю, и не видѣлъ. А его царицынскіе подвиги видѣлъ. Поэтому считаю долгомъ остановить на нихъ вниманіе читателя.

С. М. Ш.,—вдова, 52 лѣтъ. Очень сильная женщина. По временамъ кликушествуетъ.

По пріѣздѣ Григорія въ Царицынъ, она обращалась къ нему за совѣтомъ. „Старецъ“ призналъ, что въ ней сидитъ бѣсъ. Нѣсколько разъ являлся къ ней въ домъ изгонять бѣса.

Послѣ, когда люди спрашивали у г-жи Ш., какимъ образомъ „старецъ“ лѣчилъ ее, она всегда конфузливо улыбалась и неизмѣнно давала такой краткій отвѣтъ:— Стыдно объ этомъ и говорить.

П. Х.,—богатая царицынская купчиха, 55 лѣтъ. Здоровая, полная. Имѣетъ мужа, но онъ часто отлучается изъ дома и путешествуетъ по святымъ мѣстамъ: Афону, Іерусалиму и другимъ.

Какъ только Григорій пріѣхалъ въ Царицынъ, она немедленно обратилась къ нему за врачеваніемъ.

Конечно, старецъ сейчасъ же установилъ діагнозъ: признанъ блуднаго бѣса.

Началось лѣченіе.

Поѣхали мы съ нимъ въ домъ Х. я съ рождественскимъ визитомъ, а Григорій по своей „спеціальности“.

Въ главныхъ комнатахъ огромнаго купеческаго дома „старецъ“ хватилъ за грудь хозяйскую невѣстку, женщину лѣтъ 32-хъ, очень смазливую и очень привлекательную. Невѣстка какъ-то странно вскрикнула и убѣжала отъ старца.

Григорій и говоритъ;—Здѣся, въ этихъ комнатахъ, бѣса нельзя выгонять; надо выбрать болѣе укромное мѣсто.

Пошли въ другое помѣщеніе, состоявшее изъ четырехъ маленькихъ комнатокъ; одна комната была совсѣмъ маленькая: въ ней стояла только одна большая кровать. „Старецъ“ сказалъ:—вотъ здѣся хорошо бѣса выгонять. Повели туда „больную“. Она начала трястись и мычать. Вошелъ въ ту комнату и „старецъ“, закрывши за собою двери.

Я съ мужемъ больной остался въ залитѣ и началъ его, какъ могъ, утѣшать.

Въ комнаткѣ поднялась страшная возня. Тянулась она долго. Я началъ нервничать. Не вытерпѣлъ, заглянулъ въ дверь сквозь стекло и увидѣлъ такую картину, что, крайне смущенный, прямо-таки отскочилъ отъ дверей.

Минутъ черезъ пять вышелъ изъ „кабинета“ и „старецъ“. Видъ его былъ ужасно усталый, онъ тяжело дышалъ.—Ну, братъ, вотъ бѣсъ, такъ бѣсъ. Фу, какой большой. Во какъ я уморился! Мотри, вся сорочка мокрая! Усталъ, заснула и она...

Когда „старецъ“ это говорилъ, несчастный мужъ плакалъ, а я, искренно вѣрившій въ бѣсноватыхъ, какъ о нихъ въ Евангеліи написано, думалъ: дѣйствительно, бѣсовъ трудно изгонять.

Въ этотъ разъ я Григорію повѣрилъ. О его же пріемахъ при лѣченіи просто размышлялъ, что такъ надо. Изъ Х., однако, бѣса Григорій не изгналъ. Она по-прежнему кричала и бѣсилась.

Елена, жена извозчика. Всякій, кто посѣщалъ по праздничнымъ днямъ монастырскій храмъ, видѣлъ бѣсноватую, молоденькую, очень симпатичную, полненькую женщину.

Я служилъ о ней молебенъ, кропилъ ее святою водою, а она, открывая широко глаза, мотала головою и громко кричала:—цѣтъ, по годи! Невыгонишь, понимаешь, я—Григорій, меня не выгонишь; я не Елена, а я—Григорій, семь лѣтъ тому назадъ поселился здѣсь!

Мнѣ очень жалко было эту бѣдную женщину. Я молился, а самъ разузнавалъ, съ чего это такъ сдѣлалось съ нею.

Мужъ ея, очень прекрасный человѣкъ, разсказалъ мнѣ, что у нея до замужества былъ женихъ Григорій, котораго она очень любила, а вышла замужъ за него. Вотъ съ тѣхъ поръ съ ней и приключилось неладное.

„Старецъ“, пріѣхавши въ Царицынъ, моментально обратилъ свое благосклонное вниманіе на хорошенькую „больную“, когда увидѣлъ ее въ храмѣ. Она обратилась къ нему. Онъ повелъ ее въ мою келью. Здѣсь она начала, по обыкновенію, безумствовать. Вдругъ „больная“ совершенно выздоровѣла, огонекъ разума блеснулъ въ ея черныхъ, красивыхъ глазахъ, и она громко, громко закричала на „старца:—ты зачѣмъ меня лапаешь? А? Я тебя полапаю! Ты что ко мнѣ лѣзешь? Я пришла въ монастырь за батюшкиными молитвами, а ты кто? Вотъ я тебѣ какъ дамъ по мордѣ, то будешь знать Елену.

Григорій окончательно опѣшилъ и испуганно смотрѣлъ во всѣ стороны. Ему было стыдно предо мною и предъ тѣми людьми, которые ожидали меня въ передней.

Я, какъ могъ, успокоилъ Еленушку, и отпустилъ ее домой.

Въ послѣдній пріѣздъ „старца“ въ Царицынъ я съ требы ѣхалъ съ нимъ по городу.

Вдругъ изъ своего домика выскакиваетъ Еленушка и кричитъ: — батюшка, дорогой батюшка! Заѣзжай въ мою хатку, отслужи молебенъ съ водосвятіемъ. Хотя и некогда было, я все-таки заѣхалъ. А Григорій приговаривалъ: — надо, надо заѣхать: она бабенка хорошая.

Вошли въ домъ. Я началъ служить молебенъ. Еленушка упала на землю и стала биться. Началъ мочить ей голову святою водою; наконецъ, она впала въ обморочное состояніе; я приказалъ людямъ, бывшимъ на молебнѣ, осторожно

взять ее и положить на постель, предварительно освободивши ея груди отъ тѣсной одежды.

Григорій говоритъ:—Вышли отсюда всѣхъ людей; мнѣ надо кое-что съ тоою поговорить.

Я, недоумѣвая, въ чемъ дѣло, выслалъ всѣхъ мужчинъ и женщинъ.

„Старецъ“ смотрѣлъ на нее, что-то думалъ и кусалъ ноготь пальца.

—Ну, что, говори?—перебилъ я его раздумье.

—А ты знаешь, гдѣ у ней бѣсъ?

—Да гдѣ? Какъ и другихъ: встъ здѣсь, подъ ложечкой.—Я указалъ крестомъ себѣ подъ ложечку.

—Нѣтъ! У нея—блужный бѣсъ. Слушай-ка, дружокъ, ты ѣзжай домой, а я бѣса... того выгоню.

—Какъ выгонишь?

—А ты какъ бы его изгонялъ?

—Да какъ? Извѣстно: молитвой, крестомъ, да водой.

—Нѣтъ, такъ этого бѣса не выгонишь. Его нужно, проклятаго, вотъ чѣмъ.

—О, нѣтъ, нѣтъ! Я на это согласиться не могу Пойдемъ отсюда. Пусть Елена отдыхаетъ.

—Ну, ничего, до другого раза.

Тутъ я остановился, вышелъ изъ себя и крикнулъ на Григорія:—Не до другого раза, братъ Григорій, а этого вовсе никогда, ни съ кѣмъ не надо дѣлать!

„Старецъ“ очень разсердился на меня, даже не сѣлъ со мною въ экипажъ, чтобы ѣхать въ монастырь. Онъ куда-то убѣжалъ.

Е. С. Г. царицынская богатая купчиха, молодая и очень красивая. Мужа имѣетъ довольно пожилого. Отъ половой неудовлетворительности, считая себя „бѣсноватой“, иногда кричитъ. Григорій также на нее обратилъ свое „старческое“ вниманіе, и сразу заподозрилъ присутствіе въ ней блуднаго бѣса.

Когда я съ нимъ былъ въ домѣ Г., то, послѣ молитвы и закуски, онъ позвалъ ее въ кабинетъ, находящійся въ довольно глухомъ углѣ большого дома. Она пришла. „Старецъ“ спрашиваетъ.

—Ну, какъ бѣсъ-то?

Купчиха улыбается такъ сладко, сладко: „Вотъ Господь послалъ врача-то, такъ врача“, думала она.

„Старецъ“ не замедлилъ при мнѣ начать свои „операціи“.

Жертвы послѣдняго способа.

Тюменьская монахиня. Одною изъ первыхъ жертвъ „старца“, безъ сомнѣнія, была та монахиня, которую я встрѣтилъ въ Тюмени, когда ѣхалъ въ село Покровское.

Григорій называлъ ее старою знакомою, безцеремонно обращался съ нею.

И сама монахиня смотрѣла лукаво и, казалось, познакомившись со мною недоумѣвала: „Что ты за человѣкъ, что дружишь съ Григоріемъ; вѣдь, я его хорошо знаю: онъ меня лѣчилъ, онъ дѣлалъ со мною то-то и то-то. Ужъ не такой ли и ты?“

Домашнія дѣвушки. Послѣдующими жертвами „старца“, когда онъ уже бросилъ странствовать, а занялся своею „старческою“ дѣятельностью на мѣстѣ, въ селѣ Покровскомъ, были многочисленныя дѣвушки, жившія у него въ домѣ.

Съ ними онъ предавался самому крайнему разврату.

Объ этомъ мнѣ говорили, священникъ Остроумовъ и діаконъ Солодовниковъ.

Двухъ дѣвушекъ, Катю и Дуню, я самъ видѣлъ въ домѣ Распутина. Объ эти дѣвушки, при всей своей скромности и покорности, въ половомъ отношеніи вели себя очень подозрительно, и готовы были пойти на самыя отвратительныя „старческія“ ухищренія.

Дочь Д. Д. Подвигаясь съ своими „подвигами“ въ Россію, Распутинъ нашелъ для себя прекрасную паціентку въ Тюмени—дочь извѣстнаго уже читателю сундучника.

Онъ много лѣтъ жилъ съ ней, какъ мужъ съ женою.

Хитрая тюменьская красавица отдавалась „старцу“ за тѣ деньги и подарки, которые онъ каждый разъ привозилъ ей къ праздникамъ изъ Питера.

Самъ же „старецъ“, живя съ этою женщиною, конечно, думалъ, что онъ дѣлаетъ „подвигъ“, изгоняетъ изъ нея блуднаго бѣса.

Такъ онъ успокаивалъ и родителей бѣдовой дамочки.

Родители видѣли, что Григорій нехорошо поступаетъ съ ихъ дочерью, но мирились, потому что вѣрили: „старецъ“ ее вылѣчитъ отъ блуднаго бѣса, и она перестанетъ бѣгать отъ своего мужа по чужимъ постелямъ.

З. М. и *С.* Это двѣ родныя сестры. О второй уже упоминалось, а первая—помѣщица Смоленской губерніи.

Молодая, образованная и отличается выдающейся красотой. Отношенія къ обѣимъ сестрамъ „старца“, насколько мнѣ приходилось наблюдать, были въ высшей степени подозрительныя, однако, никакихъ свидѣтельскихъ показаній въ пользу того, что Григорій лѣчилъ ихъ послѣднимъ способомъ я въ рукахъ не имѣю. Знаю только, что онъ всегда бредилъ З., говорилъ, что она неописанной красоты и вся отдалась ему.

Бывая въ Царицынѣ, онъ всегда посылалъ ей телеграммы самаго соблазнительнаго содержанія; часто ѣздилъ къ ней въ имѣніе. Въ силу этого я имѣю основаніе предполагать, что она, какъ и ея сестра, получала отъ „старца“ радикальное врачеваніе.

Жена К. Пробравшись въ столицу „старецъ“, конечно, и здѣсь не оставилъ безъ вниманія женскій полъ.

Одною изъ первыхъ жертвъ „старца“, по послѣднему способу, была г-жа К.—жена виднаго сановника. Она просила Григорія вселить страстность въ мужа. Григорій же не можетъ сажать въ людей блудныхъ бѣсовъ, о чемъ просила К.; онъ только изгоняетъ ихъ.

Послѣ лѣченія К. говорила старцу, что теперь дѣла обстоятъ хорошо.

А. П. Жена камеръ-юнкера.

„Старецъ“ ее лѣчилъ. Лѣчилъ поцѣлуями, прижатіями и, безъ сомнѣнія, послѣднимъ способомъ.

Онъ неоднократно мнѣ говорилъ:

—А.—моя; съ А. я, что хочу, то и дѣлаю.

И дѣйствительно, былъ случай, когда я убѣдился, что Григорій съ А. дѣлаетъ самыя невѣроятныя вещи.

Послѣ знаменитаго обличенія „старца“, о которомъ читатель узнаетъ изъ послѣдней главы, я былъ „на судѣ“ въ домѣ генеральши Г., тетки А.

Была здѣсь и А. Былъ и Григорій.

Когда я, намѣреваясь пройти въ переднюю, по ошибкѣ заглянулъ въ спальню, то увидѣлъ...

Е. М. Т. Эта дѣвушка окончила, кажется, Исидоровское петербургское духовное училище. Познакомившись со „старцемъ“, она скоро подпала подъ его деспотическое вліяніе. Увѣреніями своими, что онъ можетъ сдѣлать ее совершенно чистою отъ блудныхъ помышленій, „старецъ“ склонилъ ее на жительство съ нимъ. Жила она съ нимъ нѣсколько лѣтъ.

Чтобы не потерять ее, „старецъ“ обѣщалъ пристроить

ее при дворѣ, чуть ли не фрейлиною. Она очень тяготилась сожительствомъ со „старцемъ“. Сомнѣвалась, что это „богоугодно“.

Въ то время, какъ я ее видѣлъ въ Саратовѣ какою-то пришибленною, у нея въ душѣ начинало сказываться мятежное возстаніе противъ „старца“; но она, ободряемая О. В. Лохтиной, что всѣ дѣла о. Григорія только освящаютъ тѣла женщинъ, на время смирилась, а буря въ душѣ готова была разразиться каждый моментъ...

Будучи въ Саратовѣ и живя въ квартирѣ эконома, она вмѣстѣ съ Лохтиной до-гола раздѣвала „старца“, а потомъ надѣвала на него чистое бѣлье.

При этомъ, по свидѣтельству З. В., въ той комнатѣ, гдѣ растлѣнная дѣвушка и покорепная генеральша облачали „старца“, слышались закатистые смѣшки и раздавались шлепанья ладонью по голому тѣлу.

Это „старецъ“ забавлялся со своими поклонницами...

Буря разразилась. Бѣдная дѣвица не вытерпѣла, пошла на исповѣдь къ ректору петербургской духовной академіи — епископу Ѳеофану, и разсказала ему все, все...

Объ этомъ писалъ мнѣ письмо іеромонахъ Веніаминъ.

За покаяніе „старецъ“ хотѣлъ подослать убійцъ къ своей несчастной жертвѣ; и одно время, по свидѣтельству діакона С., Лена принуждена была скрываться отъ „старца“.

Въ 1910 году она, обиженная, жила въ г. Козельскѣ, у непримиримаго врага Григорія, мѣщанина Мити блаженненькаго, узнавшаго всѣ его художества еще въ бытность свою придворнымъ пророкомъ до Распутина; но объ этомъ рѣчь ниже.

Въ это время по Россіи пошли вѣсти, что Распутинъ собирается строить въ Царицынѣ женскій монастырь.

Е. М. Т. прислала мнѣ изъ Козельска открытое письмо. Письмо это было получено бывшимъ у меня въ гостяхъ братомъ — студентомъ Аполлономъ; и такъ какъ содержаніе его было очень для меня незаслуженно-оскорбительно, то братъ утаплъ это письмо у себя, чтобы меня не разстраивать.

Теперь, спрошенный мною, онъ передалъ, что письмо было приблизительно такое: „Подлецъ! Ты затѣваешь съ Распутинымъ тамъ (въ Царицынѣ) строить женскій монастырь. Это зачѣмъ? Затѣмъ, чтобы тамъ наспловать не-

винныхъ дѣвушекъ, какъ Григорій растлилъ и погубилъ меня?! Лѣна".

Въ настоящее время бѣдная Лена живетъ въ какомъ-то женскомъ монастырѣ, кажется, петербургской губерніи.

Хіонія Б. Дочь вднаго и очень богатаго генерала, вдова военнаго инженера или строевого офицера, молоденькая, на одну ногу хроменькая, но, по разсказамъ, въ высшей степени красивенькая и нѣжная дамочка. Со „старцемъ" она познакомилась давно, чуть ли не съ того времени, когда Григорій былъ привезенъ въ Петербургъ съ своими „спеціальными медикаментами".

Сначала „лѣченіе" шло хорошо. Б. неотступно слѣдовала за Григоріемъ. Ѣздила къ нему въ Покровское. Ходила со „старцемъ" въ баню; и даже, съ его словъ, написала „Житіе опытнаго странника".

Потомъ... вышло что-то неладное въ дружбѣ съ Григоріемъ. Она отъ него ушла... Исповѣдывалась у еп. Ѳеофана... Написала цѣлую тетрадь о „подвигахъ" Распутина и подала ее государю... О судьбѣ этой тетради читатель уже знаетъ.

Хіонія, „старцемъ" весьма обиженная, вотъ какъ объясняетъ: ѣхала она однажды со „старцемъ" въ Покровское въ вагонѣ I класса, въ отдѣльномъ купэ... Долго ее „старецъ" ласкалъ, цѣловалъ, мялъ и спрашивалъ:

— Поди, блудный-то бѣсъ тебя во какъ мучаетъ; вѣдь муженька-то нѣтъ. Ну я его того...

Послѣ того она, унылая, сидѣла на диванѣ, и размышляла о той пакости, какую съ ней продѣлалъ „блаженный старецъ".

А „старецъ" не падалъ духомъ, подошелъ къ ней, да такъ ласково, ласково говоритъ:

— Ну, что, миленькая, пригорюнилась? А? Чай ду; маешь, что я съ тобой плохо поступилъ? Не думай такъ это—грѣшно; какъ не грѣшно ѣсть и пить, такъ не грѣшно съ тобою мнѣ валяться; да и легче тебѣ будетъ. Блудной-то бѣсъ отскочилъ отъ тебя, въ окошко выскочилъ. Я это видѣлъ. Ей, Богу! А вотъ за то, голубка, что ты подумала, что я съ тобою грѣхъ сдѣлалъ, становись-ка, да клади вотъ здѣсь двѣсти земныхъ поклоновъ, да и я съ тобою помолюсь о прощеніи твоего грѣха...

Убитая Хіонія встала и начала отбивать поклоны;

сзади нея „старецъ“ тоже усердно ударялъ лбомъ объ полъ купэ.

Моленіе кончилось. Но это было послѣднее моленіе съ Григоріемъ. Скоро Хіонія разсказала все, кому надо, и бросила „старца“.

А „старецъ“, конечно, безъ страха и упынія направился искать для себя новыхъ „паціентокъ“.

О. В. Лохтина. Жена дѣйствительнаго статскаго совѣтника, 52 лѣтъ. Женщина гордая, умная и всесторонне образованная. Первая паціентка Григорія, паціентка усердная, отчаянная, безумная. До знакомства со „старцемъ“ она была чуть ли не первою дамою въ „свѣтѣ“, своею красотою, богатѣйшими, изысканными нарядами и гордымъ сознаніемъ своихъ достоинствъ покорявшая сердца кавалеровъ.

Но какъ только сошлась самымъ форменнымъ образомъ съ Распутинымъ, то бросила свѣтъ и исключительно занималась тѣмъ, что ходила во дворецъ къ императрицѣ и государю, пила тамъ чаи, обѣдала и толковала царямъ „мудрыя изреченія“ и пророчества „отца“ Григорія.

Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока „старецъ“ не нашелъ для этой цѣли болѣе подходящую особу—А. А. Вырубову. Царямъ пришлось разстаться съ Лохтиной. Хотя это и трудно было сдѣлать, такъ какъ царица не иначе называла Лохтину, какъ „милая Олечка, подруга моя драгоцѣнная“, но старческія „велѣнія“ были гораздо сильнѣе личныхъ привязанностей и симпатій.

О. В. Лохтина „смирилась“ съ такимъ поворотомъ въ своей судьбѣ. Но по-прежнему ходила за „старцемъ“, и вела самыя подробныя записи о его дѣятельности, а, главнымъ образомъ, она въ своихъ дневникахъ выражала свои чувства къ „старцу“ и глубокое преклоненіе предъ его личностью.

О. В. Лохтина отказалась отъ семьи.

Начала юродствовать: говорила, что видѣла о. Григорія въ бѣломъ сіяніи, стала ходить босикомъ, одѣваться въ высшей степени странные костюмы съ безчисленными ленточками, позвонками и съ шапочкой на головѣ, на которой было вышито: „Во мнѣ вся сила. Аллилуя“.

Основываясь на какомъ-то, мнѣ невѣдомомъ, пророчествѣ Ѳ. М. Достоевскаго о томъ, что въ наше именно время придетъ спасать Россію въ образѣ смиреннаго му-

жичка Самъ Богъ, она считала Григорія — Богомъ Саваоѳомъ, меня — Сыномъ Божіимъ, а себя — Богородицею.

Всѣ мои и Гермогена усилія убѣдить ее въ крайней кощунственности выдуманнаго ею ученія ни къ чему не привели. Она твердо стояла на своемъ.

Распутинъ тоже старался внушить ей, что онъ — не Богъ. Въ этихъ видахъ онъ писалъ ей: „*Умаляю нефотазируй*“, и еще: „*Боле дома сиди мене говри нешти вдватцатомъ веке бога на земле*“.

И это не помогло. Лохтина громко проповѣдывала, что отецъ Григорій есть Господь, во плоти пришедшій.

При дворѣ Лохтину очень любили, и очень боялись. Она командовала царемъ и царицей. Григорій мнѣ разсказывалъ, что однажды она изъ Одессы прислала государю такую телеграмму: „Николай! Немедленно переведи мнѣ по телеграфу двѣсти рублей для нищихъ. Ольга“. Николай, прочитавъ телеграмму, говоритъ „старцу“:—„Григорій! Вѣдь я — царь. Развѣ такъ можно писать императору? Что же другіе скажутъ? А?“ Старецъ, улыбаясь, отвѣчалъ:—„Дурѣ, дружокъ, все можно простить“. Лицо государя отъ волненія разрумянилось; все-таки онъ приказалъ послать ей двѣсти рублей.

Жена „старца“ Прасковья очень ревновала Лохтину къ своему мужу. Устраивала драки и сцены. Самъ Григорій и Прасковья это категорически отрицаютъ, но Лохтина, описывая въ дневникахъ свое пребываніе въ селѣ Покровскомъ, утверждаетъ, что Параскева Федоровна била ее и выгоняла за ворота съ крикомъ: „Не дамъ тебѣ больше цѣловать голову о. Григорія“.

Про сожительство „старца“ съ женскимъ поломъ О. В. Лохтина придерживается очень опредѣленнаго взгляда.

На вопросъ моего брата Аполлона:—„Ольга Владимировна! Вотъ про Григорія Ефимовича говорятъ неладно, что будто бы онъ съ женскимъ поломъ того... имѣетъ дѣло. Какъ на это смотрѣть?“ Лохтина отвѣчала:—„Ничего здѣсь неладнаго нѣтъ; для святого — все свято. Что отецъ Григорій такой, какъ всѣ люди что ли? Люди дѣлаютъ грѣхъ, а онъ тѣмъ же только освящаетъ и низводитъ благодать Божію!“ Братъ замолчалъ. Ну, что скажешь противъ такого убійственнаго довода?..

Когда „старецъ“, обличенный мною, сослалъ меня во Флорищеву пустынь, то О. В. Лохтина, не теряя надежды

на мое примиреніе съ отцомъ Григоріемъ и на возстановленіе прежней компаніи для управленія, какъ она выражалась, дворомъ, нѣсколько разъ пріѣзжала во Флорищеву пустынь.

Я ее до себя не допускалъ, а только изъ окна перечислялъ „подвиги“ отца Григорія и просилъ ее бросить его и возвратиться въ семью. Она никогда ничего мнѣ на это не отвѣчала.

Пріѣзжая въ пустынь, она ходила вокругъ моей кельи, забираясь на стѣну, на крышу дома и все кричала одно и то же: — „Иліодорушка! Красное солнышко!“ Монахи, думая, что у меня съ неї были грѣшныя отношенія, смѣялись, а стражники буквально истязали несчастную генеральшу. Таскали ее за волосы, босыя ноги ея разбивали сапогами до крови, потомъ сажали въ экипажъ и увозили въ Гороховецъ. Она никогда не сопротивлялась, притворяясь мертвой.

Когда я освободился изъ пустыни, и, уже мирянином, пріѣхалъ къ своимъ родителямъ на Донъ, то пріѣхала туда и Лохтина въ своемъ странномъ костюмѣ и съ дневниками.

Она поселилась на хуторѣ Большомъ, потомъ переселилась на хуторъ Морозовъ, въ трехъ верстахъ отъ моей дачи „Новая Галилея“. За 18 мѣсяцевъ я ни разу не принялъ ее, не допустилъ до себя.

Люди клеветали на нее, что она потому жила около меня, что была въ меня влюблена. Это — неправда! Я рѣшительно утверждаю, что она бѣгала за мною исключительно изъ желанія опять привлечь меня въ свою придворную компанію, какъ сильнаго, по ея мнѣнію, духомъ человѣка, въ чемъ она будто-бы убѣдилась, когда, бывая, въ Царицынѣ, видѣла мою службу, слушала мою проповѣдь и внимательно слѣдила за всею моею дѣятельностью.

Приходя ко мнѣ на дачу, она выкидывала какіе-либо фокусы: то изрекала пророчества, то копала себѣ могилу, то клала свои балахоны на курганъ, а чаще всего она привѣшивала на вѣткахъ деревьевъ узелки. Въ этихъ узелкахъ она каждый разъ завязывала часть своихъ дневниковъ и писемъ, которые она писала царямъ и получала чрезъ Вырубову отъ нихъ.

За все время она перетаскала мнѣ всѣ свои дневники и письма: получилась цѣлая куча.

Царямъ она писала очень ругательныя письма, проклинала ихъ, угрожала Божіимъ судомъ; копіи писемъ она, какъ сказано, передавала мнѣ. Вообще она относилась къ царямъ съ презрѣніемъ.

Однажды, придя въ „Галилею“, она бросила мнѣ на крыльцо рубль съ изображеніемъ царей — Михаила и Николая, перевязанный голубою ленточкою.

Я сказалъ: — Ольга! Зачѣмъ ты бросаешь подъ мои ноги! Она дико захохотала и отвѣтила: — Вотъ и хорошо! Такъ и надо!

Въ письмахъ и телеграммахъ къ царямъ она всегда подписывалась такъ: „Ольга Иліодора“, или „Ольга—Дура“.

Вырубова въ отвѣтныхъ письмахъ къ ней отъ лица царей называла ее „святою матерью“, просила ея благословенія и святыхъ молитвъ.

9 ноября 1912 года Лохтина, направляясь ко мнѣ во Флорищеву пустынь, послала Николаю такую телеграмму: „Государь! Выпусти орла на волю. Я опять ѣду. Допусти. Не любите церковь живую“.

Въ этотъ же день она писала наслѣднику: „я жду отъ тебя подарокъ—серебряный самоварчикъ памъ съ отцомъ Иліодоромъ“.

9 іюля 1913 года она телеграфировала Николаю: „Рейдъ Штандартъ. Его императорскому величеству, государю императору. Христосъ Воскресъ! Царь, спроси прощенія у отца Иліодора и возврати ему полнѣйшую свободу, а мнѣ переведи десять тысячъ. Именинница Ольга Иліодора“.

Письмо Вырубовой отъ 15 августа 1913 года она, называя ее въ обращеніи къ ней министромъ двора, заканчиваетъ такъ: „боюсь, какъ бы Господь не лишилъ порфиръ“.

6 августа 1912 года она писала царю въ телеграммѣ: „Вспомяни Бога Живаго! На Россію гряпутъ великія бѣды! Повели мнѣ помимо Синода привести отца Иліодора возвѣстить тебѣ волю Божію... Повели проклятому Синоду безъ издѣвательствъ освободить его“.

4 сентября 1912 года Лохтина обращается къ царю такъ: „Царь! Спроси своего холопа Саблера, правда-ли онъ согласенъ на соединеніе нашей православной церки съ англиканской... Митрополитъ Полладій называлъ Саблера саратовскимъ колонисстомоъ и т. д.“.

28 марта 1913 года Ольга Владимировна Лохтина писала царю: Христосъ воскресе! 1) Въ Россіи нѣтъ царя!

2) Въ Россіи нѣтъ законовъ! 3) Въ Россіи попраны законы Божескіе! 4) Въ Россіи законы превратились въ правила, и всѣ въ этихъ правилахъ запутались, и каждый поступаетъ по своему собственному усмотрѣнію и разумѣнію. вслѣдствіе чего происходятъ великія ошибки... Ольга Владиміровна Лохтина, юродивая Христа ради".

Несмотря на такое отношеніе къ царямъ, Лохтина пользуется ихъ внимательнымъ къ ней отношеніемъ. У меня имѣется подлинная телеграмма съ рейда Штандартъ. въ которой цари, за подписью Вырубовой — „Анна", поздравляютъ Лохтину со днемъ ангела. Телеграмма была ими послана 1913 г., 12 іюля.

Распутинъ въ 1913 году выпросилъ у царя крестъ для Ольги Владиміровны, чтобы она носила его на груди, какъ это дѣлаетъ великая княгиня Елизавета Ѳеодоровна, но Лохтина отказалась отъ креста и отвѣтила царю, что она служитъ Богу не за награды...

Государыня прислала Лохтиной разныя дорогія матеріи на балахоны, ленты, золотое кольцо и др. вещи. Часть матерій и лентъ Лохтина пришивала въ „Галилею" и привѣшивала на деревьяхъ. Кое-что изъ этого и сейчасъ хранится у меня.

Вообще отношенія Лохтиной къ Александрѣ были гораздо сердечнѣе, чѣмъ отношенія къ Николаю. Это отчасти можно видѣть изъ писемъ Вырубовой къ Ольгѣ Владиміровнѣ. Въ нихъ Вырубова писала Лохтиной: „Дорогая Ольга Владиміровна, посылаю Вамъ отъ Мамы на дорогу 200 рублей,—и отецъ Григорій мнѣ сказалъ Вамъ послать лентъ, я спросила какихъ. Онъ сказалъ—разныхъ... Помолитесь за насъ нерадивыхъ... Здѣсь все слава Богу, но Мама болѣетъ и мнѣ тяжело, уповаю на молитвы о. Григорія... Мама Васъ цѣлуетъ. Помолитесь за насъ. Ваша Анна... Получили-ли Вы кольцо отъ Мамы?.. Благодарю Васъ дорогая Ольга Владиміровна, что написали, мнѣ такъ дорого каждое слово изъ Покровскаго, надѣюсь увидѣть скоро о. Григорія, а то всѣ соскучились... Обнимаю Васъ крѣпко. Мама и Дѣти Васъ цѣлуютъ... Помолитесь за насъ... Ваша Анна".

Всѣ эти письма Вырубова писала Лохтиной въ 1913 г. Подлинники у меня имѣются.

Царица за $1^1/_2$ года (1913 и $^1/_2$ 1914 гг.) переслала Лохтиной около 5000 руб. На эти деньги Лохтина построила себѣ на хуторѣ Морозовѣ прекрасный домикъ.

Въ послѣднее время она, по разсказамъ казаковъ, все ждала къ себѣ въ гости наслѣдника и царскихъ дочерей.

Живя вблизи меня, она все время просила царицу и государя прислать ей 10,000 р. Эти деньги она хотѣла отдать мнѣ на гомеопатическую лѣчебницу, хотя я объ этомъ, какъ вообще ни о чемъ, ее не просилъ. Распутинъ пронюхалъ про это и запретилъ царямъ посылать ей 10,000 р. Объ этомъ А. Вырубова писала Лохтиной такъ: „Святая мать! Вы просите десять тысячъ рублей. Мама спросила объ этомъ отца, Отецъ Григорій написалъ, что не надо. Не знаемъ, кого изъ васъ слушать. Подождемъ. Самъ Богъ укажетъ, какъ поступить“ (далѣе идетъ рѣчь о посылаемыхъ „Мамой“ матеріяхъ, лентахъ и просьба помолиться).

При этомъ Вырубова приложила подлинное письмо Распутина царямъ о томъ, чтобы они не давали Лохтиной десяти тысячъ.

Въ письмѣ томъ, между прочимъ, „старецъ“ нарисовалъ какое-то пузатое чудовище съ лягушиною головою, съ тонкими, какъ жердочки, ногами и съ растопыренными, на подобіе паутины, пальцами. Подъ этимъ изображеніемъ онъ написалъ: „*Серьга Трухановъ, отступнехъ*“, а около рта чудовища онъ написалъ: „*Денегъ дай!*“

Это замѣчательное письмо цари черезъ Вырубову переслали Лохтиной, Лохтина отдала мнѣ, а у меня вмѣстѣ съ другими письмами Распутина взяли его прокуры и, несмотря на мои настойчивыя требованія, не возвратили.

Такъ десять тысячъ государыня и не прислала Лохтиной.

Распутинъ былъ очень недоволенъ, что Лохтина жила около меня. По этому поводу онъ писалъ ей бранныя письма. Вотъ дословно одно изъ нихъ:

„*А бесовстная, А бесыдница, А проклятая, стерва. Ты чего тамъ живешь подлъ Серьги отступнека. Ему, дьяволу анихтіема, анехтема, анехтема. А ты подлюка тамъ живешь. Я тебъ морду всю въ кровь разобью. Да! Григорій. Да!*“

Гдѣ сейчасъ О. В. Лохтина, достойная крайняго сожалѣнія, и что съ ней,—я не знаю. Очень боюсь, какъ бы она въ своихъ странныхъ балахонахъ и съ ленточками не посѣтила Христіанію...

М. И. В.—Дочь сенатора, дѣвица очень красивая, 35 лѣтъ. Познакомилась съ „старцемъ“ на первыхъ порахъ его дѣятельности въ Петроградѣ. Увлеченная ученіемъ Распутн-

на объ изгнаніи блудныхъ бѣсовъ, она, боримая, не желая выходить замужъ и лишаться чрезъ это высокаго придворнаго мѣста, рѣшила лѣчиться въ „Старческой врачебницѣ“ Распутина.

„Старецъ“, конечно, оказалъ милосердіе и началъ лѣчить ее. Сначала врачевалъ обычными поцѣлуями, прикосновеніями и банями. Меря, какъ ее всегда звалъ „блаженный“, повиновалась и, по всей вѣроятности, ожидала, что вотъ-вотъ она совсѣмъ будетъ чистая и святая, и ей легко будетъ пребывать въ дѣвичествѣ.

Она участвовала въ радѣніи у Макарія и даже дралась съ Лохтиной изъ-за того, кому лежать по правый бокъ „старца“.

Видимо, все шло по-хорошему. „Старецъ“ писалъ ей письма.

Въ концѣ-концовъ „блаженный“ и здѣсь пересолилъ, ошибся, далъ слишкомъ сильное лѣкарство, и Мери ушла отъ него...

Послѣ одной бани, гдѣ „старецъ“ предварительно убѣдилъ Мерю, что онъ безстрастенъ и ничего не чувствуетъ, когда прикасается къ женщинѣ, Мери легла рядомъ съ Григоріемъ, заспула, и—о, ужасъ!—въ это время „блаженный“ сдѣлался страстнымъ и растлилъ чистую, невинную бѣдную дѣвушку... Мери разсказала объ этомъ Ѳеофану на исповѣди...

Когда Распутинъ, во время перваго посѣщенія Царицына, послалъ ей заискивающую телеграмму съ рождественскимъ кантомъ, то она даже и не отвѣтила... Уже была обижена „старцемъ“.

Объ этомъ ужасномъ преступленіи Распутина я узналъ уже послѣ защиты его изъ письма іеромонаха Веніамина. Говорилъ мнѣ объ этомъ въ апрѣлѣ 1910 г. и діаконъ Салодовниковъ.

Наконецъ проговорился объ этомъ, по нуждѣ, конечно, большой другъ Распутина—П., получившій отъ „старца“ придворное званіе камеръ-юнкера.

Когда я, 23 мая 1911 г., служилъ у него въ домѣ, въ Царскомъ Селѣ, молебенъ, то онъ, желая заранѣе устранить то непріятное впечатлѣніе, которое могли на меня произвести ходившіе по Петербургу слухи о растлѣніи Распутинымъ, завелъ меня въ одну глухую комнату и какъ-то таинственно началъ говорить: — „А что выдумываетъ про нашего великаго прозорливца М. И. то, и отца!

Говоритъ, что онъ ее растлилъ.

Тутъ П. замолчалъ и задумался.

— Что-же дальше?—спрашиваю я.

— Дальше, дальше... я ей сказалъ, чтобы она молчала, и показалъ ей вотъ что!

Я посмотрѣлъ на большой, мясистый кулакъ драгунскаго офицера и подумалъ: „да, предъ этимъ кулакомъ, предъ такимъ жестомъ поневолѣ замолчитъ не только что дѣвушка, занимающая высокое мѣсто при дворѣ, но и вообще всякая“...

А. А. Вырубова. Старшая дочь А. С. Танѣева, разведенная жена гвардейскаго офицера. Распутинъ говорилъ:—Аннушка отдала мнѣ душу и тѣло.

По словамъ „старца“, она разошлась съ мужемъ, потому что мужъ ее очень билъ и истязалъ. Но большая часть правды въ томъ, что она приглянулась царицѣ; Александра безъ нея не могла спать, ѣсть, въ комнатѣ быть. Нужно было ее освободить отъ мужа.

Какъ это сдѣлать? На сцену явился „старецъ“, и все сдѣлалъ. Онъ изгналъ изъ Вырубовой блуднаго бѣса, и она забыла о мужѣ. Тогда-то Лохтина и была при государынѣ замѣнена Вырубовой. Вырубова поселилась около дворца въ Царскомъ Селѣ, въ маленькой, скромной квартиркѣ.

Здѣсь всегда обиталъ „старецъ“, и когда ему почему-либо неудобно было являться во дворецъ, то къ нему, на квартиру Вырубовой, пріѣзжала Александра и часто самъ Николай.

Въ этой квартирѣ и я представлялся государынѣ. Ждали Григорія и Николая, но они почему-то не пріѣхали. Послѣ я рѣшилъ,—просто, потому что царица стѣснялась при мнѣ цѣловаться съ „старцемъ“, что она, по словамъ Распутина, дѣлаетъ всегда, какъ только съ нимъ встрѣчается.

Если Григорій былъ и есть для царей Богъ и Христосъ, то Вырубова была и есть для нихъ пророкъ, истолковательница воли Григорія.

Всѣ письма, телеграммы, совѣты, предписанія, предсказанія, повелѣнія царя получали и получаютъ отъ Распутина и отвѣчаютъ ему чрезъ Вырубову. Вырубова исполняетъ свое послушаніе исправно, честно. Это нравится государынѣ.

Былъ только одинъ случай, когда Александра была недовольна Вырубой. О. В. Лохтина разсказывала мнѣ объ этомъ такъ:—царица первничаетъ. И уже Аннушкой недовольна. Вотъ Аня прислала мнѣ письмо и жалуется на это.

Да. А сердится, потому что Аннушка плохо воспитана. Не во всемъ угождаетъ государынѣ.

Гермогенъ, со словъ придворныхъ чиновъ, когда посылалъ меня къ Александрѣ съ лѣкарствами, разсказывалъ мнѣ:—Григорій-то, Григорій! Вотъ діаволъ! Вѣдь онъ Маму съ ума свелъ, да и ту, Вырубову. Что онъ съ ними дѣлаетъ, что дѣлаетъ, такъ немыслимо. Видѣли это слуги, а мнѣ разсказали придворные чины, когда я ѣздилъ въ послѣдній разъ въ Петербургъ и бесѣдовалъ съ сотрудникомъ „Новаго Времени“ о Григоріи...

— Владыка! Да почему это онѣ такъ дѣлаютъ? —горячо спросилъ я.

Гермогенъ началъ говорить, что это — хлыстовская штука.

Императрица Александра. Красивая, нервная, впечатлительная женщина, отдалась въ руки „старца“ еще тогда, когда онъ явился въ Питеръ въ большихъ мужицкихъ сапогахъ.

Прямыхъ свидѣтелей этого факта, кромѣ самого Распутина, я не имѣю, но косвенныхъ достаточно.

Во дни обличенія „старца“, отъ 11—16 декабря 1911 г., блаженненькій Митя все время въ покояхъ преосвященнаго Гермогена на Ярославскомъ подворьѣ кричалъ:—Вотъ вѣшайте меня, сейчасъ вѣшайте, а я говорю правду!...

Приведенныя слова Митя произносилъ нѣсколько дней и безконечное число разъ. Говорилъ онъ ихъ при мнѣ, при Гермогенѣ и при писателѣ Родіоновѣ. Гермогенъ въ этихъ случаяхъ молчалъ.

Считаю умѣстнымъ здѣсь сказать, кто такой Митя.

Митя—мѣщанинъ г. Козельска, Калужской губ., Дмитрій Поповъ, 45-ти лѣтъ. Былъ сначала нѣмымъ и полнымъ калѣкой.

Въ 1900 году онъ, отъ удара грома, выздоровѣлъ, пошелъ и сталъ кое-какъ говорить.

Какимъ-то чудомъ, конечно, по его разсказамъ, у него тогда же появился въ правой рукѣ крестъ.

Послѣ исцѣленія Митя поѣхалъ по городамъ и началъ крестомъ творить чудеса: преимущественно изгонялъ „бѣсовъ“, но не блудныхъ, и пророчествовалъ.

Въ 1901 году онъ пріѣхалъ въ Кронштадтъ, а оттуда былъ имъ привезенъ въ Петербургъ, въ духовную академію.

Митя пошелъ въ гору. Архимандритъ Θеофанъ провелъ его сначала къ Милицѣ Николаевнѣ, а потомъ къ царямъ. У царей Митя бывалъ съ старичкомъ-переводчикомъ, хорошо понимавшимъ, что говорилъ косноязычный Митя.

Блаженненькій давалъ царямъ совѣты, предупреждалъ о революціи, о возстаніи въ войскахъ, и вообще, пробираясь черными ходомъ, помахивая своею отсохшею рукою прихрамывая немного на лѣвую или правую ногу и нося запросто, въ карманахъ то чернику, то земляники для царскихъ дѣтей, пророчествовалъ.

Митю, какъ далеко не такого жулика, какъ Григорій, придворные очень любили. Особенными его друзьями были: начальникъ походной канцеляріи князь Орловъ и начальникъ конюшенной части кн. Путятинъ. Любилъ его также и дворцовый комендантъ—покойный В. А. Дедюлинъ.

Блаженненькій былъ при дворѣ недолго. Явился Григорій и затмилъ Митину звѣзду. Митю уволили въ „отставку“ и даже безъ пенсіи. Блаженненькій, конечно, повиновался, но началъ чрезъ своихъ придворныхъ друзей зорко слѣдить за „дѣятельностью“ Гришки.

И выслѣдилъ, очень многое выслѣдилъ. Объ этомъ немного сказано, и еще болѣе будетъ сказано.

Помимо слѣжки, Митя образовалъ у себя бюро для записи лицъ женскаго пола, такъ или иначе пострадавшихъ отъ „старческой“ дѣятельности Распутина. И не только бюро, но онъ въ своемъ домѣ, въ Козельскѣ, сдѣлалъ штабъ-квартиру для пострадавшихъ отъ Гришки. Здѣсь, между прочимъ, нашла себѣ на нѣсколько мѣсяцевъ пріютъ несчастная Леночка Т.

Митя сначала дружилъ съ отцомъ Іоанномъ Кронштадтскимъ, а потомъ поссорился. Іоаннъ Кронштадтскій не передалъ царю о Митѣ-прозорливцѣ. Когда Митя вошелъ въ силу при дворѣ, онъ вызвалъ Іоанна Кронштадтскаго къ государю для объясненій. Николай спросилъ Іоанна при Митѣ:—Почему вы не сказали мнѣ, въ свое время, что въ Кронштадтъ явился прозорливый Митя и просилъ васъ довести объ этомъ до моего свѣдѣнія? Іоаннъ Кронштадтскій, по словамъ Мити, очень трусился и ничего не отвѣчалъ.

Митя первый началъ разоблачать „дѣятельность“ Іоанна Кронштадтскаго. Онъ говорилъ, что отца Іоанна между Ораніенбаумомъ и Кронштадтомъ поймали какіе-то люди. били за нехорошія отношенія къ женщинамъ; Ивана при-

везли домой безъ чувствъ; двѣ простыни на кровь потребовалось. Послѣ того Иванъ долго болѣлъ, и его лѣчили доктора, а отъ чего лѣчили, ясно о томъ не говорили.

Вообще о Митѣ писать нужно столько же, сколько пишу о Гришѣ, но это сейчасъ не входитъ въ мои планы.

Посмотрю, если читатель заинтересуется Распутинымъ и вообще придворными пророками, старцами, блаженными, то тогда я могу написать еще книжки: „Про святую мать Ольгу“ (Лохтину), „Блаженненькаго Митю“, про „Босоногаго странника Васю“ (Ткаченко), про „Матронушку босоножку“ и прочихъ.

А пока я только скажу: у императора Николая и царицы Александры при пріемахъ министровъ и должностныхъ лицъ съ докладами есть правило: сначала выслушивать „старцевъ“ и „блаженѣнькихъ“, а потомъ уже министровъ.

Въ силу этого правила получается приблизительно такая картина: сначала по черному ходу дворца бѣгутъ къ кабинету Николая и Александры грязные, хромые, въ припрыжку или какъ-нибудь еще „блаженные совѣтники“, а потомъ отъ парадnаго хода важно направляются къ кабинету тайные и дѣйствительные.

Что изъ этого получается, читатель отчасти уже видѣлъ, а еще болѣе увидитъ въ послѣднихъ главахъ книги.

Возвратимся къ оставленному предмету. 14-го января 1912 года я, Гермогенъ и Родіоновъ были у И. Л. Горемыкина. Горемыкинъ разсказалъ намъ слѣдующее:—Бѣда! Жалко государя. Вѣдь этотъ шарлатанъ Распутинъ окончательно отбилъ отъ него государыню императрицу. Придетъ къ ней и возится цѣлыми недѣлями, а бѣдный императоръ, какъ голубокъ, безъ голубки, походитъ, походитъ, да унылый и уйдетъ къ себѣ въ кабинетъ. И нельзя его, подлеца Распутина,—выгнать. Если его убить, то государыня или съума сойдетъ, или покончитъ жизнь свою самоубійствомъ.

Писатель Родіоновъ, когда я собирался изобличать Распутина, говорилъ мнѣ нѣсколько разъ на разные лады:—Да вы, батюшка, всего-то не знаете. Вы живете въ низахъ народныхъ. Что тамъ знаютъ? Почти ничего! А вотъ я вращаюсь здѣсь, въ верхахъ, чуть не каждый день бываю у И. Г. Щегловитова, и онъ мнѣ разсказываетъ прямо таки невѣроятныя вещи! Распутина и царь боится!..

III. Распутинъ—неофиціальный русскій царь и патріархъ.

Если кто думаетъ, что въ Россіи есть Синодъ, управляющій громаднѣйшею русскою Церковью, что въ Россіи есть царь съ правительствомъ, Думою и Государственнымъ Совѣтомъ, управляющій царствомъ, заключающій разные договоры съ иностранными державами, рѣшающій такіе важные вопросы, какъ воевать или нѣтъ, то тотъ жалко заблуждается!

Въ Россіи нѣтъ Синода, въ Россіи нѣтъ царя, въ Россіи нѣтъ правительства и Думы! Въ Россіи только есть Великій Распутинъ, являющійся неофиціальнымъ Патріархомъ Церкви и Царемъ Великой Имперіи.

Начинаю перечислять факты, неопровержимо и неоспоримо доказывающіе мое приведенное рѣшительное утвержденіе.

Распутинъ—русскій императоръ.

Факты: 1). Распутинъ всегда въ разговорѣ со мной, похваляясь тѣмъ положеніемъ, какое онъ занялъ при дворѣ, выражался такъ:—мнѣ ничего не стоитъ любого министра смѣстить! Кого захочу, того и поставлю!

На мой вопросъ:—неужели государь всегда слушаетъ тебя?—Григорій однажды отвѣчалъ мнѣ:—Папато съ трудомъ меня слушается, волнуется, ему стыдно, а мама говоритъ, что „безъ тебя, Григорій, я ни одного дѣла не рѣшу; обо всемъ тебя буду спрашивать". А, вѣдь, знаешь, царь такъ маму слушается, такъ слушается, что она всегда имъ командуетъ.

Распутинъ слова о своей силѣ у царей подтверждалъ всегда дѣлами. Печать и общество очень и очень останавливали свое вниманіе на законѣ 9-го ноября, какого года—не помню.

Гермогенъ, недовольный этимъ закономъ, въ то время, какъ законопроектъ Думы и Совѣта былъ представленъ на утвержденіе государя, послалъ изъ Саратова телеграмму Распутину, бывшему въ то время въ Петербургѣ.

Въ телеграммѣ той Гермогенъ умолялъ „старца“ друга попросить „папу“ не утверждать закона, пагубнаго для народнаго быта.

Григорій отвѣтилъ приблизительно такою телеграммою: „Миленькій владыка! Не безпокойся, законъ я провожу. Онъ—хорошъ. Все будетъ хорошо. Самъ послѣ увидишь и узнаешь. Григорій.“

Законъ вскорѣ послѣ этого былъ утвержденъ. Государь, подъ дикговку „старца“, сдѣлалъ положительную надпись на докладѣ о законѣ.

Если кто желаетъ провѣрить истинность разсказаннаго мною факта, то прошу того усердно обратиться въ саратовскую телеграфную контору. Тамъ онъ найдетъ телеграмму Григорія.

2). Всѣмъ извѣстно, какъ вся Россія волновалась, когда печать,—и правая и лѣвая,—на всѣ лады обсуждала вопросъ объ истинныхъ причинахъ ссылки Гермогена въ Жировицкій монастырь, а меня—во Флорищеву пустынь.

Всѣ сходились на томъ, что наша ссылка—дѣло рукъ „старца“ Распутина. Всѣ возмущались этимъ до крайней степени.

Подъ вліяніемъ напора общественнаго мнѣнія Государственная Дума, при обсужденіи въ 1912 году въ февралѣ или мартѣ мѣсяцѣ смѣты Св. Синода, ребромъ поставила вопросъ о личности Распутина въ связи съ той ролью, какую „старецъ“ игралъ и играетъ въ дѣлахъ государственныхъ и церковныхъ.

Дума постановила сдѣлать два срочныхъ запроса о дѣятельности „старца“: министру юстиціи—Щегловитову и министру внутреннихъ дѣлъ—Макарову.

Запросы были сдѣланы.

Но дѣло какъ-то вразъ оборвалось, заглохло, умерло.

Сначала по этому поводу немного недоумѣвали, потомъ, какъ обычно, и забыли о немъ, забыли о сдѣланныхъ запросахъ.

Я, сидя во Флорищевой пустыни, въ темницѣ, ломалъ голову:

„Почему же это о запросѣ ничего не слышно?“

Такъ ничего и не было.

И только въ 1913 году, перебирая дневники Лохтиной, я разрѣшилъ вопросъ о запросахъ.

Оказывается, что въ то время, когда Государственная Дума волновалась, дѣлая запросы, „старецъ“ сидѣлъ въ Покровскомъ и немыслимыми ковелюгами выводилъ письмо „папѣ и мамѣ“. Копію этого письма, какъ и много другихъ „знаменитыхъ“ писемъ, Лохтина занесла въ свои дневники, по всей вѣроятности, немного исправивъ орѳографію „старца“.

Вотъ это письмо: *Миленькаи папа и мама! Вотъ бѣсъ то силу беретъ окаянный. А Дума ему служитъ; тамъ много люцинеровъ и жидовъ. А имъ что? Скорѣе бы Божьяго Помазаннека долой. И Гучковъ господинъ ихъ прихвостъ,—клевещетъ, смуту дѣлаетъ. Запросы. Папа. Дума твоя, что хошь, то и дѣлай. Какеи тамъ запросы о. Григоріи. Это шалость бѣсовская. Прикажи. Не какехъ запросовъ не надо. Григорій*“.

Послѣ этого письма запросы были сняты съ очереди и погребены.

3) Когда Австро-Венгрія проводила аннексію Босніи и Герцоговины, то Россія тоже бряцала оружіемъ. Не вмѣшалась въ „воровство“ Австріи только по настоянію Распутина.

Григорій объ этомъ говорилъ такъ мнѣ: —Вотъ, братъ, при дворѣ-то было охотниковъ много воевать съ Австріей изъ-за какехъ то тамъ земель. Но я, дружокъ, отговорилъ папу, потому не время, нужно дома въ порядокъ все приводить.

И войны не было.

Во время Турецко-Балканской войны вопросъ о вмѣшательствѣ Россіи въ распрю словянъ съ турками стоялъ ребромъ; всѣ ждали рѣшительныхъ шаговъ со стороны Россіи въ пользу братьевъ балканскихъ. Но ничего не было. Гдѣ причина. Вотъ она. Въ то время я былъ въ заключеніи. Пріѣзжаетъ въ Флорищеву пустынь О. В. Лохтина. По обыкновенію она стала около оконъ моей кельи со стороны лѣса.

— Откуда пожаловала, Ольга?—спрашиваю я.

—Изъ Покровскаго, все время тамъ была.

Она развернула свои дневники и начала при стражникахъ читать, какъ она провѣдила время у „старца“ въ гостяхъ.

Я ее перебилъ:—Ольга! А читала ты газеты? Какъ на счетъ войны?

— Да что-же насчетъ войны? Дерутся. А взглядъ о. Григорія на это извѣстенъ: Россіи никакъ нельзя вмѣшиваться, потому что здѣсь, въ домѣ, не все въ порядкѣ; много внутреннихъ враговъ.

— Да при чемъ же здѣсь взглядъ подлеца и мерзавца?!—нарочно подчеркнулъ я свое отрицательное отношеніе къ „старцу.“

Лохтина съ видомъ, что какъ-будто она и не слышитъ моихъ цвѣтистыхъ эпитетовъ по адресу ея „Бога-Саваоѳа“, невозмутимо продолжала:—И царя уже поставлены въ извѣстность относительно его взгляда. Ослушаться, конечно, не посмѣютъ...

Россія не вмѣшалась.

А вотъ объ японской войнѣ самъ Григорій, когда я былъ у него въ Покровскомъ, разсказалъ мнѣ слѣдующее:—Папа послалъ Витя куда-то тамъ, не знаю, миръ съ японцами заключать... Вотъ я вечеромъ, часовъ въ десять, выхожу изъ воротъ этихъ, а темь, темь такая! Смотрю я вверхъ и вижу: Божія Матерь на небѣ съ мечами въ рукахъ поворачивается отъ русскихъ на японцевъ. Я думаю: значитъ, теперь мы будемъ побѣждать. Побѣжалъ на станцію, отбилъ на своемъ языкѣ телеграмму, чтобы папа и мама не заключали мира, а ждали бы меня. Получилъ отвѣтъ, что будутъ ждать только три-четыре дня, а больше не могутъ. Я скоро поѣхалъ къ нимъ. Но на поѣздъ запоздалъ, пріѣхалъ къ нимъ, а Витя уже заключилъ миръ...

Когда Распутинъ закончилъ это чудовищное повѣствованіе, присутствовавшая при бесѣдѣ жена его Прасковья промолвила:—И письмо твое, отецъ, есть, которое ты намъ прислалъ изъ Тюмени съ извѣщеніемъ, что ты запоздалъ на поѣздъ.

На мою просьбу показать то письмо, она скоро принесла его. Я прочелъ. Письмо (открытка) было такое: „*Тобольской губ. тюменскова уезда покровское новомъ я сижу вагзалъ пять часовъ надо ехать истюмени двенадцеть дьня явшесь вечера долго сидеть всемъ приветъ.*“

Я спросилъ у Распутина позволенія взять это знаменитое, историческое письмо на память.

„Старецъ“ охотно позволилъ.

Подлинное письмо то сейчасъ хранится у меня въ документахъ, относящихся къ этой книгѣ.

Думаю, что трудно во всемъ мірѣ найти такого нормальнаго человѣка, который бы не удивился такому легкому „старческому“ способу разрѣшенія сложныхъ и страшныхъ вопросовъ о войнѣ, гдѣ погибаютъ сотни тысячъ, милліоны драгоцѣнныхъ человѣческихъ жизней...

4. Настоящая кровопролитнѣйшая война начата царемъ Николаемъ по „благословенію“ „старца“ — Григорія Распутина.

Доказательства таковы.

16 іюня Распутинъ, достигшій въ то время высшей точки своего вліянія на Николая и Александру, отъѣзжалъ изъ Ливадіи и, стоя на площадкѣ вагона, провожавшимъ его высокимъ господамъ и такимъ-же дамамъ говорилъ: — Ужо увидимся съ вами въ сентябрѣ мѣсяцѣ и при весьма знаменательныхъ обстоятельствахъ!

Я тогда же подумалъ: значитъ, „старецъ“ благословилъ Николая воевать; значитъ, будетъ война съ Германіей и Австріей изъ-за убійства престолонаслѣдника; значитъ, „праведникъ“ призналъ, что Россія готова къ войнѣ, но не въ томъ смыслѣ, что-бы у нея все нужное для войны было, а въ томъ, что съ „внутренними врагами“ дѣло покончено, и настала пора приняться за внѣшнихъ; вѣдь недаромъ, „старецъ“ на пути въ Ливадію заѣхалъ въ Кіевъ и, по газетнымъ извѣстіямъ, основалъ въ этомъ городѣ *„общество расширенія Россіи на счетъ мелкихъ славянскихъ государствъ“*.

Подумавши такъ, я началъ съ нетерпѣніемъ ожидать страшныхъ послѣдствій „старческаго благословенія“, полученнаго Николаемъ на войну съ Австріей и Германіей.

Ожиданіе мое обострилось еще болѣе, когда „старецъ“, пріѣхавши изъ Ливадіи въ Петербургъ, началъ громко, очень громко на всѣ стороны говорить: „нѣмцевъ надо проучить, настала пора: надо проучить!“

Событіе, вызванное въ жизни „придворнымъ пророкомъ“, не заставило ждать себя долго.

5. Не любилъ „великій прозорливецъ“ Государственную Думу и Финляндію. Всегда, когда бы я съ нимъ ни встрѣчался, разъ заходила рѣчь на политическія темы, онъ непремѣнно выражалъ свои мнѣнія

о Думѣ и Великомъ Княжествѣ. Правда, о Думѣ онъ говорилъ гораздо меньше, чѣмъ о Финляндіи.

Я спрашивалъ его:—Какъ Дума? Она не стѣсняетъ царя?

Старецъ отвѣчалъ:—Пустяки! Гадость! Кто ее будетъ слушать. Такъ собралъ папа собакъ, штобы другія собаки потише сидѣли по мѣстамъ и не лаяли... Я все ему говорю, что вовсе Думы не надо. А онъ что-то боится. Боится, а потомъ бѣда будетъ... Ну, да я его заставлю, чтобы Думы не было.

На Финляндію же „старецъ“ гораздо больше нападалъ. Онъ крайне возмущался, что у Финляндіи есть „какая то тамъ гвардія“...

Настаивалъ, чтобы царь послалъ туда войска и усмирилъ Финляндію.

Указывалъ, что нужно „смирить чуконцевъ“, какъ онъ называетъ финовъ, отнять у нихъ права.

Выражался всегда такъ:—Вотъ эта гадина Финляндія, спать папѣ не даетъ; я ему говорю: отруби хвостъ этой змѣѣ, чтобы она имъ не виляла...

И Николай рубилъ...

6. Министрами Распутинъ игралъ, какъ мячиками.

Возвративши меня изъ Минска въ Царицынъ, „старецъ“ Григорій, по его собственнымъ словамъ, настаивалъ на удаленіи съ поста оберъ-прокурора С. М. Лукьянова. Но Лукьяновъ не былъ удаленъ только потому, что Распутинъ въ то время не имѣлъ подходящаго человѣка на оберъ-прокурорское мѣсто.

Когда же меня государь, главнымъ образомъ по приказанію Распутина изъ Іерусалима, возвратилъ изъ Новосилья въ Царицынъ, то Лукьяновъ, ставленникъ Столыпина, былъ немедленно удаленъ съ мѣста. Объ этомъ „старецъ“ говорилъ мнѣ такъ:—Я папѣ и мамѣ сказалъ, что давно бы надо этого Лукьянова, прихвостня Столыпина, прогнать, а вы медлили; вотъ теперь не было бы такого скандала съ Иліодорушкою; это все Лукьяновъ сдѣлалъ, теперь ему нужно дать отставку...

С. М. Лукьяновъ получилъ отставку съ назначеніемъ въ Государственный Совѣтъ.

7. На мѣсто Лукьянова „старецъ“ Распутинъ поставилъ В. К. Саблера.

Прямымъ кандидатомъ на постъ оберъ-прокурора былъ товарищъ его — А. П. Роговичъ; послѣднему очень хотѣлось быть прокуроромъ, но онъ не былъ знакомъ со „старцемъ“. Владиміръ-же Карловичъ въ то время уже очень подружился съ Григоріемъ. Приглашалъ его нѣсколько разъ къ себѣ на квартиру и, по выраженію Распутина, ласкалъ его.

Григорій въ долгу не остался. Онъ возвелъ Саблера на высокій постъ оберъ-прокурора Синода. Читателю уже извѣстны слова Распутина о томъ, какъ ему въ ноги кланялся „Цаблеръ“.

Самъ В. К. Саблеръ съ Думской трибуны дважды отрицалъ это, утверждая, что онъ никому въ жизни не кланялся, кромѣ какъ Господу Богу. Онъ, чудакъ, думаетъ, что кто-либо ему повѣритъ. Изъ послѣдней главы читатель увидитъ, что Саблеръ неправду говорилъ, Григорій же вѣрно разсказывалъ.

Помимо Григорія, Саблеръ однажды лежалъ въ ногахъ у старца Варнавы, прося его принять отъ него золотой наперсный крестъ; видимо онъ желалъ быть въ милости у старца, котораго при Дворѣ очень въ то время почитали.

Обо всемъ этомъ мнѣ разсказывала серьезнѣйшая старушка—царицынская купчиха Тараканова.

Значитъ, утвержденіе Саблера и въ той части, что онъ никому вообще, кромѣ Бога, не кланялся, также ложно.

Саблеръ почти исключительно поклонами поднялся на высокую ступень государственной власти.

8. Послѣ Саблера Распутинъ на постъ товарища оберъ-прокурора возвелъ П. С. Даманскаго, выскочку изъ бездарныхъ студентовъ Петербургской духовной академіи. Старичокъ очень хитрый, покладистый; ради карьеры онъ готовъ всѣмъ пожертвовать. Въ дѣлѣ ссылки Гермогена и меня за обличеніе Распутина, какъ читатель увидитъ ниже, Даманскій игралъ выдающуюся роль. Всѣми силами старался за Распутина, большимъ другомъ котораго онъ былъ. Старался, зная всѣ пакостныя дѣла „блаженнаго Григорія“. Когда у него газетные сотрудники спрашивали: какъ же съ „подвигами-то Григорія Ефимовича Синодъ поступилъ?“, Даманскій отвѣчалъ: всѣ „подвиги“ преданы забвенію!

А новые хотя были, но они еще не были тогда открыты. А о томъ, что еще было скрыто, друзья „старца“ и не заикались, ради карьеры мирясь со всѣмъ.

„Блаженный“ Григорій уже давно, по его собственнымъ словамъ, собирался „повысить“ Даманскаго, но дѣло медлилось только изъ-за того, что Даманскій былъ очень невысокаго происхожденія. Но когда В. К. Саблеръ былъ „доспѣтъ“ въ „прокуроры“, то и эта причина потеряла силу. Даманскій получилъ отъ Распутина проходное свидѣтельство къ товарищескому креслу

Ходъ П. С. Даманскаго изъ „грязи въ князи“ былъ, подъ натискомъ „старческихъ“ указаній при дворѣ, такъ быстръ и рѣшителенъ, что бѣдный гофмейстеръ А. П. Роговичъ, два года мечтавшій объ оберъ-прокурорскомъ мѣстѣ, лишился и товарищескаго кресла, будучи принужденъ выйти изъ казенной квартиры, на Литейномъ, въ свою...

9. Особенно дорогимъ другомъ Григорія Ефимовича является графъ С. Ю. Витте, котораго „старецъ“ всегда зоветъ просто: Виття.

Когда „старецъ“ бываетъ въ Петербургѣ, то непременно бываетъ у Витти съ визитомъ, а Виття къ нему на квартиру ѣздитъ.

„Старецъ“ считаетъ Виття очень умнымъ и благороднымъ человѣкомъ, а Виття въ свою очередь до послѣднихъ дней, зная „подвиги“ Григорія, говоритъ, что у Распутина возвышенная душа, что онъ—человѣкъ большихъ добродѣтелей и исключительнаго ума.

Кукушка хвалила ворону, а ворона—кукушку.

Съ давнихъ поръ, еще со времени „паденія“ Витте при дворѣ, „старецъ“ старается, чтобы провести Витте на какой-либо высокій постъ; къ этому Витте по словамъ Распутина, очень стремится, но пока не выходитъ.

Въ 1912 году, когда я былъ во Флорищевой пустынѣ, Г. П. Сазоновъ, заразившись, по всей вѣроятности, отъ Распутина, пророчественнымъ духомъ, говорилъ моему брату Аполлону:—Вотъ скоро Григорій Ефимовичъ поставитъ С. Ю. Витте въ премьеръ-министры и старыхъ министровъ замѣнитъ новыми, тогда

конецъ Гермогену и Иліодору за то, что они устроили бунтъ противъ самодержавія. Витте ихъ проучитъ...

10. Графъ С. С. Татищевъ, будучи саратовскимъ губернаторомъ, очень преслѣдовалъ меня за обличеніе корыстолюбивыхъ придставителей власти и вообще дворянъ. Вмѣстѣ съ Столыпинымъ онъ все время принималъ мѣры къ тому, чтобы меня не было въ его губерніи, въ Царицынѣ. Писалъ объ этомъ извѣстное письмо царю Николаю...

Въ концѣ концовъ, по приказанію „старца“ Григорія, онъ долженъ былъ оставить управленіе и итти на „покой“ коровъ доить и куръ считать...

Прошелъ цѣлый годъ. Я изобличилъ „старца“ и началъ съ нимъ борьбу.

Мстя мнѣ, „старецъ“ началъ выбирать изъ-подъ спуда тѣхъ администраторовъ, которыхъ онъ прежде изъ-за меня каралъ. Вскорѣ, послѣ ссылки меня во Флорищеву пустынь, графъ С. С. Татищевъ получилъ высокое назначеніе начальникомъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати. Тогда для меня было неизвѣстно, почему это онъ призванъ изъ „запаса“.

Въ 1913 году я, живя въ „Новой Галилеѣ“, разгадалъ тайну. Въ дневникахъ О. В. Лохтиной я нашелъ копію такого письма Распутина царямъ:—*Миленькаи! Ошибки надо исправлять, и милость Божья будетъ. Графъ Татищевъ изъ за бунтовщиковъ былъ опечаленъ. Теперь надо его ласкать. Дать ему мѣсто повыше. Я и самъ прежъ на него, а не надо. Ошибку поимѣлъ въ Гермогенѣ и Иліодорѣ. Да, это знайте. Григорій.*

11. Самымъ первымъ и сильнымъ врагомъ „старца“ изъ министровъ былъ П. А. Столыпинъ.

Сначала онъ его очень почиталъ; въ первое время его „старческой придворной дѣятельности“ онъ, какъ и я, въ немъ души не чаялъ, а потомъ разлюбилъ... Да какъ разлюбилъ?! Прямо-таки не давалъ покоя „бѣдному подвижнику“. Изводилъ его своею слѣжкою.

„Старецъ“ былъ очень недоволенъ имъ, и всегда старался свалить Столыпина, а на его мѣсто поставить своего друга—В. Н. Коковцева.

Желаніе „старца“ въ этомъ направленіи было такъ сильно, что онъ не вытерпѣлъ и, по его словамъ

О. В. Лохтиной, переданнымъ мнѣ въ декабрѣ мѣсяцѣ 1911 года, „предсказалъ“ за цѣлыхъ семь дней *до 1-го сентября 1911 года* назначеніе на постъ премьеръ-министра Коковцева...

Но какъ же съ Столыпинымъ?..

Столыпинъ уступилъ силѣ „старческаго предсказанія“, и 1-го сентября 1911 года былъ пристрѣленъ въ Кіевѣ, въ театрѣ, господиномъ Богровымъ.

Вопросъ объ убійствѣ Столыпина до сихъ поръ не разрѣшенъ...

Патріархъ Россійской церкви.

Факты: 1. Здѣсь разсказывается о разводѣ одного изъ великихъ князей, о чемъ было упомянуто вкратцѣ выше.

2. Читатель помнитъ, какъ „блаженный старецъ“ бесѣдовалъ съ Гермогеномъ, Ѳеофаномъ и Вениаминомъ объ уничтоженіи автономіи духовной школы; какъ онъ возмущался самымъ словомъ: „автономея“.

Здѣсь я скажу, какъ тогда дѣло обстояло съ автономіей, и что вышло, когда за дѣло взялся „старецъ“.

Сторонникомъ того, чтобы сбросить, наконецъ, черную монашескую руку къ свободной мысли искателей истины, былъ въ то время оберъ-прокуроромъ Синода П. П. Извольскій.

Онъ хотѣлъ сначала провести автономію въ столичной, Петербургской духовной академіи.

По его указанію совѣтъ профессоровъ приступилъ къ дѣлу и выбралъ уже ректоромъ бывшаго профессора протоіерея Тимоѳея Александровича Налимова.

Докладъ объ этомъ Извольскій немедленно передалъ государю.

Тутъ вмѣшался „старецъ“. Онъ въ тотъ день, когда бесѣдовалъ съ „Троицей“, поѣхалъ къ царю и приказалъ ему положить на докладѣ Извольскаго о выборѣ Налимова ректоромъ академіи такую, какъ мнѣ передавалъ послѣ сп. Ѳеофанъ, резолюцію: *„Оставляю протоіерея Тимоѳея Налимова подъ большимъ сомнѣніемъ. Николай“.*

Прочтя такую резолюцію, Извольскій опѣшилъ и съ горя подалъ въ отставку. Профессора академіи испугались и пошли служить молебны о свышнемъ мирѣ и о спасеніи душъ своихъ.

Протоіерей Налимовъ послѣ того до самаго дня смерти не показывался въ родную академію.

А ректоромъ академіи былъ, по-прежнему, назначенъ Синодомъ архимандритъ Ѳеофанъ съ возведеніемъ въ санъ епископа...

Объ автономіи же остались сладкія дніо воспоминанія.

„Старецъ“ на дѣлѣ доказалъ, чт „антономея“ — гадость.

Доказалъ просто, скоро и внушительно.

3. Много спора, много скандаловъ было въ Синодѣ въ ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцѣ 1911 года, когда обсуждался вопросъ о возстановленіи древняго чина діакониссъ.

Митрополитъ Антоній въ это время былъ боленъ. Его замѣнялъ въ Синодѣ московскій митрополитъ Владиміръ.

Этотъ покладистый іерархъ, желая угодить великой княгинѣ Елизаветѣ, стремившейся въ своей московской общинѣ установить чинъ діакониссъ на протестантскій ладъ, всѣ мѣры употреблялъ, чтобы желаніе Елизаветы было исполнено.

Члены Синода соглашались. Имъ что? Митрополитъ кіевскій Флавіанъ, по словамъ Гермогена, даже заявлялъ, что теперь-де не такое время, чтобы въ точности исполнять церковные каноны.

Только одинъ Гермогенъ возсталъ противъ предполагавшагося къ возстановленію чина діакониссъ. Онъ требовалъ въ этомъ вопросѣ руководствоваться не желаніемъ Елизаветы, а исключительно церковными правилами.

Елизавета присылала ему письма и умоляла его не „упорствовать“.

Но Гермогенъ оставался непреклоннымъ. Онъ даже послалъ телеграмму царю о томъ, что Синодъ идетъ противъ него, царя, когда-то сказавшаго, чтобы обновленіе русской Церкви было производимо на основаніи древнихъ каноновъ.

Когда Гермогена сослали за обличеніе Распутина, о чемъ подробная рѣчь будетъ послѣ, и всѣ спрашивали, за что Гермогенъ ссылается, то Синодъ, скрывая истинную причину ссылки, въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“ разглагольствовалъ, что Гермогенъ ссылается

за то, что обратился къ царю съ телеграммой, въ которой грубо и дерзко критиковалъ дѣятельность Синода въ вопросѣ о діакониссахъ и вообще.

Синодъ лгалъ.

Дѣло обстояло такъ.

Когда Распутинъ пріѣхалъ въ декабрѣ мѣсяцѣ изъ Ливадіи, то онъ сказалъ:—Папа и мама очень довольны Гермогеномъ, что онъ идетъ противъ діакониссъ. Я папѣ сказалъ, что архіереи дѣлаютъ діакониссъ для того, чтобы завести у себя въ покояхъ бардаки. Царь съ этимъ вполнѣ согласился и, отпуская меня изъ Ливадіи, просилъ низко кланяться Гермогену за борьбу съ возстановленіемъ діакониссъ...

Дѣло съ діакониссами провалилось.

Синодъ писалъ, что провалилось не потому, что Гермогенъ былъ противъ, а потому, что больной митрополитъ Антоній положилъ такое свое мнѣніе: „вопросъ о діакониссахъ отложить до помѣстнаго собора".

Синодъ ошибался или опять намѣренно лгалъ

Вопросъ о діакониссахъ провалилъ Распутинъ. Онъ приказалъ царю дѣло о діакониссахъ прекратить. И оно было прекращено.

Если тщательно пересмотрѣть архивъ телеграфныхъ конторъ Петербурга за декабрь мѣсяцъ 1911 года, то тамъ можно найти такую телеграмму Распутина къ Гермогену: „Я уничтоживаю діаконицы". Такая телеграмма была. Это я хорошо помню.

Это и Синоду особенно нужно знать и помнить.

4. Много хлопотъ пришлось Столыпину принять на себя изъ-за знаменитой андреевской „Анатэмы", протопоповскихъ „Черныхъ вороновъ" и по поводу панихидъ въ Саратовѣ по артисткѣ Коммиссаржевской.

Гермогенъ, какъ извѣстно всей читающей газеты Россіи, былъ противъ „Анатэмы", „Черныхъ вороновъ" и торжественныхъ панихидъ по несчастной актрисѣ.

Столыпинъ же, дѣйствуя черезъ Синодъ, разрѣшалъ къ постановкѣ на театральной сценѣ и „Анатэму", и „Черныхъ вороновъ".

Завязывалась во всѣхъ этихъ случаяхъ жестокая борьба между Гермогеномъ, съ одной стороны, и Синодомъ со Столыпинымъ—съ другой.

Гермогенъ во всѣхъ случаяхъ вышелъ побѣдителемъ.

Общественное мнѣніе, конечно, не знало истиннаго основанія Гермогенова могущества. Оно наивно полагало, что побѣду одержалъ самъ Гермогенъ. Нѣтъ. Одержалъ побѣду „старецъ“ Распутинъ.

Въ то время, когда на „военномъ полѣ“ предъ взорами публики стоялъ Синодъ со Столыпинымъ противъ Гермогена, Распутинъ стоялъ за Гермогеномъ, заставляя царя давать приказы о запрещеніи „Анатэмы“ и „Черныхъ вороновъ“.

Если кому желательно провѣрить это, тотъ пусть пересмотритъ за то время архивы телеграфныхъ конторъ: Царско-Сельской, Покровской, Петербургскихъ и Саратовскихъ.

Тамъ онъ непремѣнно найдетъ много, много телеграммъ, неоспоримо доказывающихъ, что „Анатэма“, „Черные вороны“ и актриса, умершая черною смертью въ Туркестанскомъ краѣ, провалились, благодаря исключительно непоборимой силѣ „старца“ и „пророка“ русскаго двора.

5. Епископъ Ѳеофанъ, просвѣщенный аскетъ, ввелъ „старца“ во дворцы. Нѣсколько лѣтъ дружилъ съ нимъ. Оказывалъ ему послушаніе даже прямо-таки до глупости: спрашивалъ у Григорія, какого цвѣта, напримѣръ, носки покупать.

„Старецъ“ щедро платилъ за дружбу Ѳеофану. Онъ возвелъ его въ епископы, сдѣлалъ ректоромъ первой духовной академіи и царскимъ духовникомъ. Духовникомъ Ѳеофанъ былъ два года...

Но всему бываетъ конецъ. Пришелъ конецъ и дружбѣ Ѳеофана съ Григоріемъ. Съѣздилъ Ѳеофанъ къ Григорію въ Покровское и что-то тамъ замѣтилъ неладное... Охладѣлъ къ Григорію.

Ольга Владиміровна Лохтина, объясняя этотъ важный фактъ, плететъ въ своихъ дневникахъ какую-то чепуху о какихъ-то сапогахъ, которые Григорій купилъ въ Петербургѣ для царя: царю они не подошли, малыми оказались, и „отецъ Григорій“ принесъ ихъ Ѳеофану, заставилъ надѣвать, а Ѳеофанъ возгордился, отказался принять сапоги, и Богъ его наказалъ: Онъ, Богъ, отвратилъ сердце его отъ старца и пророка, о. Григорія...

Такъ объясняетъ причину охлажденія Ѳеофана къ „старцу“ несчастная генеральша.

Дѣло же обстояло гораздо проще... Ѳеофанъ въ Покровскомъ кое-что замѣтилъ, потомъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, исповѣдывалъ дѣвицъ и дамъ, которыхъ „блаженный“ освящалъ. Поисповѣдывалъ, и въ него вселился бѣсъ ненависти къ Григорію...

Какъ человѣкъ богобоязненный и честный, Ѳеофанъ пошелъ противъ Григорія... Прошелъ и во дворецъ, къ императрицѣ, и заговорилъ ей о „подвигахъ“ старца и о томъ, что нужно его удалить отъ двора и посадить въ Покровскую клѣтку.

Императрица—не дура,—на удочку Ѳеофанову не пошла. Она, по словамъ Григорія, затопала на него ногами, а когда онъ началъ ей объяснять, что онъ пришелъ къ ней съ рѣчами о Распутинѣ по долгу священства и духовника ея, то она указала ему на дверь, объяснивъ, что если онъ добровольно не выйдетъ, то она прикажетъ своимъ слугамъ его вывести...

Ѳеофанъ, понятно, ушелъ... Объ этомъ изгнаніи онъ писалъ мнѣ краткое письмо въ Флорищеву пустынь, прося меня не снимать сана, такъ какъ Господь скоро, скоро покараетъ „сосудъ беззаконія“ — „блаженнаго подвижника“ Распутина. Ѳеофанъ былъ изгнанъ изъ академіи, посланъ въ Таврическую епархію, потомъ въ Астраханскую, потомъ въ Полтавскую...

А „старецъ“, встрѣчаясь послѣ со мною, всегда говорилъ о немъ такъ:—Сгніетъ, проклятый! Сгніетъ! Живымъ сгніетъ! Закрылась лазутка! Закрылась навсегда!

— Да развѣ такъ можно про епископа говорить?— возмущался я.

— А онъ чего грязью хотѣлъ забросать меня? Не забросалъ, а самъ въ болотѣ утонулъ!

6. Во время ссылки Гермогена въ Жировицкій монастырь, а меня во Флорищеву пустынь, въ Синодѣ засѣдали митрополиты: Московскій Владиміръ, Кіевскій Флавіанъ; архіепископы: Тверской Серафимъ, Волынскій Антоній, Финляндскій Сергій, Одесскій Назарій и Никонъ, бывшій Вологодскій. Всѣ они очень старались исполнить волю Николая и Александры, хорошо зная, что эти послѣдніе, какъ читатель увидитъ ясно изъ послѣдней главы, гнали насъ исключительно за обличеніе своего пророка, Распутина

Вскорѣ всѣ эти епископы получили отъ Николая и Александры награды, но не разомъ, а такъ,—одинъ за другимъ, чрезъ небольшіе промежутки времени.

Владиміръ получилъ — „благоволеніе“, Флавіанъ — свѣчу для предношенія во время священнослуженія, Антоній—постояннаго члена Синода, Сергій—брилліантовый крестъ на клобукъ, Назарій—орденъ Св. Александра Невскаго, Серафимъ—санъ архіепископа, Никонъ—санъ архіепископа.

Кажется, что въ исторіи русской Церкви синодальнаго періода не было еще такого случая, чтобы всѣ члены Синода какой-либо сессіи получили награду въ одно время.

Не было, но онъ произошелъ. Странно, но стоитъ только заглянуть въ знаменитые дневники О. В. Лохтиной, записывавшей каждое слово, каждый шагъ о. Григорія—Бога Саваоѳа, какъ вся мудреная задача о наградахъ владыкамъ, услужливо запрятавшимъ въ темницы изобличителей „святого чорта“, сама собою разрѣшается. Именно въ дневникахъ есть такое письмо „старца“: *„Миленькаи папа и мама! Вотъ миленькіе владыки какъ бѣса-то поразили. Бунтовщиковъ Помазанника Божьяго покарали. Оно и правильно. Теперя нужно ихъ поласкать. Награду имъ. Только не сразу всѣмъ, а такъ одному, а опосля другому, а то собаки Гермогенъ и Иліодорка лаять будутъ. Да, нужно. Это пишу я, Григорій. Да. За подвигъ надо ласкать. Григорій“.*

7. Въ высшей степени причудлива карьера епископа Тобольскаго Варнавы. Онъ—мужичекъ. Каго-польскій огородникъ. Ничѣмъ особеннымъ не отличается.

Въ 1907 году въ февралѣ мѣсяцѣ въ квартирѣ врача А. И. Дубровина поручикъ Ивановъ говорилъ мнѣ про этого человѣка такъ:—Вотъ, батюшка, есть архимандритъ Варнава, настоятель монастыря около Москвы. Знаете его? Ну, и жуликъ же онъ. Только и знаетъ, что ѣздитъ въ Питеръ и трется въ салонахъ. Я знаю его, былъ у него въ кельяхъ. Смотришь, все какъ будто по-монашески... А потомъ открываетъ подъ иконами шкафчикъ, а тамъ всякая всячина: коньякъ, ромокъ, рябиновочка, первосортная водочка, семга, разный балычокъ и колбаска... Пригласилъ меня и товарища, и мы вмѣстѣ съ нимъ здорово-таки дернули...

Пошли дни за днями, мѣсяцы за мѣсяцами.

Я забылъ архимандрита Варнаву. Мало-ли какихъ монаховъ не бываетъ? Нашелъ поручикъ чѣмъ удивить меня! Я еще похлеще знавалъ молодцовъ и знаю.

Но Варнава дѣйствительно оказался молодцомъ изъ молодцовъ.

Въ 1909 году, будучи въ Царицынѣ, Распутинъ, болтая обо всемъ, между прочимъ, говорилъ мнѣ:

— А знаешь ты, Иліодорушка, архимандрита Варнаву?

— Который настоятелемъ монастыря около Москвы?

— Да, да! Кажется, Голутвина!

— Знаю, знаю. Слышалъ. А что?

— Да вотъ что: мама постоянно говоритъ мнѣ про него: вотъ бѣда, Григорій, съ сусликомъ, съ Варнавой! Придетъ этотъ сусликъ ко мнѣ, упадетъ на землю, ухватится обѣими руками за ноги, цѣлуетъ ихъ сквозь чулки и одно твердитъ: матушка-царица, матушка-царица! Сдѣлай меня епископомъ, хочу быть епископомъ. Ну, что съ нимъ подѣлаешь? Уже нѣсколько разъ такъ приставалъ.

— Ну, и что-же изъ этого вышло?—спросилъ я „старца“

— Да мама говоритъ: какъ ты, Григорій, такъ и я. А я ей говорилъ: хоть архіереи и будутъ обижаться, что въ среду ихъ, академиковъ, мужика впихнули, да ничего, наплевать, примирятся. А суслика надо въ епископы. Онъ очень за меня стоитъ.

Кажется, въ началѣ 1911 года „суслика“ сдѣлали епископомъ, но съ большимъ скандаломъ. Члены Синода, по словамъ Григорія, никакъ не хотѣли давать Варнавѣ епископа, потому что онъ безъ образованія. Но мама чрезъ Саблера настояла.

Варнава былъ посланъ епископомъ въ Каргополь.

Во время обличенія мною „старца“ Варнава былъ вызываемъ во дворецъ для успокоенія Николая и Александры. Успокоилъ. Поѣхалъ опять въ Каргополь. Потомъ ему сдѣлалось скучно въ захолустномъ городкѣ.

Газеты заговорили, что Варнава просится на покой, и что Синодъ посылаетъ его управлять прежнимъ Голутвинскимъ монастыремъ.

Я, живя въ Галилеѣ, думалъ, что здѣсь что-либо не такъ,—здѣсь какая-либо хитрость!

Дѣйствительно, немного спустя Варнава назначается на родину „блаженнаго старца“ на Тобольскую каѳедру.

Что за оказія? Мужика, огородника, назначили на древнюю каѳедру, гдѣ раньше были митрополиты? Но оказія эта опять-таки легко объясняется строками дневниковъ О. В. Лохтиной. Тамъ есть такое письмо „старца“ царямъ:—„*Миленькаи папа и мама! Заботъ много, а успѣху нѣтъ. Думка кого послать въ Сибирь. А онъ подъ рукою. Владыку Варнаву, друга и защитника. Его сюда надо. Онъ усердно старается. Григорій*“.

А немного раньше, когда освободилась каѳедра въ Екатеринбургской епархіи, Распутинъ писалъ о Варнавѣ царю Николаю такъ:—„*Миленькій! Премудрость. Нельзя ли общаго друга, онъ вѣдь самъ молитва и находчивъ въ забаву, его въ Екатеринбургъ самостоятельнымъ. Ну, его не видѣлъ, хочетъ ли онъ, а достоинъ, это—да! А тамъ ему хорошо бы. Ты, миленькій, не обидься, что я такъ не свои сани везу и это—да! Прости. Григорій. Молюсь и цѣлую*“. (Дневники Лохтиной).

Варнава въ Екатеринбургъ не попалъ потому просто, что Распутинъ не спросилъ у него согласія, а въ Тобольскъ, на родину Григорія, попалъ.

И Варнава, „сусликъ“, забравшись въ тобольскую норку, мужичокъ, началъ немилосердно издѣваться надъ образованными священниками Тобольской епархіи. А когда Распутина ранила Х. К. Гусева, то, какъ читателю уже извѣстно, „сусликъ“ пропищалъ о своемъ другѣ: „молитесь за вѣрнаго раба Господня!“

8. Покойный экзархъ Грузіи Алексѣй былъ въ 1910—11 годахъ епископомъ Псковскимъ. Какъ человѣкъ въ высшей степени корыстолюбивый и любитель мзды неправедной, онъ за деньги далъ возможность „чернымъ воронамъ—іоаннитамъ“—свить себѣ въ Псковской епархіи прочное гнѣздо и заниматься своею темною дѣятельностью.

Синодъ тщательно разслѣдовалъ все дѣло Воронцовскаго монастыря, въ какомъ-то далекомъ углу Псковской губерніи, и, послѣ разслѣдованія, сослалъ Алексѣя въ Тобольскую губернію.

Алексѣй не дуракъ, сейчасъ сообразилъ, что онъ ѣдетъ въ епархію, гдѣ „подвизается“ „блаженный старецъ“ и „придворный пророкъ“. Онъ хорошо зналъ

всѣ темныя дѣла Григорія и то, какъ со мною и Гермогеномъ Синодъ, по приказанію Николая и Александры, раздѣлался за обличеніе „старца".

Сдѣлавъ всему этому учетъ, онъ на епархіальномъ съѣздѣ Тобольскаго духовенства, когда комиссіонеры подняли вопросъ о прекращеніи „старческой дѣятельности" Распутина, торжественно провозгласилъ:—„не касайтесь этого Божьяго человѣка! Кто противъ него пойдетъ, того Богъ караетъ!"

Попы, конечно, замолчали, хорошо понявъ, что теперь у нихъ два архіерея: Алексѣй и Григорій...

Григорій не замедлилъ наградить своего высокаго защитника. Чрезъ короткое время Алексѣй, опальный, простой епископъ, изъ захолустья, получилъ высокое, выдающееся положеніе: онъ, къ удивленію всѣхъ, былъ назначенъ экзархомъ Грузіи и возведенъ въ архіепископы...

Проводя его на этотъ постъ, „старецъ" писалъ царямъ: *„Папа мой миленькаи и мама. Кого послать на Кавказъ, покою вамъ нѣтъ. А вотъ дорогой епископъ Тобольскій Алексѣй хоть-куда. Ему и мѣсто на Кавказъ. Пошлите его. Это я очень желаю. Онъ меня ласкаетъ. Понимаетъ подвигъ. Честь ему нужну оказать. Вѣрный вездѣ вѣрный. И на Кавказъ онъ будетъ нашимъ другомъ. Да, я. Григорій".*

Алексѣй блаженствовалъ недолго. Онъ скоро умеръ отъ горловой чахотки, а послѣ его смерти, дня черезъ три, застрѣлился его секретарь изъ-за какихъ-то недоразумѣній по отчету въ денежныхъ суммахъ экзархата.

9. Въ 1913 году, за переводомъ Владиміра въ Петербургъ, освободилась Московская митрополичья каѳедра.

Начали гадать: кого государь назначитъ въ Москву. Общественное мнѣніе остановилось на двухъ видныхъ кандидатахъ: Сергіи Финляндскомъ и Антоніи Волынскомъ.

Между ними завязалась уже борьба: сторонники того и другого старались разукрасить всячески своихъ любимцевъ; печатались по ихъ адресу похвальныя статьи, выдумывали, по обыкновенію, ихъ добродѣтели, приписывали имъ несуществующія у нихъ качества души и т. д.

Горячка шла порядочная. Вдругъ, противъ всѣхъ ожиданій, Николай назначаетъ митрополитомъ Московскимъ Томскаго архіепископа Макарія, человѣка только съ семинарскимъ образованіемъ, старичка хитренькаго, покладистаго.

Всѣ недоумѣвали по поводу этого назначенія, недоумѣвали, потому что не знали, что Макарій съ давнихъ поръ—большой другъ „блаженнаго“ Распутина.

Вотъ „старецъ“ и вызволилъ убогаго, слабенькаго старичка изъ алтайскихъ ущелій на каѳедру знаменитаго Филарета, а на мѣсто старичка Макарія, въ Томскъ, онъ провелъ другого своего друга, епископа Барнаульскаго Мелетія, который какимъ-то образомъ обратилъ Григорія когда-то на путь покаянія, приказавши ему странствовать и „старчествовать“.

О назначеніи Макарія на Московскую каѳедру Распутинъ писалъ Николаю и Александрѣ такъ:—„*Миленькаи папа и мама! Много шуму, много спору, а все одна суета. Іого послать на Москву. Антонея не надо, онъ лукавъ. Да молодъ. Зависть пойдетъ и злоба. А бѣсамъ того и надо. Вотъ кого: подвижника алтайскаго Макарія, мово други. Божій старецъ. Ею надо. Да. Григорій*“. (Дневники О. В. Лохтиной).

10. Волны народнаго движенія 1905 года выбросили на поверхность русскаго житейскаго моря очень хитраго, умнаго, корыстолюбиваго, кровожаднаго, гордаго и клеветливаго попа Восторгова. Съ Кавказа его взяли въ Москву. Здѣсь онъ быстро пошелъ въ гору на „патріотическомъ“ поприщѣ. Получилъ митру.

А. И. Дубровинъ говорилъ:—„Восторговъ получилъ митру на царской конюшнѣ“.

Что это значитъ, я не понимаю. Только догадываюсь, что въ дѣлѣ полученія Восторговымъ митры большую роль сыгралъ начальникъ придворной конюшенной части—князь Путятинъ.

Іоаннъ Кронштадтскій называлъ Восторгова просто мазурикомъ...

Несмотря на это, Восторговъ все шелъ въ гору, и въ гору. Чуть не каждый годъ онъ получалъ ордена...

Гдѣ причина этого страннаго явленія? Вотъ гдѣ, Восторговъ очень дружилъ со старцемъ Распутинымъ!

зная, но не заикаясь, объ его безстыдныхъ „подвигахъ“ и злодѣяніяхъ.

Но было время, когда Восторговъ находился въ опасности. Когда онъ могъ упасть съ лѣстницы славы и могущества и разбиться навсегда.

Видите, въ чемъ дѣло. Восторговъ однажды поднесъ наслѣднику Алексѣю икону и сказалъ, что эта икона его родовая... Повѣрили. Но неугомонные „союзники“, во главѣ съ врачомъ А. И. Дубровинымъ, за голову котораго, кстати сказать, Восторговъ въ свое, нужное, время давалъ 20.000 рублей, пронюхали, что икона вовсе не родовая, а купленная въ Петербургѣ, на Александровскомъ или Апраксинскомъ рынкѣ...

Противъ Восторгова подняли кампанію. Скандалъ былъ въ разгарѣ и грозилъ нехорошимъ концомъ. Но Восторговъ, по всей вѣроятности, родился въ сорочкѣ. Онъ обратился къ „блаженному старцу“. „Старецъ“ не замедлилъ написать „миленькимъ папѣ и мамѣ“. Писалъ онъ, по обыкновенію, такъ: „*Миленькаи! Бѣсы напали на отца Ивана. Икону на него. А вы не слушайте. Хоша она и базарская, а все равно святая, какъ принять и еще болъ. А Восторгову награду за Сибирь. Враги пусть плачутъ. Григорій*“. (Дневники О. В. Лохтиной).

Вскорѣ послѣ этого попъ Восторговъ получилъ отъ царей орденъ Св. Анны первой степени.

Коротко и ясно!

11. Правою рукою попа Восторгова въ Москвѣ былъ архимандритъ Макарій Гнѣвушевъ, настоятель Петровскаго монастыря.

Онъ завелъ въ этомъ монастырѣ такіе порядки, что прихожане монастыря, почтенные купцы старинныхъ фамилій, подавали на него нѣсколько разъ въ Синодъ жалобы, обвиняя Макарія въ уголовныхъ преступленіяхъ.

Всѣ ихъ прошенія-жалобы оставались безъ послѣдствій. Бѣдные жалобщики недоумѣвали, что это значитъ.

Несчастные! Они не знали одного: не знали того, что Макарій, какъ и Восторговъ, большой пріятель блаженному сибирскому подвижнику и изгнителю бѣсовъ, какъ Григорій всегда любилъ себя называть: еще бывало стукнетъ себя кулакомъ въ грудь, да скажетъ такъ гордо, гордо:—„Я изгнитель бѣсовъ. У, какъ они меня боятся. Бѣгутъ, ревутъ!“...

Да, такъ благодаря другу—изгонителю бѣсовъ, Макарій держался, и противъ него ничего не могли сдѣлать сотни скорбѣвшихъ о поруганіи священнаго мѣста—монастыря—людей.

Спасая своего друга, Распутинъ писалъ самому *Макарію*: „Миленькій, отче! Твое письмо я отослалъ въ Крымъ и черновикъ телеграммы оберъ-прокурору: вѣдь бѣды на насъ—горе имъ, а не намъ, пойми, не здѣсь духъ, а мы тамъ идемъ".

Оберъ-прокурору Саблеру: „Миленькій! Премудрость: Снизойди Гиѣвушину поменѣе наказанія; для него смерть. Новый!"

Вырубовой въ Ливадію: „Бѣды на праведникахъ; помогите ему, труженикъ для войскъ. Цѣлую васъ. Пишите все, читать есть кому".

Царю Николаю и царицѣ Александрѣ: „*Папа мои миленькаи и мама! О какъ многое множество жалобъ на Макарія. А что бѣсамъ надо. Все на нашихъ друзей идутъ. А вы не строго поступайте. Надо его ласкать, онъ сдѣлалъ много, на него клевещутъ жиды. Защита ему нужна. Видѣлъ его. Жалко. Вамъ вотъ пишу я. Да. Григорій*".

Вскорѣ послѣ этого Макарій получилъ санъ епископа.

12 Въ великихъ мукахъ родился въ Россіи въ освободительные годы (1904—1907) вопросъ о созывѣ церковнаго собора... Объ этомъ долго говорили, много писали, совѣщались, устраивали предсоборныя присутствія, но ничего не вышло, „возъ и нынѣ тамъ", собора нѣтъ и, по всей вѣроятности, нескоро онъ будетъ...

И все это потому, что „блаженный старецъ" не хочетъ собора; онъ мнѣ лично говорилъ: „и безъ собора хорошо; есть Божій помазанникъ и довольно; Богъ его сердцемъ управляетъ, какой же еще нужно соборъ".

А другу своему Даманскому, когда слухи о созывѣ собора обострились, онъ такъ телеграфировалъ 5 марта 1912 года: „*Неужели, миленькій соборъ? Ахъ! не доросли*". (Дневники Лохтиной).

Да! Не доросли! Вотъ и все! Возрастъ русской церкви будетъ совершеннымъ только послѣ смерти „старца". А сейчасъ она не доросла, потому что не можетъ понимать и даже отвергаетъ „подвиги" „великаго праведника". Можно утверждать, что соборъ бу-

детъ созванъ только послѣ смерти „блаженнаго“, или же послѣ его „паденія“.

13 Гораздо болѣе приведенныхъ случаевъ государственная и церковная сила Распутина сказалась на фактахъ двукратнаго возвращенія меня въ Царицынъ.

Здѣсь Григорій проявилъ себя не только русскимъ царемъ, но и патріархомъ. Проявилъ съ такою силою, что даже самого царя сдѣлалъ въ рукахъ своихъ игрушкою, а на Синодъ и на Совѣтъ Министровъ прямо плевалъ.

Думаю, что читатель хорошо помнитъ, какъ я, гонимый Столыпинымъ и послушнымъ ему Синодомъ за обличительныя проповѣди изъ Царицына въ Минскъ, встрѣтился въ Великую Субботу, въ покояхъ еп. Ѳеофана, съ „блаженнымъ и великимъ прозорливцемъ“, и какъ Григорій, ища моей дружбы, предложилъ мнѣ свое благодѣяніе—возвратить меня въ Царицынъ...

Не зная въ то время Распутина и не будучи предупрежденъ о немъ Ософаномъ, который тогда уже вѣдалъ „подвиги старца“, я принялъ „добро“ изъ рукъ рокового для меня, и думаю, что для всей Россіи, человѣка...

На второй день Пасхи я получилъ чрезъ О. В. Лохтину письмо изъ Царскаго отъ А. А. Вырубовой. Она писала мнѣ: „по благословенію о. Григорія, мама приметъ васъ завтра въ 9 часовъ вечера у меня въ квартирѣ, на Церковной улицѣ № 2. Отъѣзжайте изъ Петербурга въ Царское съ поѣздомъ въ 8½ часовъ. Анна“.

Дѣйствительно, на слѣдующій день я видѣлся съ императрицей въ указанномъ мѣстѣ и бесѣдовалъ съ ней 50 минутъ. Ждали царя и Григорія, но они почему-то не пріѣхали.

Александра взяла съ меня подписку, что я не буду обличать правительство. Я далъ эту подписку, какъ и всякую другую далъ бы въ то время, лишь бы только возвратиться въ Царицынъ.

На другой день послѣ пріема Григорій мнѣ говорилъ:—„вотъ, дружокъ, о тебѣ съ царемъ говорилъ. Я ему: „возврати Иліодорушку въ Царицынъ!“ А онъ мнѣ: „Какъ же это сдѣлать, Григорій?! Вѣдь я уже два раза

подписался на докладахъ Столыпина, чтобы Иліодора удалить изъ Царицына въ Минскъ. Если я отмѣню свое рѣшеніе, то тогда что же про меня скажутъ министры, Синодъ и Россія?" А я ему и выпалилъ: „ты—царь?" —„Да?—Да!" говоритъ. „Ну, такъ будь всегда царемъ. Ты какъ подписывался на докладахъ?" „Вотъ какъ: слѣва на право!" —„Да! Такъ теперь распишись справа на лѣво! Отмѣни свое слово и только! Вотъ тогда ты настоящій царь, умѣющій владѣть собою, и плюешь на всѣхъ!" И папа послушался; сказалъ: „сдѣлаю, но только это въ послѣдній разъ; пусть Иліодоръ знаетъ и не трогаетъ мое правительство и моихъ министровъ".

Такъ посовѣтовалъ Григорій.

Въ тотъ же день я говорилъ по телефону съ оберъ-прокуроромъ С. М. Лукьяновымъ.

— Вы скоро уѣдете изъ Петербурга?—спрашивалъ Лукьяновъ.

— Черезъ два дня!

— Конечно, въ Минскъ?

— Нѣтъ, въ Саратовъ!

— Какъ такъ? Въ Минскъ вамъ нужно ѣхать!

Вмѣсто отвѣта я повѣсилъ трубку и уѣхалъ въ Саратовъ.

Въ Саратовѣ получилъ отъ Вырубовой телеграмму:—„Дѣло двигается. Анна".

Черезъ двадцать дней получилъ отъ Синода указъ о возвращеніи меня обратно въ Царицынъ. Въ указѣ была приведена такая резолюція царя:—„Разрѣшаю іеромонаху Иліодору возвратиться въ Царицынъ на испытаніе, и въ послѣдній разъ. Николай".

Чувствамъ благодарности къ сильному благодѣтелю—Г. Е. Распутину-Новыхъ въ душѣ моей не было предѣла.

Жизнь вошла въ обычную колею, и пошла обычнымъ порядкомъ. Я, забывъ о данной подпискѣ не обличать правительства и министровъ, по-прежнему нападалъ на нихъ за корыстолюбіе, за неправду, за нечестность, за неисполненіе требованій православной религіи.

Столыпинъ, Татищевъ, Синодъ, обозленные моею первою „побѣдою", и, боясь, по свидѣтельству гр. Игнатьевой и товарища-министра внутреннихъ дѣлъ—Курлова, какъ-бы я не поднялъ бунта народнаго на Волгѣ и не повторилъ бы знамениту Пугачевщину,

усерднѣй прежняго думали о томъ, какъ-бы меня изъ Царицына куда-либо убрать.

И додумались.

Къ январю мѣсяцу 1911 года Столыпинъ убѣдилъ царя, что меня нужно непремѣнно убрать изъ Царицына.

Николай въ концѣ-концовъ согласился, и Синодъ назначилъ меня настоятелемъ въ Новосильскій монастырь, Тульской губерніи.

И въ этотъ разъ я за помощью къ „блаженному старцу" не обратился. Но онъ, не желая упустить изъ своихъ рукъ хорошую рыбу, пойманную имъ совершенно случайно въ Великую извѣстную субботу, самъ началъ хлопотать обо мнѣ.

Сначала-то онъ, повидимому, думалъ такъ, что мнѣ лучше поѣхать на время въ Новосиль, какъ, по его порученію, и писалъ мнѣ А. Э. Пистолькорсъ.

Съ этой цѣлью онъ приказалъ царю, какъ уже и читателю извѣстно, послать для моего увѣщанія епископа Пареенія, а потомъ флигель-адъютанта Мандрыку.

Пареенію я за ужиномъ сказалъ:—Вы тамъ въ Синодѣ не пляшите передъ полицеймейстеромъ Столыпинымъ, и не насилуйте Невѣсту Христову—Церковь Божію. Услышавъ это, Пареній вскочилъ изъ-за стола, бросилъ половину вареника на вилкѣ на столъ, держа другую половину зубами на губахъ... Собрался уѣзжать съ жалобой на Гермогена за то, что будто-бы послѣдній портитъ меня, но рѣшилъ подождать Мандрыку.

Мандрыка пріѣхалъ торжественно, въ сопровожденіи вице-директора департамента полиціи—Харламова и Саратовскаго вице-губернатора Боярскаго, въ полной парадной формѣ, при всѣхъ чинахъ и орденахъ.

Онъ вытянулся въ струнку и громкимъ голосомъ въ одну высокую ноту отрапортовалъ мнѣ:—Я пріѣхалъ передать вамъ волю его императорскаго величества, самодержца всероссійскаго. Воля его императорскаго величества такова, чтобы вы ѣхали изъ Царицына въ Новосиль!

— Больше ничего?—спросилъ я.

— Больше ничего.

— Такъ передайте его императорскому величеству, самодержцу всероссійскому, что я въ Новосиль не поѣду, ибо знаю, что это—воля не его, а насильника Столыпина.

Мандрыка удалился. А Парѳеній вздохалъ, повалился на диванъ и заговорилъ:—охъ, охъ! У меня чуть разрывъ сердца не случился! Да развѣ такъ можно отвѣчать? Вѣдь это вы самому царю такъ дерзко говорили?!

— Не царю, а Аркадьевичу. Не уступлю ему, врагу Божьей церкви! Никогда не послушаюсь: ни царя, ни Синода...

Въ концѣ-концовъ настоятеля Новосильскаго монастыря жандармы представили братіи...

Сыщики жили въ монастырѣ, слѣдили за мною, исповѣдывались у меня и на исповѣди со слезами увѣряли меня, что они—не сыщики, а просто богомольцы...

Но не услѣдили, я убѣжалъ въ Царицынъ. Сидѣлъ съ народомъ въ монастырѣ 20 дней, сидѣлъ до тѣхъ поръ, пока 3-го апрѣля 1911 года не получена была отъ митрополита Антонія такая телеграмма:—„государю императору, во вниманіе къ мольбамъ народа, благоугодно было 1-го апрѣля разрѣшить іеромонаху Иліодору возвратиться въ Царицынъ изъ Новосилья. Митрополитъ Антоній".

Я до іюня мѣсяца того же года наивно думалъ, что здѣсь, правда таки, подѣйствовали на царя и царицу мольбы народныя, но въ іюнѣ мѣсяцѣ, какъ уже говорилось, „старецъ" объяснилъ мнѣ, въ чемъ дѣло

Я сначала не повѣрилъ, но одинъ скандалъ, устроенный въ монастырѣ „старцемъ", укрѣпилъ мою вѣру въ томъ, что и второе возвращеніе меня въ Царицынъ онъ устроилъ.

Дѣло было такъ. Красивенькая уральская учительница устроила у себя въ номерѣ угощеніе для „старца".

На это угощеніе позвали и бывшаго въ монастырѣ моего роднаго брата Михаила, очень подозрительно относившагося къ „старцу" за его поцѣлуи и вообще прикосновенія къ женщинамъ.

Когда зашла рѣчь о томъ, кто возвратилъ батюшку, то-есть меня, въ Царицынъ, Лохтина, Лаптинская и самъ Григорій категорически утверждали, что это сдѣлалъ „старецъ" своими телеграммами изъ Іерусалима.

Братъ Михаилъ, какъ человѣкъ грубоватый, прямой и нетерпѣливый, стукнулъ по столу кулакомъ и закричалъ:—Врете вы всѣ! Не Григорій возвратилъ о. Иліодора, а народъ его отстоялъ.

Тутъ Григорій прямо взбѣсился: зафыркалъ, заплевалъ, заругался, бросилъ салфетку подъ столъ, всталъ изъ-за стола и убѣжалъ.

Негодованіе его было такъ искренно, что очевидцы этого скандала вполнѣ увѣровали, что—Григорій былъ правъ, а братъ Михаилъ напрасно его жестоко обидѣлъ...

14 „Блаженный" Григорій и „миловалъ" меня и „каралъ". Читателю извѣстно, что 21-го мая 1911 года, я представлялся Николаю; служилъ всенощную при немъ и проповѣдывалъ. Служба и проповѣдь ему очень понравились; онъ благодарилъ меня и говорилъ:—Пріятно было съ вами Богу молиться. Хвалилъ меня въ обществѣ гвардейскихъ офицеровъ и Григорію.

Пожелалъ наградить меня возведеніемъ въ санъ архимандрита. Далъ объ этомъ приказъ. Въ началѣ іюня газеты уже печатали, что я, по высочайшему соизволенію, возвожусь въ санъ архимандрита. Гермогенъ поздравлялъ меня съ монаршею милостью...

Но потомъ все заглохло... Мнѣ ничего не было. Гдѣ причина?—Причина простая. Пріѣхавши въ Царицынъ въ двадцатыхъ числахъ іюня, „старецъ" очень замѣтилъ, что я „непочтительно отношусь къ его положенію, что я испортился"... Замѣтилъ и написалъ царямъ:—*Миленькіе папа и мама! Вотъ Иліодорушка-то маленько испортился. Не слушается. Погодите ему митру. Пусть такъ будетъ, а тамъ видно. Онъ ничего, да Гермогена слушаетъ. Епископъ Ѳеофанъ послушался и запутался. Надо смотрѣть кому что. Григорій*". (Дневники Лохтиной).

Послѣ этого письма съ моимъ архимандритствомъ „повременили" до Флорищевой пустыни, а въ пустынѣ содрали съ меня и монашескую шкуру за дерзкое отношеніе къ „великому праведнику" и за „гордость".

Такъ „блаженный старецъ" работалъ. Но работа его достигла наивысшаго предѣла успѣшности въ дѣлѣ ссылки меня и Гермогена за возстаніе на своего „друга и благодѣтеля". Объ этомъ подробная рѣчь будетъ въ послѣдней, пятой главѣ, а пока я поставлю ребромъ вопросъ: чѣмъ же Распутинъ беретъ успѣхъ? И какимъ образомъ, наконецъ, онъ достигъ господства надъ царемъ и царицею? Въ отвѣтахъ на поставленные вопросы я ограничусь почти исключительно прямыми выводами изъ высказаннаго прежде.

Распутинъ—самый форменный, грязный, корявый русскій мужикъ, 48 лѣтъ. Сильная воля дала ему возможность круто повернуть отъ разгульной жизни къ подвигамъ поста и молитвы.

Сначала этими подвигами, а потомъ крайнимъ половымъ развратомъ онъ утончилъ свою плоть и довелъ нервы свои до высшаго предѣла колебанія. Это достигается вообще: или подвигами, или половымъ развратомъ или, наконецъ, бываетъ результатомъ какой-либо изнурительной болѣзни, напримѣръ, чахотки.

Во всѣхъ такихъ случаяхъ люди бываютъ очень нервны, впечатлительны, глубоко чувствуютъ, проникаютъ въ душу другого, читаютъ мысли посторонннихъ и даже предсказываютъ.

Распутинъ—пророкъ; прозорливый, натура—сильная духомъ, экзальтированная, глубоко чувствующая и проникающая въ души другихъ.

Сила, въ немъ находящаяся, которую самъ „старецъ“ называлъ писателю Родіонову „электричествомъ“, исходитъ изъ него чрезъ руки, а преимущественно чрезъ его сѣрые, непріятные, пристальные, рѣзкіе глаза.

Этою силою онъ прямо-таки покоряетъ себѣ всякую слабую впечатлительную душу.

При всемъ этомъ онъ не ѣстъ мяса и не пьетъ вина.

Успѣхъ его проявился преимущественно въ низахъ народныхъ и въ самыхъ верхахъ. Въ серединѣ—опъ успѣха не имѣлъ и не имѣетъ.

Это объясняется тѣмъ, что въ низахъ и въ верхахъ ищутъ Бога... Въ низахъ ищутъ потому, чтобы хотьнадолго мыслями о будущей жизни забыться отъ тяготы земной жизни.

Въ верхахъ ищутъ Бога, занимаются мистическими вопросами отъ переполненія чрева: тамъ все уже земное извѣдано, и вотъ любопытство толкаетъ сытыхъ людей въ область еще непознаннаго.

Въ серединѣ народной жизни этого, повторяю, нѣтъ, потому что тамъ люди поглощены заботами о насущномъ кускѣ хлѣба, но жизнь ихъ не настолько трудна, чтобы подъ ея давленіемъ пищать и вопить къ небу о помощи...

Стоитъ только какому-либо проходимцу явиться въ народные низы или въ самые верхи, вести себя странно, поститься, притворно молиться, называть себя пророкомъ, разбрасывать предсказанія направо и налѣво,— а авось какое-либо изъ нихъ да и исполнится,—говорить отрывочными, непонятными фразами, странно прыгать, дѣлать разныя ужимки и т. д., какъ низы народные начинаютъ указывать на того субъекта пальцами и говорить—Пророкъ! Прозорливецъ! Божій человѣкъ!..

Тутъ сказанное „пророкомъ“ на комъ-либо совершенно случайно сбывается, и народная молва растетъ, растетъ.

Сотни поклонниковъ обращаются въ тысячи до тѣхъ поръ, пока не откроются „подвиги“ пророка...

Григорій все это хорошо понималъ. И съ такимъ пониманіемъ дѣла онъ началъ свою „старческую“ дѣятельность. Дѣлалъ такъ, какъ уже сказано.

Имѣлъ успѣхъ: и въ верхахъ, и въ низахъ.

Итакъ, по волѣ провидѣнія, направляющаго все къ тому, чтобы избавить многострадальный русскій народъ отъ вѣковыхъ державныхъ разбойниковъ, „святой чортъ“ связалъ Николая и Александру, связалъ по рукамъ и по ногамъ.

Связалъ для того, чтобы ихъ, связанныхъ, легче было взять, и освободить отъ нихъ Россію.

Связалъ, но объ этомъ ни Николай, ни Александра, и никто изъ ихъ компаніи не скажетъ...

Скорѣе царь и царица пойдутъ противъ мнѣнія всей Россіи, скорѣе они смерти предадутъ вѣрныхъ слугъ своихъ, но со „святымъ чортомъ“ не развяжутся.

Тамъ они все-таки могутъ утѣшать себя тѣмъ, что пройдетъ шумъ, смирятся возставшіе на нихъ изъ-за старца и на самого старца, но выгнать отъ себя Распутина, спасителя, чудотворца и наставника, для нихъ—явная погибель, открытая могила, могила навсегда!..

Они это хорошо понимаютъ, знаютъ и благоразумно дѣйствуютъ.

Распутинъ же, чтобы крѣпче держать ихъ въ своихъ діавольскихъ рукахъ, пугая ихъ, твердитъ имъ, какъ онъ мнѣ самъ передавалъ:—если меня около васъ не будетъ, то наслѣдникъ умретъ.

Ему вѣрятъ они. Жалко наслѣдника.

А чтобы поддержать свой авторитетъ внѣ двора, Распутинъ пускаетъ въ ходъ свою изворотливость и хитрость.

Проявляетъ наглость и безстыдство до послѣдней степени: его открыто изобличаютъ, а онъ идетъ дальше и дальше, какъ ни въ чемъ не бывало, поднимается выше и выше, называя себя подвижникомъ, чудотворцемъ, пророкомъ, исполняющимъ какую-то особенную волю Божію...

Ханжитъ, чудовищно лицемѣритъ, заискивающе улыбается, когда нужно, суетъ бѣднымъ деньги, благо ему открытъ неограниченный кредитъ въ царскомъ карманѣ.

Презирая выводы общественнаго мнѣнія объ его дѣятельности, онъ настойчиво популяризируетъ себя очень часто фотографическими снимками, позированіями художникамъ для писанія его портретовъ, и показываетъ себя въ кинематографическихъ лентахъ.

Окружаетъ себя шумными, усердными поклонниками, умѣющими всегда постоять за честь „великаго старца"; обзаводится подручными и послушными газетными сотрудниками, которые за какое-нибудь „старческое" обѣщаніе охотно, конечно, страшно преувеличенно, расписываютъ объ его пріемахъ, на которыхъ, будто бы, бываетъ просителей болѣе, чѣмъ у министровъ, и во время которыхъ, будто бы, „старецъ" раздаетъ деньги направо и налѣво.

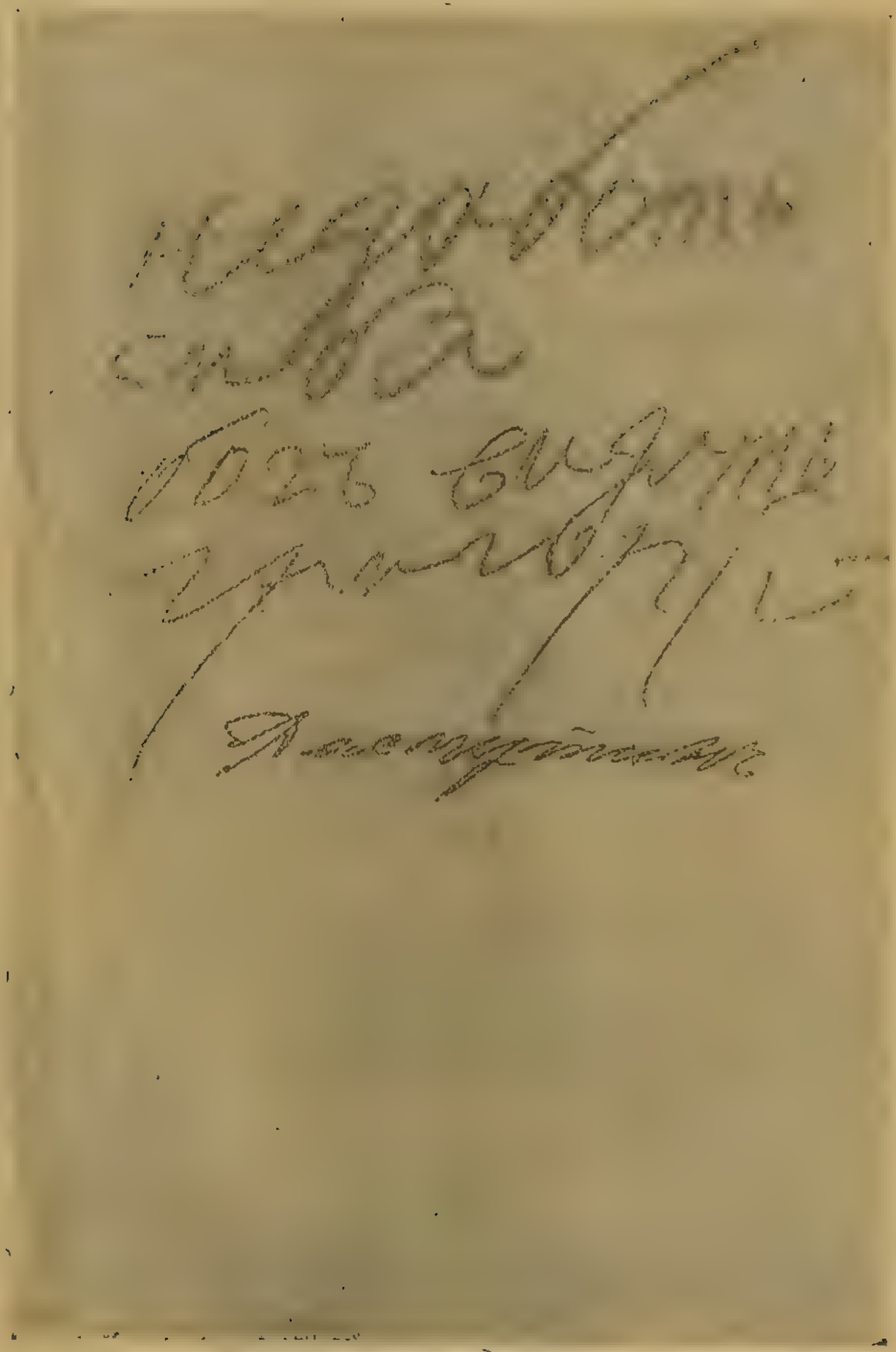
Правда, онъ иногда, какъ сказано, деньги раздаетъ, особенно у себя въ Покровскомъ и въ другихъ мѣстахъ, но всегда онъ дѣлаетъ это, преслѣдуя личныя выгоды, и, конечно, ужъ не настолько онъ много разъ, какъ объ этомъ пишутъ его „присяжные репортеры".

Гораздо охотнѣе „старецъ" кладетъ деньги на сбереженіе въ банкъ, это—фактъ!—и, кажется,—хорошо не одинъ—въ послѣднее время онъ купилъ для себя, кажется, гдѣ-то въ Сибири, болѣе тысячи десятинъ земли.

Обзаводится также видными друзьями, чтобы знакомствомъ съ ними реабилитировать себя не предъ Богомъ, а предъ обществомъ, съ цѣлью заткнуть потомъ ему, наблюдающему его „дѣятельность", ротъ...

Распутинъ и его поклонницы.

Распутинъ. Епископъ Гермогенъ. Илиодоръ.



Автографъ Распутина.

V. Кампанія противъ Распутина.

По свидѣтельству Мити блаженненькаго Оеофанъ, чуть ли не первый, по времени, другъ Распутина, давно зналъ про «подвиги» старца Григорія. Нѣсколько разъ онъ ставилъ его предъ иконами и бралъ съ него клятву никоимъ образомъ не прикасаться къ женскому полу, и вести себя прилично...

«Старецъ» клялся, божился, но бросить своего «врачебнаго искусства» не могъ, или не хотѣлъ.

Оеофанъ терпѣлъ, быть можетъ, боясь «старца», быть можетъ, надѣясь привести его къ покаянію.

Въ январѣ 1910 года, Θеофанъ, не выступая противъ Григорія открыто, все же поднялъ противъ него кампанію.

Помощникомъ своимъ онъ избралъ своего ученика—приватъ-доцента академіи,—уже извѣстнаго читателю, іеромонаха Веніамина.

Газеты, хотя и очень сдержанно, но начали тоже бросаться на «блаженнаго старца».

Распутинъ, только что сдѣлавшій визитъ мнѣ въ Царицынѣ, и перебравшійся для своего «великаго дѣла» въ Питеръ, прислалъ мнѣ письмо: «голубчикъ! Вѣдь ты же ничего не видѣлъ, когда я былъ въ Царицынѣ, а Θеофанъ съ Веніаминомъ меня грязью забрасываютъ. А я въ Царицынѣ только ласкалъ людей, и боле ничего. Войди въ защиту. Григорій».

Я, правда, ничего не видѣвшій отъ него въ Царицынѣ кромѣ поцѣлуевъ, не повѣривъ разсказамъ о Григоріи отца Петра Остроумова, и не получивъ никакого предупрежденія отъ Θеофана даже въ Великую Субботу, когда онъ имѣлъ возможность и даже долженъ былъ отвести меня отъ дружбы съ «старцемъ», началъ защищать своего друга и благодѣтеля, защищать безъ всякихъ корыстолюбивыхъ намѣреній.

Защищалъ отчаянно. Поцѣлуи и баню я объяснялъ его

безстрастіемъ, ибо искренно вѣрилъ «старцу», что ему прикоснуться къ женщинѣ все равно, что къ чурбану.

Два воскресенья сряду, по вечерамъ, я говорилъ пяти тысячамъ народа двухчасовыя рѣчи въ защиту «блаженнаго» прозорливца...

Камеръ-юнкеръ А. Э. Пистолькорсъ по телеграфу изъ Петербурга просилъ меня изложить проповѣди на бумагѣ, и выслать ему для передачи «папѣ и мамѣ».

Я, никогда вообще не записывавшій своихъ проповѣдей, защитительныя рѣчи записалъ и отослалъ Пистолькорсу.

Скоро отъ него получилъ отвѣтъ, что рѣчи читались государемъ и государыней, и очень имъ понравились.

Но рѣчи не понравились Л. Тихомирову и писателю М. А. Новоселову, такъ какъ я въ нихъ нападалъ на нихъ за «оскорбленіе брата Григорія» и особенно не понравились П. А. Столыпину.

По поводу моихъ рѣчей Столыпинъ, уже къ тому времени окончательно разошедшійся со «старцемъ», дважды входилъ въ Синодъ съ своимъ мнѣніемъ.

Синодъ присылалъ Гермогену два указа о рѣчахъ моихъ въ защиту Распутина. Въ указахъ тѣхъ только утверждался фактъ, что тогда-то и тогда-то я въ монастырскомъ храмѣ защищалъ Григорія Распутина. Но ставилъ ли самъ Столыпинъ и Синодъ защиту Распутина мнѣ въ вину, изъ указовъ не явственно.

Когда окончились дни защиты, въ концѣ января 1910 г., я получилъ отъ Веніамина одно за другимъ два письма. Веніаминъ въ тѣхъ письмахъ писалъ мнѣ приблизительно такъ: «Дорогой отецъ Иліодоръ! по порученію владыки Ѳеофана я пишу вамъ о слѣдующемъ. Мы оба умоляемъ васъ не защищать Григорія, этого истиннаго дьявола и Распутина. Клянемся Богомъ Всемогущимъ, что на исповѣди у владыки Ѳеофана открылись его пакостныя дѣла. Дамы, имъ обиженныя, и дѣвицы В. и Т., имъ растлѣнныя, свидѣтельствуютъ противъ него.

Онъ, сынъ бѣсовскій, насъ водилъ въ баню и нарочно увѣрялъ насъ, что онъ безстрастенъ... А потомъ мы поняли, что онъ лгалъ и обманывалъ насъ. Повѣрьте намъ, и не защищайте больше его... Любящій Васъ іеромонахъ *Веніаминъ*».

Почти одновременно съ этими письмами, приходитъ ко мнѣ царицынская дама П. и говоритъ: «Вотъ, дорогой батюшка, мы, замѣтивъ въ о. Григоріи кое-что неладное,—

у г-жи П. есть молоденькая, красивенькая замужняя дочка, живущая у нея въ домѣ, —послали запросъ о немъ къ епископу Ѳеофану въ Петербургъ; получили письмо. Вотъ оно».

Я взялъ письмо и прочиталъ: «Сестра Варвара! Храни Васъ Господь имѣть какое-либо дѣло съ Григоріемъ Распутинымъ. Онъ—подлинный слуга діавола. Епископъ *Ѳеофанъ*».

Прочитавши Веніаминовы письма и письмо Ѳеофана П. я обратился къ Распутину съ письмомъ, прося его отвѣтить.

Распутинъ писалъ мнѣ: «Миленькій мой Иліодорушка! Не вѣрь ты клеветникамъ. Они на меня клевещутъ. А знаешь почему? Изъ зависти! Вотъ я ближе ихъ стоялъ къ царямъ, цари меня больше любятъ, а ихъ нѣтъ. Вотъ они и пошли противъ меня, хотятъ свалить меня! Не вѣрь имъ. Имъ за этотъ грѣхъ капутъ. Закроется для Ѳеофана лазутка. *Григорій*».

Въ этотъ разъ я Григорію не повѣрилъ. Душа моя поднялась на него. Ясныя сомнѣнія начали точить мое сердце. Я ждалъ новыхъ разъясненій.

Во время этого ожиданія я получилъ отъ Григорія изъ Петербурга или изъ Покровскаго такую телеграмму: «папа обѣщалъ золотую шапку. *Григорій*».

Не помню, право, что я подумалъ при чтеніи этой телеграммы. Но послѣдовавшій вскорѣ за этимъ извѣстный визитъ ко мнѣ монахини Ксеніи, вывелъ меня изъ нерѣшительности и положилъ между мною и Григоріемъ преграду, серьезную преграду навсегда...

Съ того дня я только и молилъ Бога о томъ, какъ бы мнѣ развязаться съ «старцемъ», умѣвшимъ и могшимъ держать пойманныхъ друзей въ своихъ рукахъ...

Почуявши для себя и своихъ царственныхъ друзей большую бѣду отъ выступленія Ѳеофана и громкаго шума, поднятаго по поводу этого выступленія, Григорій энергично принялся за самооправданіе. Пріѣхавши въ Петербургъ, онъ писалъ Вырубовой: «Здравствуй, дорогая отроковица небесъ! А я чѣмъ похвалюсь? Немощами. Богъ да воздастъ за благодеяние чистоты Вашей. Писалъ Григорій богомолецъ вашъ,—поруганъ всѣми. Желалъ бы видѣть. Остановился у Сазоновыхъ».

Ѳеофану заискивающе писалъ: «благослови, Владыко, непотребнаго и прости. Поклоняюсь предъ вашимъ смиреннымъ саномъ. Ежели я огорчилъ—помолись и прости;

будемъ помнить хорошую бесѣду, а худую забывать и молиться. А все-таки бѣсъ не столь грѣхъ, а милосердіе Божіе болѣ. Прости и благослови, какъ прежній единомышленникъ. Писалъ Григорій».

Въ другой разъ «богомолецъ» писалъ Ѳеофану такъ: «Благослови, владыко! Я желаю икону, которая на Невскомъ; она вотъ мнѣ и говорила, что помнишь плакала о Россіи, это не долженъ забыть; какъ она захочетъ Матушка, и положитъ на память. Ваша воля, я говорю не отъ себя, такъ Богу угодно. Прошу, молись. Писалъ Григорій епископу Ѳеофану».

Антонію, епископу Волынскому: «Благослови, владыко миленькій, не обижайтесь. Я вамъ зла не принесу, а ежели вашихъ очахъ я палъ, то молитесь. Вы наши пасемы, и пасите назиданьями и молитесь о грѣшномъ Григоріи; а евреи пусть ругаютъ. Писалъ Григорій непотребный».

Антонію, митрополиту Петербургскому: «Благослови, миленькій владыко, и прости меня! Желаю васъ видѣть и охотно принять назиданье изъ устъ вашихъ, потому много сплетней. Но виноватъ, далъ поводъ, но не сектантъ, а сынъ Православной Церкви. Все зависитъ отъ того, что бываю тамъ у ихъ, Высокихъ,—вотъ мое страданье. Отругивать газету не могу».

Премьеръ-министру Столыпину: «Добрый Господинъ! Пожалуйста скажи мнѣ и спроси у Императорскихъ великихъ нашей Земли: какое я сдѣлалъ зло, и они свидѣтели всему: вѣдь у ихъ умъ болѣ, чѣмъ у кого, и примутъ кого хотятъ, или спросятъ кухарку. Я думаю просто: они хотятъ и видятъ. Лучше подумать: вѣдь духъ дышетъ, гдѣ хочетъ, не оскорбятся на то, что Богъ находится, гдѣ ему хочется».

Стрѣляя письмами во всѣ стороны, «старецъ» дѣйствовалъ при дворѣ противъ Ѳеофана... Скоро онъ сдѣлалъ Ѳеофану «капутъ».

Епископъ былъ выгнанъ изъ покоевъ императрицы, лишенъ высокаго положенія царскаго духовника.

Потомъ его выдворили и изъ Петербурга...

Въ началѣ декабря 1911 года я поѣхалъ изъ Царицына въ Петербургъ купить типографію и исхлопотать разрѣшеніе на изданіе мною въ монастырѣ журнала: «Жизнь и Спасеніе» и газеты «Громъ и Молнія».

Въ Петербургѣ я остановился на Ярославскомъ подворьѣ у епископа Гермогена, бывшаго въ то время членомъ Св. Синода.

На квартирѣ у Гермогена я каждый день встрѣчалъ Митю блаженненькаго и писателя И. А. Родіонова. Они разсказывали мнѣ про Григорія и его придворную дѣятельность невѣроятныя вещи. Родіоновъ передавалъ со словъ Щегловитова, а Митя—со словъ кн. Путятина и кн. Орлова.

Съ этими господами Григорій былъ знакомъ и раньше очень дружилъ. Я видѣлъ фотографическую карточку, гдѣ Григорій въ самыхъ дружественныхъ позахъ снятъ съ кн. Путятинымъ и капитаномъ Ломеномъ, ктиторомъ церкви своднаго полка государя.

Потомъ дружба разстроилась...

Митя объясняетъ, что разстроилась, потому что Путятинъ, Ломенъ и Орловъ узнали хорошо, что Гришка—прохвостъ; они бы его и во дворецъ не пустили, да боятся и на цыпочкахъ предъ нимъ ходятъ.

А самъ «старецъ» однажды мнѣ объяснялъ, что онъ разошелся съ Путятинымъ, потому что Путятинъ, при постройкѣ въ Петергофѣ подворья Дивѣевскаго монастыря, укралъ царскихъ денегъ 72.000, а Григорій открылъ это «пророческимъ чутьемъ» и донесъ папѣ и мамѣ. Съ тѣхъ поръ и дружба разстроилась.

Кому вѣрить—Митѣ или Гришѣ—предоставляю самому читателю, а я лично склоняюсь на сторону Мити, потому что князь Путятинъ до сихъ поръ въ большой милости у царей, и немыслимо, чтобы они такого крупнаго вора, послѣ разоблаченія его Григоріемъ, держали около себя.

12 или 13 декабря, когда Гермогенъ былъ на засѣданіи Синода по вопросу о діакониссахъ, курьеръ принесъ телеграмму и, подавая ее мнѣ, сказалъ: «Телеграмма-то на имя епископа, только текстъ ея не ему; такъ сказалъ мнѣ на телеграфѣ чиновникъ».

Я, чтобы убѣдиться въ этомъ и не принять чужой телеграммы, распечаталъ ее и прочелъ: «миленькій владыка! Былъ тамъ; они тебѣ низко кланяются. Просятъ тебя съ Ѳеофаномъ и Ѳедченкой (Веніаминомъ) не говорить. Дня чрезъ два буду. *Григорій*».

Я успокоилъ курьера. Онъ ушелъ.

Телеграмму Григорій прислалъ изъ Москвы, куда заѣхалъ по пути изъ Ливадіи, гдѣ былъ на именинахъ Николая 6-го декабря. Въ телеграммѣ передавалъ Гермогену поклонъ отъ царей.

Явился изъ Синода Гермогенъ.

Я подалъ ему телеграмму.

Гермогенъ прочиталъ ее, плюнулъ на нее и сказалъ мнѣ: «Вотъ песъ, прости Господи! Надо съ нимъ покончить!»

— Я давно вамъ, владыка, объ этомъ говорилъ.

— Какъ же поступить?

— Дѣло, владыка, очень трудное и серьезное; связаться съ этимъ діаволомъ легко было, но развязаться, какъ Богъ дастъ. Нужно поставить на карту все.

— Нѣтъ, надо монашество пожалѣть.

— Не отъ насъ будетъ это зависѣть. А мы должны, принимаясь за развязку съ «старцемъ», быть готовыми ко всему...

Гермогенъ глубоко задумался, мрачныя тѣни легли на его смуглое, серьезное и оригинальное лицо.

— Какъ же быть?..— спустя немного, продолжалъ онъ.—Вѣдь не хотѣлось бы страдать чрезъ этого гада.

— Владыка! Если приступать къ дѣлу, то вотъ какъ приступать. Пригласить Григорія сюда, обличить его, запереть его въ угловую комнату; никого до него не допускать; не подпускать его къ телефону; я ему самъ буду подавать въ комнату пищу и даже горшокъ... А тѣмъ временемъ вы ѣзжайте къ государю и убѣдите его развязаться съ «старцемъ». Упадите въ ноги и добейтесь, что для спасенія трона и Россіи нужно Григорія запхнуть въ Сибирскую нору... Если же послѣ обличенія выпустятъ Григорія, то тогда мы пропали; не знаю, какъ вы поступите, когда на насъ нападетъ онъ съ своими друзьями, а я не остановлюсь ни предъ чѣмъ!..

— Да, вы хорошо говорите; но, вѣдь, объ этомъ надо посовѣтоваться съ министромъ юстиціи.

— Хорошо, поѣдемте завтра къ нему.

Уговорились, испросили у Щегловитова время для визита и вмѣстѣ съ его другомъ—писателемъ Родіоновымъ, 14 декабря поѣхали къ нему.

Бесѣдовали о Григоріи 4 часа.

Я разсказывалъ министру про «старца» все, министръ особенно внимательно слушалъ меня, а Гермогенъ, касаясь одной рукой колѣнки моей, и смотря на Щегловитова, все говорилъ: «Да, отецъ Иліодоръ—дитя, настоящее дитя; онъ все разсказываетъ»...

Министръ улыбался, а я ему передавалъ, какъ нужно съ Распутинымъ поступить и еще добавлялъ: «потомъ, послѣ обличенія и «заключенія» Григорія, нужно послать

хорошихъ людей въ Покровское, сжечь весь домъ со всѣми вещами, чтобы сгорѣли всѣ царскіе подарки, портретъ, письма; чтобы и слѣда не осталось отъ того, что Григорій бывалъ у царей и пользовался ихъ благоволеніемъ»...

Щегловитовъ, наконецъ, заговорилъ: «Да этого, батюшка, по нынѣшнимъ временамъ нельзя сдѣлать. Какъ же человѣка запереть въ комнатѣ?»

— Такого подлеца, Иванъ Григорьевичъ, можно запереть. Это я все самъ сдѣлаю и всю отвѣтственность принимаю на себя.

Министръ глубокомысленно молчалъ.

15-го декабря Волынскій Антоній прислалъ ко мнѣ на Ярославское подворье архимандрита Виталія; прислалъ передать мнѣ, что ко мнѣ нехорошо архіереи относятся будто бы, потому что я съ Григоріемъ дружу.

Я отвѣтилъ: «Давно уже съ нимъ не дружу, а вотъ не сегодня—завтра я его къ стѣнкѣ привинчу, какъ вьюнъ, на сковородѣ запрыгаетъ».

Виталій ушелъ.

Послѣ оказалось, что Антоній стремился отбить отъ меня Григорія, чтобы «смирить» меня передъ Синодомъ, которому я до того времени не подчинялся, потому что онъ, Синодъ, плясалъ предъ Столыпинымъ, этимъ патріархомъ-городовымъ.

Роковой день развязки съ «старцемъ» приближался.

Вотъ, вотъ долженъ былъ пріѣхать изъ Москвы «великій чудотворецъ».

Я очень волновался; а желаніе развязаться съ «старцемъ» все болѣе и болѣе возрастало въ душѣ моей.

Развязать, обличить его, мнѣ желалось по слѣдующимъ причинамъ: я стремился снять съ себя грѣхъ защиты «старца», обнаружить его лукавую, хитрую, лицемѣрную душу, сорвать на немъ досаду свою за то, что онъ меня все время обманывалъ, отказываясь отъ всѣхъ пакостей, которыя ему приписывало общество и про которыя я уже къ тому времени успѣлъ точно узнать; наконецъ, я имѣлъ тайное желаніе схватиться изъ-за Григорія съ самими царями. Объ этомъ желаніи я еще 22 февраля 1911 года, когда, убѣжденный Гермогеномъ, собирался ѣхать въ Новосиль, говорилъ священнику Вострикову на перронѣ вокзала, въ г. Сердобскѣ, такъ:—батюшка, знаете, что я думаю сейчасъ?

— Что?

— Да мнѣ хочется съ самими царями сцѣпиться.

— Что вы? Что вы? Да вы тогда погибнете!

— Пусть погибну, но мнѣ хочется ихъ дернуть за то, что они съ такою сволочью, какъ Григорій Распутинъ, возятся. Посмотрю, откажутся они отъ этого подлеца, или нѣтъ. А то это что же: мы за нихъ здѣсь умираемъ, изводимся, а они тамъ, Богъ знаетъ, что раздѣлываютъ съ распутникомъ.

— Оставьте, оставьте объ этомъ и думать даже... Погибнете...

Я тогда замолчалъ, но думать не пересталъ. И въ этотъ разъ, предъ пріѣздомъ Распутина, когда я готовился взять «блаженнаго старца» за шиворотъ, эта мысль овладѣла всѣмъ моимъ существомъ.

Я весь былъ погруженъ въ приготовленіе къ обличенію.

Главнымъ образомъ, я заботился о томъ, чтобы къ извѣстному роковому часу приготовить свидѣтелей; при свидѣтеляхъ хотѣлъ обличить, чтобы Григорій послѣ не отказывался отъ того, что было, въ чемъ онъ сознался, и какъ вообще было дѣло.

Свидѣтели, конечно, нашлись; это: Родіоновъ, Митя, купецъ Чернышевъ, и священники: Ледовскій, Сошественскій и академикъ Стефанъ Твердынскій.

15-го декабря вечеромъ я говорилъ по телефону съ В. М. Скворцовымъ.

— Какъ поживаете?—спрашивалъ Скворцовъ.

— Ничего, хорошо. Вотъ готовимся распрощаться съ братомъ Григоріемъ!

— Какъ такъ?

— Да просто обличить его и проводить въ Сибирь опять землю пахать.

— Смотрите, осторожно поступайте; человѣкъ онъ— сильный и опасный. Смотрите: головы свои не сломайте.

— Постараемся рога ему обломать. Планъ хорошій есть; если по плану поступимъ, то дѣло будетъ въ шляпѣ, а если отъ плана отступимъ, то твори, Господи, волю Свою!..

— Ну, помогай Богъ... Только осторожно. Кланяйтесь владыкѣ Гермогену. До свиданія!

16-го декабря, утромъ, изъ квартиры г-жи Головиной Григорій позвонилъ по телефону, приглашая меня къ себѣ.

Поѣхалъ, а Гермогена попросилъ собрать къ 11-ти часамъ всѣхъ свидѣтелей.

Распутинъ встрѣтилъ меня очень ласково.

Я его пригласилъ поѣхать къ Гермогену.

— А что, какъ владыка? Ничего? На меня не сердится? Телеграмму получилъ?

— Ничего. Получилъ. Доволенъ. Ждетъ тебя. Такъ и сказалъ мнѣ:—поѣзжайте и привезите Григорія Ефимовича, да скорѣе, хочу съ нимъ повидаться.

— Вотъ, братъ, что поклонъ-то царскій ему сдѣлалъ. А лѣтомъ-то, когда я уѣхалъ отъ тебя, онъ на меня въ Саратовѣ во какъ нападалъ!—Оказывается, Григорій, ѣдучи въ концѣ іюня 1911 года изъ Царицына на пароходѣ, заѣхалъ къ Гермогену; Гермогенъ укорялъ «старца» за его «подвиги».

— Нѣтъ, теперь ничего!—подтвердилъ я.

— Ну, поѣдемъ, поѣдемъ, голубчикъ! Вотъ хорошо! Сѣли на извозчика и поѣхали.

Дорогою Григорій мнѣ болталъ: «И тебѣ цари низко, низко кланяются; вотъ скоро, скоро епископомъ будешь; ихній новый дворецъ видѣлъ. Пять милліоновъ стоитъ. Во какъ! Есть комнаты сплошь стеклянныя... А стекла-то стекла, фу, какія большія, широчайшія. Мама немного прихварываетъ, а папа самъ меня водилъ по дворцу. Долго меня водилъ, все показывалъ; потомъ вышли мы съ нимъ на крыльцо, и долго на небо смотрѣли. А звѣзды, звѣзды... Папа говорилъ мнѣ много, много... Больно Гермогеномъ доволенъ, что онъ противъ діакониссъ. Со мной согласенъ, что это архіереи хотятъ у себя въ покояхъ изъ діакониссъ бардаки подѣлать... Папа сказалъ: «молодецъ Гермогенъ! Онъ понимаетъ, въ чемъ дѣло, и идетъ противъ діакониссъ». А про Ѳеофана-то, про Ѳеофана что папа говорилъ?!

— Что?

— Да что? Сказалъ: «когда я сходилъ съ парохода на берегъ въ Севастополѣ, и Ѳеофанъ стоялъ на берегу. Я поклонился, и онъ, улыбаясь, поклонился. А я подумалъ: вотъ дуракъ-то, вѣдь я офицерамъ поклонился, а ты думаешь тебѣ что ли?» Во какъ! Закрылась лазутка! Скоро его и оттуда попрутъ. Пусть знаетъ, какъ грязью мазать... И про Столыпина папа говорилъ... Вѣдь я за семь дней предсказалъ смерть Столыпина, и за семь дней уже назначилъ В. Н. Коковцева. Этотъ—хорошій человѣкъ. Я давно съ нимъ знакомъ. Папа не хочетъ, что Столыпину хотятъ ставить памятникъ. Только говоритъ: «ты смотри, Григорій, не говори Иліодору, что я памятника Столыпину не хочу, а то, вѣдь, онъ не любитъ Столыпина, да и начнетъ на всю Россію

кричать, что и царь, и я не хочу памятника Столыпину!» Ха, ха, ха! Во братъ!..

— Братъ Григорій, а я не люблю царя!—не знаю, почему вырвалось у меня.—Не люблю, да и только; не понравился онъ мнѣ; такой слабый, очень табакъ куритъ, говорить не умѣетъ, весь истрепанный, рукою дергаетъ, да, должно быть, онъ и не умный.

—У, у, ты такъ не говори! Боже тебя паси. Развѣ этакъ можно?—заговорилъ «старецъ» и погрозился на меня пальцемъ.

Я замолчалъ, осуждая себя за неумѣстныя слова о царѣ.

Вдругъ, когда уже подъѣзжали къ подворью, «старецъ» встрепенулся: «Слушай-ка, голубчикъ, а Митя у владыки будетъ?»

– Я право не знаю. Развѣ онъ въ Петербургѣ? Я его не видѣлъ. А что?

— Да такъ! Я его не люблю. Онъ такой бѣшеный...

Пріѣхали, и прошли къ Гермогену въ кабинетъ.

Свидѣтели собрались, но не всѣ.

Родіоновъ и Митя съ Чернышевымъ еще не пріѣхали.

Я бросился къ телефону и поторопилъ ихъ.

Чрезъ 20 минутъ всѣ свидѣтели были на-лицо.

«Старецъ» началъ догадываться, что что-то неладное готовится... Быстро стрѣлялъ своими сѣрыми глазами, недоумѣвая и предчувствуя что-то недоброе.

Проходя съ Родіоновымъ по передней, я бросилъ:— Посмотрите, Иванъ Александровичъ, старческое рубище!

Родіоновъ взялъ въ руки шубу и шапку «старца», потомъ сказалъ: «Ого! Шапка стоитъ по меньшей мѣрѣ 300 рублей, а за шубу здѣсь надо отдать тысячи двѣ. Вполнѣ подвижническая одежда!»

Историческій часъ наступилъ.

Гермогенъ, я, «старецъ» и всѣ свидѣтели собрались въ парадную красную комнату.

«Старецъ» сѣлъ на большой диванъ за круглый столъ, потомъ всталъ, прошелся и остановился около дверей.

Свидѣтели сидѣли. Гермогенъ стоялъ. Я тоже.

Митя, прихрамывая и помахивая отсохшею рукою, ходилъ взадъ и впередъ около Григорія, вскидывая на него непріятные взгляды.

Всѣ молчали.

Тутъ Григорій окончательно понялъ, что вотъ-вотъ должно произойти что-то для него крайне непріятное.

— Ну, Митя, начинай!—проговорилъ я.

Гермогенъ на меня закричалъ: «Что вы самаго маленькаго заставляете; вы всѣхъ больше знаете, вы и начинайте!»

Только что я хотѣлъ раскрыть ротъ, какъ произошло нѣчто невѣроятное, смѣшное, но въ то же время и ужасное.

Митя съ дикимъ крикомъ: «А, а, а! Ты—безбожникъ, ты много мамокъ обидѣлъ! Ты много нянекъ обидѣлъ! Ты съ царицею живешь! Подлецъ—ты!» началъ хватать «старца»... «Старецъ» очень испугался, губы у него запеклись, онъ, пятясь назадъ къ дверямъ, сгибался дугою.

А Митя взялъ его за рукавъ, притащилъ къ иконѣ и, тыкая ему пальцемъ въ грудь, еще громче, еще неистовѣе кричалъ: «Ты—безбожникъ! Ты съ царицею живешь! Ты—антихристъ!»

Григорій, наконецъ, заговорилъ; тыкая въ свою очередь въ Митю пальцемъ, онъ дрожащимъ голосомъ произнесъ: «Нѣтъ, ты—безбожникъ! Ты безбожникъ!»

Не знаю, до какихъ бы поръ «старцы» препирались между собою и обдавали другъ друга слюною, если бы не вмѣшался въ распрю противниковъ Гермогенъ. Онъ надѣлъ епитрахиль, взялъ въ руку крестъ и сказалъ:

— Григорій, пойди сюда!

Григорій приблизился къ столу, трясясь всѣмъ тѣломъ, блѣдный, согнувшійся, испуганный...

— Ну, отецъ Иліодоръ, начинайте!—скомандовалъ Гермогенъ.

Мысли въ головѣ моей лѣзли другъ на друга, какъ бы играя въ чехарду; сердце учащенно билось; волненіе охватывало все мое тѣло.

Я началъ: «Братъ Григорій! Ты цѣлый годъ насиловалъ меня своею дружбою; зная хорошо, что для меня Царицынъ—жизнь моя, ты страхомъ и угрозами держалъ меня около себя. Теперь пробилъ роковой часъ развязаться мнѣ съ тобою, чтобы не грязниться дружбою съ тобою. Чувствую, что плохо мнѣ будетъ, но не хуже, чѣмъ возиться съ тобою. Все нутро мое протестуетъ противъ твоей пакостной дѣятельности. Ты всегда обманывалъ меня, скрывая свои діавольскіе «подвиги». Ты ввелъ меня въ величайшій грѣхъ: я предъ многими тысячами народа православнаго, призывая въ свидѣтели Праведнаго Бога, лгалъ, называя тебя праведникомъ, безстрастнымъ, ибо вѣрилъ теб... Я ставилъ тебя предъ святыми иконами, спрашивалъ тебя: «правду ли пишутъ про тебя?» А ты только угрожалъ мнѣ.

за тѣ сомнѣнія, которыя появлялись въ душѣ моей относительно твоей личности. Праздничные дни твои окончились. Сегодня я, собравшись съ духомъ,—ибо сознаю, что нелегко съ тобою бороться,—вотъ при этихъ свидѣтеляхъ выступаю уже не другомъ твоимъ, а безпощаднымъ обвинителемъ, прокуроромъ. Я начну перечислять твои подвиги. Первый:..»

Дальше я разсказывалъ про «подвиги» старца.

Гермогенъ и всѣ свидѣтели близко подступили къ «блаженному».

«Старецъ» стоялъ за круглымъ столомъ, согнувъ ноги въ колѣнкахъ.

Стоялъ блѣдный, дрожащій, растерянный.

Кусая ногти пальцевъ то на одной рукѣ, то на другой, онъ безумно вращалъ своими непріятными, сѣрыми глазами, вскидывая ихъ то на одного, то на другого свидѣтеля, какъ бы ища себѣ среди нихъ поддержки и защиты отъ тѣхъ сокрушительныхъ ударовъ, которые сыпались на него отъ моей рѣчи.

Не встрѣчался взглядами «старецъ» только съ Гермогеномъ и Митей.

Послѣдними словами моей рѣчи были: «Григорій! Я тебя защищалъ, я тебя погублю, а съ тобою и всѣхъ, которые съ тобою!»

Когда я окончилъ говорить, дотолѣ спокойно стоявшій Гермогенъ въ епитрахили и съ крестомъ въ рукахъ, закричалъ на Григорія:

— Говори, бѣсовъ сынъ, сейчасъ, при свидѣтеляхъ, правду ли про тебя говорилъ отецъ Иліодоръ?

«Старецъ» открылъ ротъ, показалъ зубы, зашевелилъ губами, сѣлъ на диванъ, потомъ моментально всталъ, опять сѣлъ, и опять всталъ, и, наконецъ, проговорилъ замогильнымъ голосомъ съ спазмами въ горлѣ: «Правда, правда, все правда!»

Гермогенъ продолжалъ: «Какою же ты силою дѣлаешь это?»

— Силою Божіею!—уже болѣе рѣшительно отвѣчалъ «старецъ».

— О, окаянный! Зачѣмъ ты мучилъ такъ бѣдную невинную дѣвушку монахиню Ксенію?

— Снималъ «страсти»!

Тутъ всѣ свидѣтели тихо засмѣялись, а Гермогенъ, схвативъ «старца» кистью лѣвой руки за черепъ, правою началъ бить его крестомъ по головѣ, и страшнымъ голо-

сомъ, прямо таки потрясающимъ, началъ кричать: «Діаволъ! Именемъ Божіимъ запрещаю тебѣ прикасаться къ женскому полу. Запрещаю тебѣ входить въ царскій домъ, и имѣть дѣло съ царицей. Разбойникъ—ты! Какъ мать въ колыбели вынашиваетъ своего ребенка, такъ и Святая Церковь своими молитвами, благословеніями, подвигами выпянчила великую святыню народную—самодержавіе царей. А теперь ты, гадъ, губишь, разбиваешь наши священные сосуды—носителей самодержавной власти. Доколѣ же ты, окаянный, будешь это дѣлать? А? Говори! Побойся Бога, побойся этого животворящаго креста!..»

Григорій молчалъ. Лобъ его былъ непріятно багровый, какъ у мертвеца. Глазами, налитыми кровью, онъ страшно и дико высматривалъ изъ-подъ кисти большой Гермогеновской руки, видимо, онъ хотѣлъ высвободиться отъ Гермогена, но не могъ этого сдѣлать, потому что отъ волненія слабо держался на ногахъ.

Гермогенъ схватилъ правою рукою за плечо «старца», и прямо-таки потащилъ его въ храмъ съ крикомъ: «Пойдемъ-ка, пойдемъ-ка, въ храмъ; тамъ предъ святыми мощами дашь заклятіе не ходить туда, куда не слѣдуетъ...»

Григорій, какъ пойманный на мѣстѣ преступленія воръ, шелъ за Гермогеномъ, спотыкаясь и по прежнему дикими, блуждающими глазами озираясь по сторонамъ.

Пришли въ храмъ. Остановились предъ иконою съ мощами. Изъ свидѣтелей подошелъ къ иконѣ только одинъ Родіоновъ, а остальные, пораженные страннымъ зрѣлищемъ, остановились въ дверяхъ храма и съ испуганнымъ видомъ дожидались, что будетъ дальше. Даже храбрый Митя не вошелъ въ храмъ, а, стоя впереди свидѣтелей околодверей, притоптывалъ хромою ногою, и отчаянно жестикулировалъ здоровою рукою...

Гермогенъ по прежнему дико кричалъ: «Поднимай руку! Становись на колѣни! Говори: клянусь здѣсь, предъ святыми мощами, безъ благословенія епископа Гермогена и іеромонаха Иліодора не переступать порога царскихъ дворцовъ! Клянись. Цѣлуй икону, цѣлуй святыя мощи!»

Григорій, вытянувшись въ струнку, трясясь, блѣдный, окончательно убитый, дѣлалъ и говорилъ все, что ему приказывалъ Гермогенъ...

Что было дальше, я положительно не помню.

Когда я, слабый отъ волненія, вошелъ въ свою комнату, тамъ былъ писатель Родіоновъ.

— А можетъ и правда, что Митя такъ нападаетъ на Григорія изъ-за старческихъ портфелей?..

Отъ этихъ словъ Родіоновъ упалъ на широкую кушетку, и началъ отъ хохота кататься по ней, хватаясь руками за животъ.

— Что же вы смѣетесь, Иванъ Александровичъ! Шутка что ли здѣсь. Вѣдь, знаете, Григорій уже убѣжалъ, пропали мы съ Гермогеномъ!

— Охъ! охъ! охъ! Ха, ха, ха! Да какъ же, дорогой батюшка, не смѣяться-то? Изъ-за портфелей? Господи! Да вѣдь мертвый засмѣется, зная Митю и Григорія. Изъ-за портфелей!

Тутъ Родіоновъ опять упалъ на кушетку, и началъ, катаясь по ней, хохотать.

Я тоже началъ смѣяться. И, дѣйствительно, какъ не засмѣяться, представивъ картину, какъ при дворѣ къ кабинету Николая и Александры бѣгутъ, стараясь опередить другъ друга, съ портфелями блаженные старцы... Да еще и ножку другъ другу подставляютъ! Политика! Карьера! Слава! Величіе! Побросали старцы темныя деревни, гдѣ нуженъ ихъ совѣтъ, и пришли во дворцы, гдѣ безъ нихъ вполнѣ можно обойтись. Пришли, да еще и интригуютъ другъ противъ друга!..

Иванъ Александровичъ всталъ съ кушетки и заговорилъ: «Боже мой! Да, вѣдь, Митя сейчасъ хваталъ почти самого царя? Какъ же, человѣкъ только что пріѣхалъ изъ царскаго дворца, на именинахъ былъ у царя, съ царицею подъ ручку ходилъ, а вдругъ тутъ какой-нибудь калѣка— Митя такъ съ нимъ поступилъ?»

Я, усталый, уже ничего не говорилъ. Родіоновъ попрощался и ушелъ. Архіерейскіе покои совсѣмъ опустѣли. Стояла мертвая тишина, особенно замѣтная послѣ пронесшагося адскаго шума...

Я вошелъ въ кабинетъ къ Гермогену. Епископъ стоялъ около стола и, по обыкновенію, перебирая иконки, крестики, панагіи и другія святости, благоговѣйно цѣловалъ ихъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Ну, что, владыка, какъ себя чувствуете?

— Ничего, славу Богу! развязались съ діаволомъ.

— Да развязка-то только началась, дорогой владыка!

— Пускай себѣ бѣсятся, а мы будемъ бороться.

— До конца?

— До конца! Ни въ чемъ и никакъ уступки не дѣлать!

Я горячо поцѣловалъ Гермогенову руку, утѣшаясь его твердостью и безстрашіемъ.

Вечеромъ, въ этотъ же день, О. В. Лохтина говорила мнѣ по телефону: «Отецъ Иліодоръ! Ради Бога, пріѣзжайте сейчасъ къ Головинымъ... Здѣсь сейчасъ Петръ Степановичъ Даманскій. Скоро пріѣдетъ В. К. Саблеръ. Пріѣзжайте. Посовѣтуемся. Помиримся!»

— Не пріѣду. Все кончено. Совѣты излишни. Прощайте!—сказалъ я, и повѣсилъ трубку.

Послѣ этого Лохтина еще нѣсколько разъ вызывала меня къ телефону, но я не подходилъ.

Оказалось, что меня вызывали Даманскій и Саблеръ узнать, какъ случилось «происшествіе», и нельзя ли какъ уладить дѣла. Объ этомъ мнѣ послѣ передавала Лохтина же.

17-го декабря, рано утромъ, когда я еще лежалъ въ постели, вошелъ въ мою комнату Григорій.

— Григорій, да зачѣмъ ты? Вѣдь уже все кончено...— смущенно и недовольно проговорилъ я.

— Голубчикъ, дружокъ! Пойми меня! Пожалѣй меня! Я, вѣдь, тебѣ помогъ когда-то. Окажи мнѣ милость. Помири съ Гермогеномъ.

— О, это никакъ невозможно, Григорій! Уходи отсюда!

— Все возможно, голубчикъ! Все возможно! Я сейчасъ же спрошу у мамы 5000 рублей на типографскую машину... Только помири меня съ Гермогеномъ.

Я всталъ съ постели, и началъ одѣваться. Когда уже умылся, Григорій вдругъ упалъ къ моимъ ногамъ, заплакалъ и заголосилъ: «Спаси меня! Спаси! Папа и мама шума боятся. А это, вѣдь, шумъ будетъ. Пожалѣй папу и маму, вѣдь они тебя такъ любятъ, такъ любятъ...»

— Отстань, Григорій! Не пойду я къ Гермогену!

— Голубчикъ! Хоть проведи меня къ нему: я съ нимъ поговорю. Ради Бога, проведи!

— Да онъ съ тобой и говорить не будетъ.

— Да ты только проведи.

— Не поведу. Боюсь обидѣть владыку.

— Ну, пойди скажи, что я, Григорій, съ нимъ хочу поговорить и попрощаться... Понимаешь, попрощаться.

У меня мелькнула мысль: «и къ діаволу нужно быть не только справедливымъ, но и милостивымъ!»

Въ ту минуту мнѣ жалко сдѣлалось Григорія, и я пошелъ къ Гермогену: «Владыка! Пришелъ Григорій. Проситъ, чтобы вы поговорили съ нимъ».

— Нѣтъ, нѣтъ, никакъ нельзя!

— Владыка, плачетъ, въ ногахъ валяется...

— Ну, пойдите скажите: пусть идетъ, но только я къ нему лицомъ не повернусь; буду стоять къ нему задомъ, и такъ разговаривать. Близко къ себѣ его, пса, не подпущу.

Я пошелъ и передалъ Гермогенову волю Григорію.

Григорій встрепенулся, и прямо-таки вбѣжалъ въ кабинетъ.

Гермогенъ стоялъ задомъ къ нему, а лицомъ почти вперся въ иконный уголъ; стоялъ, жевалъ просфору и пилъ святую воду.

— Владыка!—крикнулъ Григорій и, какъ бы кѣмъ ужаленный, выбѣжалъ изъ покоевъ, на ходу надѣвая шубу и шапку...

Это было его послѣднее свиданіе съ Гермогеномъ.

Григорій, какъ оказалось потомъ, побѣжалъ съ Ярославскаго подворья на телеграфъ и послалъ царямъ телеграмму, полную невѣроятной клеветы... Онъ писалъ, что будто бы я и Гермогенъ хотѣли его у себя въ покояхъ лишить жизни, задушить.

Объ этомъ фактѣ говоритъ слѣдующее обстоятельство. Въ февралѣ мѣсяцѣ 1912 года, когда мы съ Гермогеномъ были уже въ заключеніи, Щегловитовъ однажды молвилъ слово царю за насъ. Но Николай похлопалъ его по плечу и сказалъ: «Нельзя, нельзя такихъ злодѣевъ миловать. Вѣдь они хотѣли человѣка, Григорія Ефимовича, задушить, жизни лишить!»

Это мнѣ передавалъ со словъ Родіонова, другъ Щегловитова, Н. П. Поповъ, пріѣзжавшій въ пустынь изъ Петербурга провѣдать меня.

Черезъ часъ послѣ Григорія пришелъ къ Гермогену камеръ-юнкеръ А. Э. Пистолькорсъ и въ разговорѣ съ Гермогеномъ онъ все недоумѣвалъ по поводу всего происшедшаго. Уходя, онъ настоятельно приглашалъ меня пожаловать вечеромъ на совѣтъ въ домъ Головиной.

По уходѣ Пистолькорса, Гермогенъ вдругъ горько, горько заплакалъ и, рыдая, заговорилъ: «Дитя—вы, дитя—вы; вы ничего не знаете! Вѣдь Григорій взялъ себѣ царицу; а чтобы царь не отдался другой, вотъ шайка Гришкина и стремится приблизить къ государю жену П., а потомъ уже командовать: и царемъ и царицею...»

— Да они и такъ командуютъ, владыка!

— Это правда,—утирая платкомъ катившіяся по обѣимъ щекамъ слезы, отвѣчалъ Гермогенъ.

Начиная съ 4 часовъ вечера изъ квартиры Головиной все время звонилъ телефонъ. Головина, Лохтина, Вырубова, Пистолькорсъ, самъ Григорій звали меня къ себѣ.

— На судъ меня зовутъ!—думалъ я.—Пойду, пойду: узнаю, какъ обстоятъ дѣла.

Движимый непреодолимою силою я, одѣвъ самый скромный костюмъ: простой, холщевый подрясникъ и грубую аѳонскую шапочку, безъ рясы и безъ креста, подпоясанный кожанымъ поясомъ,—направился туда, куда меня такъ усердно звали для «расправы».

Уже когда я былъ въ выходныхъ дверяхъ, Гермогенъ крикнулъ мнѣ:—Куда?

— Къ Григорію.

— Ну, такъ и живите съ хлыстомъ. Я васъ не знаю.— Гермогенъ набралъ полонъ ротъ слюны, и плюнулъ на меня.

— Владыка! Я хочу жить только съ Чистымъ и Святымъ Господомъ Богомъ. Это вы хорошо знаете. А иду туда, потому что хочу узнать, скоро ли намъ съ вами дадутъ по тылицѣ вѣдь мы начали дѣло дѣлать не по плану...

Гермогенъ очень разсердился, убѣжалъ, хлопнувъ за собою дверью.

Я пошелъ.

Войдя въ переднюю квартиры Головиной, залитую яркимъ электрическимъ свѣтомъ, я сразу, по обстановкѣ и настроенію людей, понялъ, что отвѣтъ отъ царей Григоріемъ полученъ, и отвѣтъ для меня и Гермогена убійственный.

Распутинъ уже сбросилъ одежду «покаянія», въ которой онъ являлся утромъ на Ярославское подворье и валялся у меня въ ногахъ...

Теперь онъ стоялъ передо мною въ роскошной шелковой съ косымъ воротомъ русской рубашкѣ. Подпоясанъ былъ краснымъ поясомъ, пышныя кисти котораго онъ то и дѣло перекидывалъ изъ одной руки въ другую. Ноги поперемѣнно закидывалъ одну за другую, какъ будто выдѣлывалъ какой танецъ. Встрѣтилъ онъ меня съ наглою, злою улыбкою и со словами на своихъ безобразно-чувственныхъ губахъ: «Ну, что, какъ Гермогешка, достукался! Нарвался. А если бъ я его по мордѣ ударилъ, когда онъ меня за голову схватилъ, то что-бы, поди, небось, Родіоновъ-то меня шашкою-то рубанулъ?...»

Я стоялъ и молчалъ.

Вся «старцева» компанія выглядывала изъ зала въ дверь,

лѣзла другъ на дружку и кричала: «Такъ-то съ праведникомъ расправляться?»

Наконецъ и я заговорилъ: «Да позвольте, господа! Дайте мнѣ войти въ залъ. Тогда и поговоримъ?»

— Ну, пожалуйте, пожалуйте!—закричали всѣ и Григорій тоже.

Въ залѣ я занялъ мѣсто въ углу, давши возможность наступающему «непріятелю» двигаться на меня только съ одной, передней стороны.

Сѣлъ въ маленькое кресло.

Весь «непріятель» стоялъ. Не было только «старца» и Саны. Старецъ въ это время, какъ я успѣлъ разсмотрѣть, стоялъ въ глубинѣ сосѣдней комнаты и сладко, сладко цѣловалъ Сану.

«Это послѣ клятвы-то, только что данной у св. мощей не прикасаться къ женскому полу?! Здорово! Вотъ подлецъ! подумалъ я».

Но думать и смотрѣть было некогда.

На меня наступалъ грозный, но не особенно сильный, «непріятель».

Головина кричала: «Это онъ, это онъ вывезъ о. Григорія; это—его дѣло; онъ обманулъ. Такъ вчера и Владиміръ Карловичъ съ Петромъ Степановичемъ говорили, а вы, Ольга Владиміровна, все свое толкуете: это Гермогенъ. Нѣтъ, это отецъ Иліодоръ вывезъ нашего праведника на распятіе! Вотъ кто!»

Лохтина вопила: «Да неужели же? О, Господи! Я никогда этого отъ Иліодорушки не ожидала».

Вырубова энергично говорила: «Зачѣмъ это вы такъ поступили? Развѣ о. Григорій вамъ мало добра сдѣлалъ? А?»

Головина, перебивая Вырубову, опять кричала: «О, если бы я знала, что вы везете о. Григорія на такія мученія, то никогда бы, ни за что я не отпустила бы его. Я на васъ надѣялась, а вы... Да еще здѣсь говорили, что Гермогенъ любитъ о. Григорія и очень желаетъ его видѣть... Это какъ называется?...»

Я сидѣлъ и молчалъ, ища глазами какой-нибудь предметъ подороже и поудобнѣй, чтобы, въ случаѣ нападенія на меня, запустить имъ во всю, лѣзшую на меня, компанію... И думалъ: «Съ бабами-то я расправлюсь однимъ маленькимъ кресломъ. Какъ махну имъ, такъ и разбѣгутся всѣ, но вотъ Пистолькорсъ, драгунскій офицеръ, съ сильными большими кулаками, какъ съ нимъ-то справлюсь; вѣдь онъ храб-

рый и жестокій; онъ, по его собственнымъ словамъ, во время революціи одинъ своими руками повѣсилъ 85 латышей въ Прибалтійскомъ краѣ...»

Дальше было думать невозможно.

Пистолькорсъ приблизился ко мнѣ, за нимъ двигалось все бабье войско, намѣреваясь, безъ сомнѣнія, учинить надо мною самосудъ. Я рѣшилъ тогда, что нужно дѣйствовать, спасая свою шкуру.

Я поднялся съ креслица и закричалъ: «Не забывайтесь! Если только прикоспетесь ко мнѣ, то я моментально вотъ этими дорогими подсвѣчниками разобью окно и во весь голосъ, по-казацки, закричу: «караулъ!» Понимаете? Это за тѣмъ-то меня и приглашали? Ольга Владиміровна, затѣмъ? А гдѣ Григорій? И онъ меня приглашалъ...»

Я говорилъ это, и очень волновался.

«Непріятель» испугался, и началъ отступать, виновато заявляя: «Да что вы думаете, мы васъ бить что ли будемъ?!...»

Я надѣлъ свою шапочку и быстро пошелъ въ переднюю. Волнуясь, я попалъ не въ среднюю комнату, которая лежала между заломъ и передней, а въ спальню; отворивъ дверь, я увидѣлъ «лѣченіе» старцемъ прехорошенькой Саны.

Съ тяжелымъ предчувствіемъ чего-то крупно-непріятнаго проводилъ я праздники...

Гермогенъ всѣ праздники молился въ храмѣ Ярославскаго подворья. А Григорій, сидя у Вырубовой въ Царскомъ Селѣ, мобилизовалъ всѣ свои силы: царя, царицу, Вырубову, Макарова, Коковцева, Саблера и Даманскаго предварительно поставивши послѣдняго на постъ товарища оберъ-прокурора св. Синода.

Чтобы скрыть свое пребываніе въ столицѣ, Григорій заказалъ своимъ сотрудникамъ напечатать въ газетахъ, что дескать, онъ, Григорій Новыхъ, уѣхалъ на родину.

Газетчики, конечно, это охотно исполнили.

Къ этой мѣрѣ скрывать себя въ столицѣ Распутинъ прибѣгалъ нѣсколько разъ и раньше этого случая, и послѣ него.

Чтобы успокоить Николая и Александру на счетъ того, что внѣ дворца все обстоитъ благополучно и «дерзкая выходка» противъ «старца» Гермогена и Иліодора не имѣетъ ровно никакого значенія, Распутинъ вызывалъ во дворецъ уже извѣстнаго читателю «суслика»—епископа Варнаву.

Варнава успокоилъ царей; онъ имъ говорилъ: «Не безпокойтесь! Мы постоимъ за великаго раба Божія, Григорія».

Цари, понукаемые Григоріемъ, рѣшились во-всю расправиться съ «злодѣями», посягнувшими на жизнь праведника и подвижника. Расправа началась на святкахъ, когда въ Синодѣ былъ только одинъ епископъ Никонъ. Приступили къ Гермогену...

8-го января 1912 года, вечеромъ, я, ѣздя по Царицыну съ крещенскою водою, получилъ отъ Гермогена изъ Петербурга такую телеграмму: «Милый и драгоцѣнный другъ мой, отецъ Иліодоръ! Враги разрушаютъ всѣ наши дѣла. Меня удалили изъ Синода. Вамъ запрещаютъ разрѣшенные уже типографію, газету и журналъ. Во-всю работаютъ два сѣменящіе старца (Саблеръ и Даманскій) и не зарѣзанный, видѣнный вами во снѣ, филинъ пакостный. Скорѣе ѣзжайте сюда. Будемъ бороться съ общимъ врагомъ. Помогите мнѣ. Любящій епископъ Гермогенъ».

На другой день я собралъ народъ и отслужилъ путешественный молебенъ.

Народъ, предчувствуя недоброе, горько плакалъ, и даже не хотѣлъ отпускать меня въ Петербургъ...

12-го января утромъ я пріѣхалъ въ Петербургъ.

Только что поздоровался съ Гермогеномъ, какъ онъ началъ разсказывать: «Вотъ уволили меня изъ Синода. 3 января приходитъ ко мнѣ Саблеръ и вретъ: «Васъ, владыка, Синодъ уволилъ въ епархію, тамъ у васъ много дѣлъ».— «Какой Синодъ?—спрашиваю я.—Вѣдь въ Петербургѣ только одинъ членъ Синода—епископъ Никонъ!» Говоритъ: «Ну, да, ничего. Государь уже утвердилъ мой докладъ. Теперь вамъ остается только съ миромъ ѣхать. Поѣзжайте, а меня благословите, владыка!» Я на него, какъ крикну: какой я вамъ владыка! Вашъ владыка—Гришка Распутинъ! Вонъ съ моихъ глазъ. Да къ нему. Онъ отъ меня задомъ, испугался. Я на него наступаю, кричу: вонъ! а онъ, еле-еле успѣлъ схватить свою шубу и шапку. Уже на лѣстницѣ надѣвалъ ихъ. Вотъ какъ я его пробралъ!»

— Начало положено вполнѣ правильное, ваше преосвященство. Такъ и дальше нужно дѣйствовать.

Не успѣли мы съ Гермогеномъ поговорить о дѣлахъ, какъ слѣдуетъ, какъ являются Митя блаженненькій и писатель Родіоновъ.

Митя, поздоровавшись со мною, началъ докладывать: «Тебя, батюшка, царица хотѣла за Гришку сейчасъ же разстричь и съ волчьимъ билетомъ пустить. Да государь не захотѣлъ устраивать соблазнительный скандалъ».

— Да откуда ты все это знаешь?

— Орловъ и Путятинъ нѣсколько разъ уже объ этомъ мнѣ говорили.

— Ну-ка, пусть попробуетъ разстричь? Это за что же? За Распутина, за діавола. О, я пойду противъ царя!

— Что вы, что вы, батюшка, развѣ можно противъ царя идти?—урезонивалъ меня, страшно волновавшійся, Родіоновъ.

— Пойду, пойду. Противъ всѣхъ пойду! Погибну, а пойду. Съ неправдою не помирюсь. Я смерти не боюсь, а людей и подавно. Они—цари, а что вытворяютъ. Я долго терпѣлъ, теперь довольно...

Всѣ молчали и смотрѣли на меня, а я, волнуясь, ходилъ по комнатѣ и бранилъ царей, Синодъ и министровъ.

Въ этотъ же день я принялъ газетныхъ сотрудниковъ и заявилъ имъ, что не Гермогена нужно гнать изъ Синода, а Саблера, Даманскаго и ихъ друзей.

Сотрудники на другой день отпечатали мои слова.

Гермогенъ тоже свой протестъ выражалъ чрезъ печать.

Утромъ 13-го января мнѣ, явившемуся изъ города, Гермогенъ говоритъ: «А у меня былъ Михаилъ Осиповичъ!»

— Кто это такой?

— Да Меньшиковъ.

— Самъ явился.

— Нѣтъ, я его приглашалъ.

— Напрасно, владыка, вы связываетесь съ такою собакою.

Гермогенъ задумался и сказалъ: «А и правду вы говорите, что онъ собака. Вотъ и во снѣ онъ мнѣ представился въ видѣ какого-то отвратительнаго животнаго съ длинною мордою и большими, большими зубами; быстро бѣжалъ и несъ какую-то грязную тряпку».

— Ну, вотъ, увидите, что онъ насъ облаетъ, а Распутина возьметъ подъ свою защиту.

Такъ и случилось. Меньшиковъ чрезъ два дня послѣ визита къ Гермогену пригласилъ Распутина къ себѣ на обѣдъ, а потомъ пропѣлъ ему въ «Новомъ Времени» похвальный гимнъ, утверждая, что у Распутина возвышенная душа. А позже, когда мы уже были въ заключеніи, онъ напи-

салъ статью: «Царь-скандалъ», въ которой безобразно высмѣивалъ нашъ великій подвигъ развязки съ «блаженнымъ пророкомъ».

14-го января Гермогенъ, я и Родіоновъ ѣздили къ И. Л. Горемыкину. Я просилъ его: «И. Л.! Вы сами вотъ разсказывали, что вы разогнали первую Думу. За это государь цѣловалъ васъ, назвалъ васъ отцомъ своимъ, попросилъ благословить его и наслѣдника. И. Л.! Вы уже получили всѣ чины. Если повѣсить на васъ ваши ордена и медали, то не хватитъ мѣста на груди, придется вѣшать ихъ или на брюкахъ, или на спинѣ... Вамъ нечего искать, и нечего терять. Поѣзжайте, ради Бога, къ царю и попросите его принять владыку Гермогена, и объясниться...»

— Нѣтъ, нѣтъ не могу!—отвѣчалъ Горемыкинъ. — Придворный этикетъ этого не дозволяетъ, батюшка Иліодоръ.

Въ этотъ же день Гермогенъ ѣздилъ совѣтоваться съ великою княгинею Милицею Николаевною. Милица, по словамъ Гермогена, очень ругала Распутина, но пойти противъ него отказалась, ссылаясь на то, что «старецъ» держитъ въ рукахъ царя и особенно царицу крѣпко.

Конечно, читатель догадывается, почему Милица такъ бранила «старца».

15-го января И. Л. Горемыкинъ пріѣзжалъ на Ярославское подворье, но помочь ничѣмъ не могъ.

Государь уже дважды писалъ Синоду: «Надѣюсь, что Святѣйшій Синодъ убѣдитъ епископа Гермогена уѣхать изъ Петербурга въ Саратовъ».

Три члена Синода: Назарій, Серафимъ и Никонъ, желая получить награды за исполненіе царской воли, смирившись, пришли на Ярославское подворье и упрашивали Гермогена подчиниться государеву слову.

Гермогенъ стоялъ на своемъ, говорилъ: «Государю подчинюсь, но Гришкѣ Распутину нѣтъ».

Члены Синода клапялись ему до земли, а онъ, больной, лежалъ въ постели.

Ничто не помогло.

Особенно старался Никонъ. Я не вытерпѣлъ и заглянулъ въ Гермогенову спальню.

Гермогенъ полулежалъ на подушкахъ, а Никонъ сидѣлъ на стулѣ около ночного столика, развелъ свои раскосые глаза въ разныя стороны: однимъ что-то нащупывалъ подъ кроватью Гермогеновой, а другой запускалъ высоко, высоко

въ уголъ, въ паутину, висѣвшую тамъ толстымъ слоемъ, и какимъ-то замогильнымъ голосомъ вытягивалъ: «Владыко! Братъ мой во Христѣ! Да послу-у-у-шайтесь вы государя...»

— Я не слушаюсь Распутина!—рѣзко говорилъ Гермогенъ.

— Ну, да, тамъ Распутинъ же чрезъ царя дѣйствуетъ. Пожалѣйте царя, пожалѣйте церковь Божію. Вѣдь нельзя же открыто говорить о язвѣ царской—Распутинѣ. Кто изъ насъ не знаетъ этого сына діавола. Но сказать никому нельзя: вѣдь тогда онъ пойдетъ противъ царя, противъ насъ и противъ церкви Божіей.

— Пусть Синодъ разъяснитъ царю все. Зачѣмъ народу объ этомъ знать?

— Да царь, вѣдь, никого и слушать не хочетъ. Онъ, вонъ, одно повелѣваетъ: выслать Гермогена изъ Петербурга и только! Любезный братъ Гермогенъ! Да послушайтесь слова царскаго...—началъ снова Никонъ пѣть Лазаря.

Такъ и ушелъ ни съ чѣмъ.

Когда онъ выходилъ изъ передней, я вслѣдъ ему сказалъ: «Стыдно такъ праведнаго человѣка отговаривать отъ подвига; вы поступаете такъ, какъ Петръ съ Христомъ».

Никонъ метнулъ на меня своими дикими глазами и прямо-таки прошипѣлъ: «И вамъ будетъ!»

— Я ничего не боюсь. Хоть шкуру снимите съ меня!

16-го января вечеромъ я, по предложенію Гермогена, писалъ отъ него телеграмму царю. Гермогенъ сидѣлъ около меня, и горько, горько плакалъ, а я выводилъ: «Царь батюшка! Всю свою жизнь я посвятилъ служенію Церкви и Престолу. Служилъ усердно, не щадя силъ. Солнце жизни моей уже зашло далеко за полдень, голова моя побѣлѣла. И вотъ на склонѣ лѣтъ моихъ съ позоромъ, какъ преступникъ изгоняюсь тобою, государь, изъ столицы. Готовъ ѣхать, куда угодно, но прежде пріими меня, я открою тебѣ одну тайну. Епископъ Гермогенъ».

На эту телеграмму скоро былъ чрезъ Синодъ полученъ отъ Николая такой отвѣтъ:—«не о какой тайнѣ я знать не желаю. Николай».

Гермогенъ, прочитавъ отвѣтъ, опять заплакалъ. А я говорю: «Какую тайну, владыка открывать царямъ. Они больше нашего знаютъ. Смотрите, царь правильно писать не умѣетъ; написалъ: «не о какой!»

Гермогенъ продолжалъ плакать, закрылъ лицо руками

и говорилъ: «убьютъ царя, убьютъ царя, непремѣнно убьютъ».

Затѣмъ епископъ заставилъ меня писать телеграмму Александрѣ. Я писалъ: «Царица-матушка! Закрыта дорога для меня къ государю. Помоги мнѣ. Открой эту дорогу. Епископъ Гермогенъ.»

Александра отвѣтила: «Къ сожалѣнію ничего не могу сдѣлать. Нужно повиноваться властямъ, отъ Бога поставленнымъ. Александра».

Гермогенъ плюнулъ на телеграмму и проговорилъ: «Какое лицемѣріе! Это—Гришкины отвѣты. Онъ сидитъ во дворцѣ и диктуетъ ихъ».

Дѣйствительно, какъ узналъ Митя блаженненькій, Распутинъ въ то время былъ во дворцѣ и совѣтовалъ царямъ что дѣлать и какъ поступать.

17-го января въ 11 часовъ вечера на Ярославское подворье изъ Синода принесли два пакета: большой Гермогену, а малый мнѣ.

Гермогенъ распечаталъ свой; тамъ было сказано, что онъ за ослушаніе Синоду и государю ссылается, по высочайшему повелѣнію, въ Жировицкій монастырь.

Распечаталъ и я свой; изъ него я узналъ, что я ссылаюсь, по высочайшему повелѣнію, во Флорищеву пустынь, Владимірской губерніи, находящуюся вдали отъ всякаго человѣческаго жилья въ непроходимыхъ и необозримыхъ дремучихъ лѣсахъ.

За что ссылаютъ, объ этомъ въ бумагѣ не было сказано ни одного слова. И послѣ, когда Синодъ, отвѣчая на вопросъ общественнаго мнѣнія, за что сосланы Гермогенъ и Иліодоръ, про Гермогена отвѣчалъ, что онъ сосланъ за діакониссъ, а про меня ничего не упоминалъ.

На засѣданіи Синода, когда рѣшена была наша ссылка, особенно лютовали митрополитъ Владиміръ и Антоній Волынскій. Владиміръ, мстя Гермогену за то, что онъ не допустилъ устройства въ архіерейскихъ покояхъ бардаковъ, кричалъ: «Сослать, чтобы другимъ не повадно было итти противъ помазанника Божія»! А Антоній, давно собиравшійся ввести насъ въ послушаніе Синоду, прямо-таки вопилъ: «Если я дерзну ослушаться государя, то и меня, какъ бунтовщика, берите, вяжите и ввергайте въ темницу!»

И Владиміръ, и Антоній, какъ и всѣ остальные члены Синода, хорошо, во всѣхъ подробностяхъ знали, за что меня и Гермогена гналъ Николай, знали, но желаніе вы-

служиться и удовлетворить свое злобное чувство побѣдили въ ихъ продажныхъ душахъ сознаніе долга, благоговѣніе предъ истиной и уваженіе къ народной святынѣ. Они на изобличителей «святого чорта» намѣренно посмотрѣли, какъ на какихъ-то ужасныхъ преступниковъ, достойныхъ высшей мѣры наказанія...

Всѣ члены Синода, какъ уже извѣстно читателю, за расправу съ дерзкими обличителями «старца» были награждены Распутинымъ.

Прочитавши указъ о ссылкѣ, я, по свидѣтельству Родіонова, опустилъ низко голову, и, даже ни съ кѣмъ не попрощавшись, ушелъ въ глубину покоевъ, въ свою комнату.

Въ ту минуту я рѣшилъ непремѣнно довести дѣло до конца.

Въ 12 часовъ ночи меня позвалъ къ телефону сотрудникъ «Вечерняго Времени» М. Ѳ. Паозерскій и спросилъ: «Сосланы? Что думаете дѣлать?»

— Пойду пѣшкомъ въ Сергіеву лавру, а оттуда въ Флорищеву пустынь. Въ указѣ не сказано, какъ я долженъ добраться до мѣста ссылки. Пойду пѣшкомъ...

— Благополучнаго пути! Смотрите не замерзните!

18 января утромъ газеты уже напечатали, что Иліодоръ пошелъ въ Москву пѣшкомъ, а я въ это время, тепло одѣвшись и прицѣпивъ сзади мѣшокъ съ библіей, попрощавшись съ Гермогеномъ, выходилъ изъ покоевъ, серьезно намѣреваясь пойти до Флорищевой пустыни пѣшкомъ.

Вдругъ меня келейникъ Гермогеновъ, Ѳедя, окликнулъ:

— Батюшка, куда вы! Да васъ же сейчасъ около Петербурга арестуютъ. Вернитесь. Посовѣтуйтесь съ владыкой...

Эти слова привели меня въ чувство и разумъ, и я остался на Ярославскомъ подворьѣ, спрятавшись въ дальнія комнаты...

Между тѣмъ редакторы газетъ мобилизовали всю сотрудническую армію на поиски Иліодора... Сотрудники писали, что видѣли меня въ разныхъ частяхъ Питера, окруженнаго народомъ, на автомобиляхъ гнались за мною за Петербургъ верстъ на 60 и болѣе, всюду искали, выспрашивали, высматривали, но все-таки, конечно, не нашли. Такъ и рѣшили, что я пошелъ въ Москву.

А меня въ это время Гермогенъ, Родіоновъ и Митя переодѣли въ чье-то старое пальто. Посадили въ каретникѣ на извозчика, и ночью перевезли во дворецъ доктора тибетской медицины П. А. Бадмаева.

Здѣсь я прожилъ семь дней. Читалъ газеты, какъ меня полиція и газетные сотрудники искали.

Я не хотѣлъ ѣхать въ пустынь, а намѣревался пробраться въ Царицынъ засѣсть съ народомъ въ монастырѣ и открыть бунтъ противъ Распутина...

Когда же я узналъ, что монастырь закрытъ и по всѣмъ дорогамъ, ведущимъ въ Царицынъ, поставлены караулы слѣдить за мною, тогда я открылся властямъ и меня въ сопровожденіи десятка жандармовъ отправили въ мѣсто ссылки.

Живя во дворцѣ П. А. Бадмаева, я не покидалъ мысли, какъ-нибудь дѣло исправить и взять Распутина отъ царей.

Я просилъ Бадмаева, какъ стариннаго царскаго друга, ѣхать къ Николаю и объяснить ему, въ чемъ дѣло.

Бадмаевъ не соглашался, но обѣщалъ просить сановниковъ и придворныхъ.

Сначала онъ просилъ сенатора Мамонтова. Мамонтовъ боялся ѣхать къ царю, а про Распутина говорилъ: «Хотя онъ намъ и много добра сдѣлалъ, но онъ—настоящій чортъ; вотъ смотрите на картинку; если вотъ такъ рога рукою за рыть, то будетъ Распутинъ. Правда, Петръ Александровичъ?»

Однажды ночью, въ два часа, Бадмаевъ чрезъ экономку зоветъ меня изъ моей комнаты къ себѣ наверхъ и говоритъ: «Ну, вотъ что! Былъ я сейчасъ на балу у министра внутреннихъ дѣлъ А. А. Макарова. Долго тамъ бесѣдовалъ о вашемъ дѣлѣ съ дворцовымъ комендантомъ—В. А. Дедюлинымъ. Онъ проситъ васъ написать кратко все, что вы знаете о Распутинѣ. Я ему передамъ ваше письмо, а онъ передастъ его государю, и тогда Гришкѣ конецъ! Идите пишите!..»

Я исполнилъ совѣтъ Бадмаева. Написалъ письмо. Писалъ его отъ 4—7 часовъ утра. Передалъ его Бадмаеву. Въ письмѣ томъ я описывалъ «подвиги» Распутина, но далеко не полно. Письмо то было чрезъ два года напечатано въ газетахъ: и въ Россіи, и за границей, но съ весьма большими сокращеніями.

Въ тотъ же день, когда я написалъ письмо, Гермогенъ выѣхалъ въ Жировицкій монастырь.

Когда онъ меня провожалъ во дворецъ Бадмаева, то далъ мнѣ слово выбраться изъ Петербурга не иначе, какъ подъ конвоемъ жандармовъ, въ одномъ подрясникѣ и съ иконою въ рукахъ... Но Бадмаевъ убѣдилъ его «подчиниться» царской волѣ.

Блаженненькій Митя, по словамъ Бадмаева, не пускалъ Гермогена: онъ ложился подъ колеса автомобиля, поданнаго министромъ Макаровымъ Гермогену, и что-то дикимъ голосомъ выкрикивалъ.

Митя, со словъ придворныхъ, такъ описывалъ Бадмаеву положеніе въ послѣднія минуты предъ отъѣздомъ Гермогена. Государь вызвалъ Макарова, затопалъ на него ногами и закричалъ: «Вы все толкуете мнѣ, что я самодержавный царь, самодержавный царь! Какой же я самодержавный, когда вы не исполняете моего приказанія, не выдворяете изъ Петербурга какихъ-то ничтожныхъ монаховъ-бунтовщиковъ!»

Макаровъ, дотолѣ не рѣшавшійся круто поступить съ своимъ близкимъ другомъ, Гермогеномъ, явившись отъ царя домой, приказалъ двумъ жандармскимъ генераламъ переодѣться въ штатское платье, взять Гермогена подъ руки, посадить въ автомобиль и везти на вокзалъ...

Бадмаевъ это узналъ, и убѣдилъ Гермогена «добровольно» сѣсть въ Макаровъ автомобиль.

Отъѣзжая изъ Питера, Гермогенъ прислалъ мнѣ съ Бадмаевымъ записку: «Возлюбленное дитя мое! Поѣзжайте съ Богомъ въ Флорищеву пустынь. Да хранитъ васъ Царица Небесная. Любящій епископъ Гермогенъ».

— Поѣдете?—спрашивалъ меня Бадмаевъ.

— Поѣду.

— Вотъ и хорошо. Гермогенъ уже теперь около царскаго сердца сидитъ. И вы тамъ будете, если поѣдете.

— Я поѣду, но только не хочу уже сидѣть около царскаго сердца.

— Какъ такъ? Значитъ вы противъ царя пойдете?

Я молчалъ.

Чрезъ полтора дня меня жандармы ввели въ Флорищеву темницу и окружили монастырь стражей.

Помѣстили меня, по приказанію изъ Петербурга, въ маленькой сырой комнаткѣ съ гнилыми полами, съ развалившейся печкой и съ прочными желѣзными рѣшетками въ очень узенькихъ окнахъ.

Настоятель монастыря очень этому удивился, потому что онъ мнѣ, какъ ученому монаху, приготовилъ хорошее помѣщеніе изъ четырехъ комнатъ. Я и самъ недоумѣвалъ о такомъ порядкѣ вещей, но уже въ 1913 году, читая дневники Лохтиной, я понялъ все. Тамъ я нашелъ такое письмо «старца», написанное, по всей вѣроятности, имъ изъ Петер-

бурга: «*Миленькаи папа и мама!—Бунтовщика Богъ съ неба свалилъ. И Иліодора нужно въ темницу. Пускай тамъ подумаетъ, какъ идти противъ Божьяго помазаннека. Прежде убивали, а теперь хорошо проучить темницею. Никакой ему ласки приказать Владимірскому епископу. Григорій*».

Заткнувши меня въ Флорищевскую темницу, жандармскій полковникъ въ коридорѣ, около моей кельи, выстроилъ въ рядъ 13 сыщиковъ-караульщиковъ и скомандовалъ имъ такой приказъ: «Такъ смотрите! Лучше караульте этого бунтовщика. Если проворонite, и онъ убѣжитъ, тогда всѣмъ вамъ каторга»,—громко отчеканилъ половникъ.

— Потише, пожалуйста!—сказалъ я въ отворенную дверь.

— Бунтовщикъ! Какъ вы смѣете мнѣ приказывать?! Я здѣсь по приказанію государя императора!?

— А я здѣсь по чьему повелѣнію? Не государя императора? Развѣ ты этого не знаешь?

— Сумасшедшій монахъ!

— Дуракъ!—крикнулъ я и захлопнулъ дверь.

Во время этого обмѣна «любезностями», сыщики, вытянувъ головы впередъ, какъ гуси, спокойно стояли.

Какъ бы то не было, я очутился на «благословенномъ» «старцемъ» мѣстѣ ссылки.

Гермогенъ тоже былъ уже въ своемъ мѣстѣ.

А «старецъ», чтобы замести слѣды свои, удалился въ село Покровское, предварительно побывши 2 часа на любезномъ пріемѣ у В. Н. Коковцева, проведеннаго имъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ на постъ премьеръ-министра. —«Дескать, на всѣхъ плюю! Самъ первый министръ—мой другъ и два часа со мною благосклонно бесѣдовалъ!»

О такомъ характерѣ визита Распутинъ самъ, предъ самымъ отъѣздомъ изъ Петербурга, заявлялъ въ печати чрезъ своихъ репортеровъ.

Цари, повидимому, очень были смущены поднявшимся въ Россіи шумомъ по поводу нашего дѣла.

Они спрашивали совѣта у «старца».

«Старецъ», тихонько сидя въ Покровскомъ, пылалъ злобою противъ меня. Въ дневникахъ Лохтиной подъ «6 марта 1912 года» записано буквально слѣдующее: «отецъ Григорій говорилъ въ этотъ день, что онъ распоролъ бы животъ отцу Иліодору...»

Но такъ какъ это сдѣлать было страшно, да и невозможно, то «блаженный праведникъ» устремился на мою

бѣдную душу съ другими средствами. Онъ писалъ мнѣ: «добра я видѣлъ ты увногихъ воротъ стучишъ нетъ *глугня дле тябя*».

И всѣми силами старался «великій чудотворецъ» оправдать свои слова дѣлами.

Прежде всего онъ написалъ царямъ: «*Папа мой и миленькая мама! Шума то сколько; вода утечетъ и нѣтъ. А вы пошто смущаетесь. Это все такъ. Полаютъ, да отстанутъ. Цари выше всего. Такъ и будьте. Утѣшенье отъ Бога, а отъ бѣса горе. А Богъ бѣсовъ сильнѣе. Саблеръ и Даманскій все сдѣлаютъ. Да! Григорій*». (Дневники Лохтиной).

И еще: «*о, какъ страшно мушекъ. Молимся о благодати Божіей*» (Дневники Лохтиной).

Цари, успокоенные мудрымъ «старческимъ» словомъ, пошли дальше.

Въ первые десять дней заключенія Гермогенъ прислалъ мнѣ изъ Жировицкаго монастыря пцсьмо, въ которомъ писалъ, чтобы я не волновался, а все упованіе возложилъ на Владычицу міра!

Я ему отвѣчалъ: «Дорогой владыка! Вы повидимому, измѣняете своему слову бороться съ «старцемъ» до конца... Какъ хотите, такъ и поступайте. А я увѣренъ, что время молитвы прошло. Послѣ помолюсь, а сейчасъ буду бороться не на жизнь, а на смерть».

И началъ бороться. Изъ кельи своей никуда не выходилъ. Принималъ газетныхъ сотрудниковъ. Они писали...

«Старцу» это очень не нравилось. Онъ писалъ царямъ о смиреніи бунтовщика: «*Миленькаи папа и мама! Иліодора—нужно бунтовщека смирять. А то онъ, собака, всѣхъ сестъ. Собака злой. Ему ницто. А зубы пообломать можно. Построже съ нимъ. Стражу больше. Да. Григорій*». (Дневники Лохтиной).

Меня смиряли чрезъ пьянаго епископа Влад. Никона, который недавно отъ пьянаго удара умеръ въ Петербургской лаврѣ.

Никого ко мнѣ не допускали. Письма не давали. Деньги тоже. Отъ меня писемъ не принимали. Келью мою окружали вооруженные солдаты... Къ окнамъ придѣлали ставни, и, какъ только солнце садилось, на ставни вѣшали замки.

Съ каждымъ днемъ жизнь моя въ заключеніи становилась все тяжелѣе и тяжелѣе. Я не унывалъ. Выдвигалъ свою тяжелую артиллерію и палилъ по Синоду...

Синодъ все глоталъ и держалъ себя такъ, какъ будто бы я и не къ нему обращался.

За это время въ Петербургѣ произошла крупная исторія съ письмомъ, которое я написалъ только для государя и передалъ Бадмаеву.

Оказалось, что Бадмаевъ письмо это передалъ не государю, а предсѣдателю Думы—Родзянко, и членамъ: Гучкову и Каменскому.

Эти лица, по свидѣтельству посла Бадмаева, бывшаго у меня въ пустыни, нѣсколько разъ бывали у Бадмаева и обсуждали содержаніе моего письма. Потомъ, основываясь на этомъ содержаніи, Гучковъ и Пуришкевичъ произносили громовыя рѣчи по адресу Синода и Саблера. Саблеръ защищался, а Синодъ подносилъ ему адресъ, называя его исповѣдникомъ. Однимъ словомъ, стояли другъ за друга хорошо.

Дума постановила сдѣлать срочные запросы о дѣятельности Распутина Щегловитову и Макарову.

Судьба этихъ запросовъ уже извѣстна читателямъ.

Повторяю, мое письмо царю не попало, а, перепечатанное на ремингтонѣ въ сотняхъ экземпляровъ, распространилось чрезъ «друзей» по Петербургу, по салонамъ и по рукамъ членовъ Совѣта и Думы.

Такимъ образомъ «тайна», о которой никакъ не желалъ знать Николай, и которую Синодъ такъ бережно прикрывалъ, начала понемногу открываться.

Письмо дошло до Александры. Она взбѣсилась...

По этому поводу А. Э. Пистолькорсъ писалъ мнѣ въ пустынь: «Ходитъ письмо по Петербургу, попало и къ мамѣ. Письмо ужасное. Приписывается вамъ. Отвѣтьте».

Я, конечно, ничего не отвѣчалъ.

А А. А. Вырубовой писалъ: «Сестра во Христѣ! Доколѣ же вы будете держаться Григорія? Забудьте его. Если не бросите его, то разразится грандіозный всероссійскій скандалъ. Тогда будетъ бѣда! Послушайте меня. Побойтесь Бога. Покайтесь. Иліодоръ».

За Вырубову отвѣчалъ мнѣ Пистолькорсъ: «Отецъ Иліодоръ! Какимъ это вы скандаломъ угрожаете въ письмѣ Аннушкѣ? И кто этотъ скандалъ собирается устроить. Ужъ не вы ли? Это можно сдѣлать, вѣдь и Французская революція была устроена тогда, когда королеву оклеветали въ кражѣ какихъ-то брилліантовъ»...

Я осторожно отвѣчалъ: «Я не собираюсь ни на кого кле-

ветать; стою только за правду. А вы бросьте грязнаго «старца». Меня же больше не безпокойте своими письмами. Иліодоръ».

Во время этой переписки И. А. Родіоновъ въ одинъ прекрасный день прислалъ ко мнѣ въ пустынь Г. К. Гнатовскаго и. А. П. Коробовичъ за извѣстными уже читателю письмами къ Григорію царицы и царскихъ дочерей.—Эти письма доставилъ мнѣ изъ Царицына, по моей телеграммѣ, мой родной братъ Александръ. За визитъ ко мнѣ его немедленно безъ суда лишили мѣста псаломщика, и отдали въ солдаты...

Въ одинъ день съ Гнатовскимъ и Коробовичъ пріѣхалъ за письмами и посолъ Бадмаева. Я передалъ подлинники писемъ Родіонову чрезъ Гнатовскаго, а Коробовичъ, Гнатовскому и послу Бадмаеву вручилъ копіи этихъ писемъ.

Копіи писемъ я оставилъ и у себя.

Въ письмѣ, присланномъ мнѣ съ Гнатовскимъ, Родіоновъ писалъ: «Дорогой батюшка! Бѣда! Сегодня меня вызывалъ къ себѣ Макаровъ и говоритъ: вотъ вы все стоите за Иліодора. А смотрите, какъ онъ чернитъ царскую семью. Вотъ его письмо. Это онъ писалъ; онъ пишетъ отрывочными фразами. Слушайте. И министръ началъ читать ваше письмо о «подвигахъ» Распутина. Когда я слушалъ, то чувствовалъ, какъ постепенно кровь моя стынетъ, и почва подо мною для защиты васъ улетучивается... Послѣ прочтенія письма, я, какъ могъ, защищалъ васъ, увѣрялъ министра, что это не ваше письмо, что вы пишите періодами и т. д. Но, повидимому, ничего не вышло. Министръ остался при своемъ мнѣніи, что письмо—ваше вотъ какъ имѣть дѣло съ глупыми друзьями. Сами знаете, что услужливый дуракъ опаснѣе врага. Простите. Родіоновъ».

Чрезъ нѣсколько дней послѣ этого Родіоновъ съ дворяниномъ Н. П. Поповымъ прислалъ мнѣ другое письмо. Онъ писалъ: «Дорогой батюшка! Царскія письма я передалъ чрезъ министра Макарова царю. Царь остался очень доволенъ и велѣлъ Макарову передать вамъ благодарность за то, что вы поступили благородно, и отдали письма туда, откуда они вышли. Родіоновъ».

Я остался очень недоволенъ этимъ поступкомъ Родіонова, потому что передавалъ ему письма не для передачи царю, а думалъ, что онъ, на основаніи ихъ, поведетъ въ Питерѣ серьезную кампанію противъ «старца».

Оказалось же, что и Родіоновъ сыгралъ въ руку «блаженнаго».

Дѣло въ слѣдующемъ.

Николай, получивши отъ Макарова письма, обратился съ ними къ Александрѣ. Александра обратилась по телеграфу въ Покровское къ «старцу» съ вопросомъ: «какимъ образомъ ея и дѣтей ея письма очутились у Иліодора?»

«Старецъ», оставаясь вѣрнымъ своей натурѣ и въ этотъ разъ, писалъ Александрѣ: «*Миленькая мама! Фу, собака, Иліодоръ. Вотъ воръ. Письма воруетъ. Какая гадость! Укралъ изъ сундука, или еще какъ. Да. Вотъ вамъ и священникъ. Бѣсамъ служитъ. Это знай. Остры у него зубы, у вора. Да! Григорій*». (Дневники Лохтиной).

И еще: «*у Лохтиныхъ былъ какъ дома или гость стащилъ одно, письма лежали вездѣ по неосторожности; нечего о томъ безпокоится; умоляю будьте безъ страха, это все запугиваютъ; ничего тутъ нетъ*».

А мнѣ въ пустынь «старецъ» прислалъ такую телеграмму: «Что тебя понудило передать письма? Григорій». Эту телеграмму всякій желающій можетъ найти въ телеграфныхъ конторахъ: Гороховецкой и Покровской.

Переданныя царю письма и клевета «старца» о кражѣ мною у него царскихъ писемъ сдѣлали свое дѣло: противъ меня Александра и Николай выставили убійственные «доводы» моей «преступности»...

Тогда я пошелъ въ борьбѣ съ «старцемъ» и его державными и святѣйшими поклонниками дальше...

8-го мая 1912 года я подалъ Синоду прошеніе о снятіи сана. Въ прошеніи я писалъ: «Или предайте суду Распутина за его ужасныя злодѣянія, совершенныя имъ на религіозной почвѣ, или снимите съ меня санъ. Я не могу помириться съ тѣмъ, чтобы Синодъ, носитель благодати Св. Духа, прикрывалъ «святого чорта», ругающагося надъ Церковью Христовою!

Знайте, что я въ заключеніи готовъ сгнить, я—монахъ, но съ оскверненіемъ достоянія Господня я не помирюсь! Іеромонахъ Иліодоръ».

По поводу этого прошенія мнѣ Ѳеофанъ и Родіоновъ прислали письма, а Гермогенъ телеграмму.

Родіоновъ писалъ: «Своимъ прошеніемъ о снятіи сана вы посадили всѣхъ членовъ Синода головою въ нужникъ».

Ѳеофанъ просилъ: «Ради Бога не снимайте сана; вотъ скоро, скоро Господь покараетъ «сосудъ беззаконія».

Я думалъ: «Какая наивность! Они все надѣются на Бога, а сами ничего не предпринимаютъ; хоть бы руководствовались русскою пословицею: на Бога надѣйся, а самъ не плошай».

Гермогенова телеграмма была такая: «Дорогой отецъ Иліодоръ. Потерпите. Возьмите свое прошеніе о снятіи сана обратно. Уже идетъ девятый валъ, а тамъ и спасеніе будетъ. Любящій епископъ Гермогенъ».

На эту мольбу я отвѣтилъ Гермогену телеграммою только въ одно слово: «Прощайте!»

И съ тѣхъ поръ я Гермогена не знаю, знать не хочу, хотя никогда худымъ словомъ его не помянулъ...

Синодъ на мое прошеніе о снятіи сана опредѣлилъ: «увѣщевать меня въ теченіе шести мѣсяцевъ, какъ требуетъ законъ».

Я, конечно, увѣщевателей не принималъ, гналъ ихъ отъ порога своей кельи, говорилъ имъ: «идите Синодъ увѣщевайте, чтобы онъ не поклонялся святому чорту».

А Синоду отвѣчалъ: «Прошу надо мною не смѣяться. Зачѣмъ вы тревожите меня своими увѣщевателями. Не меня нужно увѣщевать, а васъ, поклонявшихся діаволу— Гришкѣ Распутину. Я своего слова о снятіи сана не возьму до тѣхъ поръ, пока и вы, и свѣтскій судъ, не возьметесь за «подвиги» Гришки! Требую отъ васъ не присылать ко мнѣ больше увѣщевателей и покаяться въ страшномъ грѣхѣ и беззаконіи! Іеромонахъ Иліодоръ».

Одновременно съ увѣщаніемъ изъ Петербурга «пріятели» мои пускали слухи, что если я смирюсь, то въ день 300-лѣтняго юбилея дома Романовыхъ меня помилуютъ. Я на это въ бумагѣ Синоду отвѣчалъ такъ:

«Ходятъ слухи, что меня помилуютъ 13 февраля 1913 г., т.-е. въ день празднованія трехсотлѣтняго юбилея царствованія дома Романовыхъ, если только я успокоюсь.— Но развѣ я могу успокоиться? Пусть лучше отпадетъ языкъ мой, пусть кругомъ пойдетъ голова моя, если я успокоюсь! Съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ огонь ревности о Правдѣ Божіей все болѣе и болѣе разгорается въ душѣ моей, и все существо мое наполняется мучительною жаждою священной мести противъ васъ, ибо вы, забывши Бога и Христа Его, за звѣзды, за ордена, за золотыя шапки, за брилліантовые кресты, за панагіи, усыпанныя драгоцѣнными камнями, за славу и за честь человѣческія,—продали Славу Божію, забыли дружбу

Христову, сокрыли истину въ неправдѣ, умолкли предъ сильными міра, не изобличили великую блудницу—нечестіе богатыхъ и высокихъ людей, отдали Церковь Святую на поруганіе, гнали, трепали меня цѣлыхъ семь лѣтъ только за то, что Неподсудный никому изъ смертныхъ Господь надѣлилъ меня великимъ талантомъ возбуждать вѣру въ людяхъ. Гдѣ я ни служилъ, вездѣ за мною бѣжали тысячи жаждущихъ и алчущихъ правды. Это бѣсило васъ, моихъ начальниковъ, пастырей и сослужителей. Вы, завистники злые, слѣпые давно уже точили на меня свои зубы. Если же теперь вы увѣщеваете меня не снимать санъ, то это—одно фарисейство. Вы и во снѣ видите погибель мою съ человѣческой точки зрѣнія. Вы теперь увѣщеваете меня, чтобы показаться предъ людьми справедливыми законниками, сердобольными, а сами готовы въ каждый часъ и въ каждую минуту не только рясу съ меня снять, но прямо-таки содрать и въ клочья ее разорвать. Вы полны неправды, злобы, зависти; для васъ нѣтъ ничего святого.—Я не допущу, чтобы меня когда бы то не было помиловали. Милуютъ только преступниковъ, а я не—преступникъ; я совершилъ великій подвигъ. Христосъ, Апостолы и святые мученики не просили милости у своихъ беззаконныхъ гонителей, но шли за правду на крестъ, на костры, въ кипящее олово. Теперь я не милости хочу, а мести, святой, праведной мести. Я борьбѣ за правду все отдалъ: и годы молодые, и силы тѣлесныя, и все привлекательное въ мірѣ этомъ. Отдалъ, полагая нѣкогда, что тѣ, въ ряды которыхъ я вступалъ, когда принималъ монашество и священство, также, какъ и я, горятъ желаніемъ со всею рѣшительностью послужить Христу. Я не зналъ ихъ хорошо; не зналъ, что скрывается у нихъ подъ елейною наружностью... Теперь и я все, все узналъ. И уже никто не убѣдитъ меня въ противномъ тому, что я узналъ. Подъ золотыми шапками дорогими у нихъ увидѣлъ я дешевыя головы, помышляющія только о земномъ, подъ звѣздами и орденами я нашелъ у нихъ сердца, полныя зависти, злобы, корысти, ненависти, братоубійства, и богоотступничества. О, обманщики! О, змѣи! О, потомки по духу древнихъ христоубійцъ—первосвященниковъ іудейскихъ! Какъ мнѣ не возгорѣться противъ васъ местью, когда вы оскорбили меня въ самыхъ лучшихъ чувствахъ, чувствахъ необходимости архіереямъ и священникамъ стоять за Правду Христову даже до смерти; когда вы осквернили и опозорили мои идеалы, подмѣнили ихъ,

оплевали ихъ! Вы отступили отъ Христа, и желаете мнѣ тысячу смертей за то, что я стремился искренно исполнять волю Господа Спасителя. Вамъ нужна моя ряса?—Возьмите ее! Но знайте, что когда моя месть вамъ приметъ стихійные размѣры, тогда я силою непобѣдимой Правды разорву ваши мантіи, шелковыя рясы, какъ разрываетъ пантера добычу свою; брилліанты ваши и драгоцѣнные камни, за которые вы продали Христа и счастье Народа Русскаго, отъ духа Правды разсыплятся, какъ разсыпаются пыль и древесные листья въ осеннее время; а звѣзды ваши, которыми вы такъ гордитесь другъ предъ другомъ,—эти ничтожнѣйшіе побрякушки,—померкнутъ, когда предъ всѣмъ міромъ возсіяетъ свѣтъ той Правды, за которую вы теперь съ такою злобою и ожесточеніемъ берете у меня скромную, никому ненужную, монашескую рясу. За грошъ вы поплатитесь милліардами, ибо поругались надъ Истиной, которая дороже всѣхъ сокровищъ земныхъ.—Іеромонахъ Иліодоръ».

«Старецъ» зорко слѣдилъ изъ с. Покровскаго за моимъ поведеніемъ. И очень негодовалъ, видя, что я не только не «смиряюсь», но даже еще больше возстаю на «Божьяго Помазанника».

Негодуя, онъ совѣтовалъ царямъ принять по отношенію ко мнѣ весьма строгія мѣры. Онъ писалъ: «*Миленькаи папа и мама! Иліодоръ съ бѣсами подружился. Бунтуетъ. А прежде такехъ монаховъ пороли. Цари такъ дѣлали. Ноиче смирите его, чтобы стража ему въ зубы не смотрѣла. Вотъ бунтовщикъ. Григорій!*» (Дневникъ Лохтиной.).

«Старческій» совѣтъ державные послушники не замедлили исполнить. Въ концѣ мая я, не зная, что есть приказъ не выпускать меня даже и за ограду пустыни, вышелъ за монастырскія ворота, чтобы опустить въ почтовый ящикъ три письма, потому что никто изъ монаховъ и караульщиковъ не рѣшался это сдѣлать. А письма были очень важныя... Не успѣлъ я дойти до ящика, какъ старшій жандармъ скомандовалъ стражнику: «не пускай!»

Я шелъ, не обращая вниманія.

— Ты, что-жъ стоишь, и не дѣлаешь, что приказано?»

Стражникъ бросился на меня и ударилъ меня въ грудь. Я упалъ, стражникъ, намѣреваясь еще разъ ударить, черезъ меня упалъ на землю, и разбилъ мнѣ лицо сапогомъ.

Я, весь окровавленный и въ пыли, поднялся, и говорю: «братцы! Да вѣдь такъ-же нельзя!»

— Такъ точно нельзя, ваше благословеніе!

— Вѣдь я же все-таки священникъ.

— Такъ точно священникъ, ваше благословеніе!

— Зачѣмъ же вы меня ни за что бьете!

— Такъ точно ни за что...

— Вотъ и бить не надо.

— Такъ точно не надо, но приказано. — говорилъ младшій.

— Ты, подлецъ, не разсказывай,—закричалъ на проговорившагося старшій.

— Почему же? — спросилъ я, удивляясь.

— А потому что, значитъ, не велѣно говорить, что здѣсь дѣлается! — Идите въ монастырь!..

Я пошелъ, письма положилъ въ карманъ. Послѣ, въ 1913 году, изъ дневниковъ Лохтиной, я узналъ, кто и когда приказывалъ меня бить.

Дни шли за днями, мѣсяцы за мѣсяцами.

Увѣщеватели приходили къ дверямъ моей кельи, и, несолоно хлебавши, уходили...

А «старецъ» работалъ. Работалъ не только надъ усмиреніемъ меня, но и надъ усмиреніемъ моихъ духовныхъ дѣтей, которые, разставшись со мною 8-го января 1912 года, скорбѣли обо мнѣ и, какъ люди простые, только и находили себѣ небольшое утѣшеніе въ молитвѣ въ монастырскомъ храмѣ... Они молились Царицѣ Небесной, чтобы она разогнала «старцову компанію», и вернула бы къ нимъ ихъ «дорогого батюшку». Но компанія оказалась сильнѣе Владычицы міра. Послѣдняя не могла побороть даже одного «блаженнаго праведника»...

«Старцу» не нравились молитвы иліодоровцевъ, потому что онѣ поддерживали непріятный для него шумъ вокругъ его имени. Для преслѣдованія ихъ, иліодоровцевъ, онъ назначилъ трехъ жестокихъ, невѣрующихъ, духовныхъ лицъ: священника Строкова, котораго Гермогенъ всегда звалъ Макбетомъ, іеромонаха Иринарха и безобразнаго по тѣлу, а еще болѣе по душѣ—епископа Алексѣя. Чтобы вызвать у нихъ особенное усердіе въ разрушеніи моего монастыря и разгонѣ объединеннаго народа, онъ чрезъ Синодъ далъ Строкову санъ протоіерея, Иринарху—санъ архимандрита, а Алексѣю—самостоятельную каѳедру.

Изъ Флорищевой пустыни я послалъ Алексѣю телеграмму: «Владыка! Покройте своею мантіею гонимыхъ распутинцами бѣдныхъ людей, защитите ихъ. Іеромонахъ Иліодоръ».

Алексѣй отвѣтилъ: «Оставить просьбу іеромонаха Иліодора безъ послѣдствій.» И въ то же время, по приказанію Распутинскаго Синода, давалъ распоряженіе, одно другого отвратительнѣе, о смиреніи неспокойныхъ иліодоровцевъ.

Подкупленные религіозные проходимцы и обманщики старались во всю. Оберъ-секретарь Мудролюбовъ, присланный, по распоряженію Синода, для разслѣдованія моей дѣятельности въ Царицынѣ, вмѣстѣ съ Строковымъ и Иринархомъ, попьянствовавши, и не нашедши за мною ничего худого, взялъ изъ канцеляріи полицмейстера «квачъ» торжественно побѣдный трофей моей «позорной» дѣятельности, повезъ въ Петербургъ, принесъ его на засѣданіе Синода, и, конечно, по велѣнію Духа Святого, гадкій, ничтожный «квачъ» былъ положенъ на храненіе въ Синодальный архивъ.

Цари, Синодъ, а особенно «старецъ», были очень удручены, что ревизія моей дѣятельности, предпринятая исключительно для того, чтобы чрезъ нее какъ-нибудь скомпрометировать меня предъ обществомъ, нашла только «квачъ», къ которому, по справедливости, я не имѣлъ никакого отношенія, потому что этимъ квачемъ, во время Саровскаго паломничества, мазали лицо шутливому газетному сотруднику въ Саратовѣ какіе-то озорники безъ моего вѣдома, а тѣмъ болѣе позволенія...

Мои почитатели продолжали молиться и надѣяться, что вотъ-вотъ цари образумятся, и откроютъ мнѣ дорогу изъ Флорищевой въ Царицынъ.

Но цари, наставляемые «старцемъ», все болѣе и болѣе безумѣли...

«Старецъ» писалъ царямъ изъ Покровскаго: «*Миленькаи папа и мама! Иліодоръ ихъ научилъ бунтовать. Вы не смотрите на его бабъ. Молитва ихъ бѣсамъ. Надо приказать похлеще поучить этихъ бабъ. Тогда они забудутъ бунтовщика. И сами смирятся. Григорій*». (Дневники Лохтиной).

Вскорѣ послѣ этого письма въ Царицынѣ было совершено величайшее, невѣроятное злодѣяніе.

23-го сентября мои почитатели собрались въ монастырскій храмъ и пѣли Владычицѣ міра молебенъ: «радуйся Заступница усердная рода Христіанскаго!»

Въ храмъ явился протоіерей Строковъ съ приставомъ Василіемъ Броницкимъ и, имѣя точныя инструкціи изъ

Петербурга—отъ Синода и министровъ,—далъ распоряженіе полиціи выгнать народъ изъ храма.

26 городовыхъ во главѣ съ приставомъ съ страшными ругательствами, въ шапкахъ, обнаживши шашки, начали истязать народъ: таскали бѣдныхъ женщинъ и дѣвушекъ по храму, вырывали волосы, выбивали зубы, рвали на нихъ платье, били по лицу, и даже оскорбляли шашками дѣвическ ю стыдливость самымъ невѣроятнымъ образомъ...

Чрезъ 2 часа богомольцы были изгнаны изъ храма.... Полъ храма представлялъ собою поле битвы. Вездѣ виднѣлась кровь, валялась порванная одежда, и лежали дѣвушки и женщины въ обморочномъ состояніи.

Многихъ полицейскіе увели въ тюрьму, гдѣ несчастные люди томятся и до сего дня!

Получивши объ этомъ ужасномъ злодѣяніи подробныя извѣстія, я написалъ Коковцеву, Макарову, Саблеру, Даманскому, саратовскому губернатору Стремоухову, его помощнику Боярскому и царицынскому полицеймейстеру Василевскому рѣзкія письма.

Въ письмахъ тѣхъ я проклиналъ ихъ всѣхъ именемъ Божіемъ за то, что они, будучи христіанами, да еще православными, дерзнули допустить избіеніе дѣтей Божіихъ у Престола Праведнаго Бога и тогда, когда больные сердцемъ и истерзанные тѣломъ люди обращались съ молитвами къ Владычицѣ міра.

А Саблеру, кромѣ проклятія, прибавилъ еще: «ты, какъ діаволу, поклонился до земли развратному хлысту—Гришкѣ Распутину... Предатель и богоотступникъ! Твоими грязными руками не святѣйшее кормило Невѣсты Христовой—Церкви Божіей держать, а чертямъ въ аду сапоги чистить. Говорю это по долгу священства! Иліодоръ».

Не знаю, что дѣлали съ этими письмами перечисленные господа, но Саблеръ носилъ свое проклятіе, по разсказу О. В. Лохтиной въ Флорищевой пустыни, къ царямъ, и цари, прочитавъ «письмо мое Владиміру Карловичу, очень разсердились на меня».

А Синоду я, выведенный изъ терпѣнія неслыханнымъ разбоемъ въ Царицынѣ, писалъ:

«Святые отцы! Почему вы не раздѣлываетесь со мною до конца? Если по христіанской любви, то прямо скажу вамъ, что я въ вашей любви не нуждаюсь, ибо она слишкомъ похожа на жалость волка къ кобылѣ.

Хорошо вижу, что вы не можете, вы боитесь удовлетворить на мнѣ свою злобу. По этому поводу мнѣ невольно напрашиваются нѣкоторыя сравненія.

Такъ. Когда я былъ шаловливымъ мальчуганомъ, у меня былъ любимый щенокъ. Однажды я взялъ у матери на кухнѣ кусочекъ мяса, далъ его откушать щенку, потомъ положилъ его, отнесъ щенка на нѣкоторое разстояніе, пустилъ его, и, когда онъ бросился къ лакомому куску мяса, я наступилъ ему на хвостъ; щенокъ быстро обернулся, перекинулся и зарычалъ на меня. Думаю, что и вамъ святители, что-то наступаетъ на хвостъ; если бы этого не было, то вы, конечно, давно бы раздѣлались со мною, какъ щенокъ съ мясомъ.

Вы сердитесь, негодуете на меня за это некрасивое сравненіе.

Знаю. Не сердитесь, не негодуйте. Я допустилъ это сравненіе на слѣдующихъ, неопровержимыхъ основаніяхъ. Пять лѣтъ тому назадъ я написалъ извѣстную статью: «Моимъ высокимъ судьямъ». Въ той статьѣ я митрополита Флавіана назвалъ покорнымъ послушникомъ митр. Антонія. Три года тому назадъ меня сослали въ Минскъ. Будучи проѣздомъ въ Петербургѣ, я зашелъ къ митрополиту Флавіану, какъ къ святому человѣку, получить благословеніе... И что же?—Онъ отъ злобы говорить не могъ! Я тогда подумалъ: правду про него говорилъ епископъ Антоній Волынскій, что онъ, Флавіанъ, самый злой и мстительный человѣкъ.

Это—одинъ примѣръ злобнаго ко мнѣ отношенія члена Синода.

Вотъ—другой. Архіепископъ Антоній въ одномъ домѣ говорилъ обо мнѣ буквально слѣдующее: «намъ бы только Иліодора вырвать изъ царскихъ рукъ, а тамъ мы его немедленно разстрижемъ; послѣ же разстриженія онъ непремѣнно повѣсится, и пѣсня его будетъ спѣта!».

Третій примѣръ. Митрополитъ Владиміръ недавно называлъ меня моимъ духовнымъ дѣтямъ башибузукомъ только за то, что я не могъ подъ конвоемъ шести стражниковъ, среди толпы любопытныхъ людей, ходить въ храмъ на молитву.

Ну, скажите, святители, это-ли не собачье отношеніе ко мнѣ съ вашей стороны? Подлинно, я—кусокъ мяса, вы хотите съѣсть его, но что-то сильное наступаетъ вамъ на хвостъ, и вы только рычите.

Вы давно бы со мною раздѣлались; но какъ невѣрные прикащики, озлобленные на любимыхъ народомъ слугъ, боятся притѣснять ихъ, опасаясь раскрытія предъ народомъ своихъ собственныхъ грѣшковъ, такъ и вы боитесь чего-то, и только поэтому не разрываете меня.

Какъ Иродъ изъ-за страха предъ народомъ, почитавшимъ Іоанна за великаго пророка, не рѣшался долго казнить пророка Божія; какъ первосвященники іудейскіе долго не могли чрезъ народъ взять Іисуса Христа, такъ и вы, архіереи, боитесь погубить меня, ибо знаете любовь вѣрующаго народа ко мнѣ. Хотя вы и показываете видъ, что вы этой любви не замѣчаете, или не хотите замѣчать, но все-таки видно, что она вамъ не даетъ покоя, она васъ рѣжетъ и сокращаетъ ваши алчные аппетиты на жизнь слугъ Божіихъ.

Почему бы то ни было, но,—повторяю,—вы не можете, не смѣете покончить мое дѣло. Не можете, такъ я вамъ помогу.

Когда я обучался въ академіи на второмъ курсѣ, то одинъ изъ товарищей моихъ показалъ мнѣ однажды картинку. На картинкѣ было изображено слѣдующее. На высокой подставкѣ поставлена площадка. На площадкѣ столъ съ различными яствами и питіями. Вокругъ стола съ кусками закуски и бокалами вина стояли тучные, пузатые митрополиты въ бѣлыхъ клобукахъ, архіереи и монахи. Надъ ними была такая надпись: «Мы молимся за васъ!» Внизу, подъ площадкою, было изображено множество рабочихъ за дѣломъ: кто ковалъ желѣзо, кто пахалъ землю, кто рубилъ дерево, кто строилъ домъ и т. д. Надъ рабочими было напечатано: «а мы работаемъ на васъ!».

Тогда я съ негодованіемъ отвергъ упомянутую картинку и сказалъ грубо товарищу:—«ты съ такими вещами въ другой разъ ко мнѣ не обращайся; вѣдь ты знаешь мои убѣжденія; такимъ вещамъ не мѣсто въ духовной школѣ и гдѣ бы то ни было среди христіанъ!...»

Теперь же я сознательно утверждаю, что на картинкѣ была изображена жизненная правда. Въ подтвержденіе сего моего убѣжденія я могъ бы привести неисчислимое количество примѣровъ развратной жизни православныхъ архіереевъ и священниковъ, но это не входитъ въ ближайшую задачу этого моего писанія вамъ.

Я въ данномъ случаѣ ограничусь тѣмъ, что буду писать рѣзко о васъ, святители и вообще о членахъ Синода послѣдняго времени.

Важно знать, кто вы, кого имѣете своимъ погонщикомъ, какую имѣете совѣсть и чѣмъ вы занимаетесь. Нужно знать это для объясненія вашихъ преступныхъ дѣйствій въ этомъ 1912 году.

Кто вы?—Вы всѣ—карьеристы. Въ Бога вы не вѣруете. Всю жизнь вы не знаете покоя отъ корыстолюбивыхъ расчетовъ. Славу Божію вы забыли; стремитесь только къ славѣ человѣческой. Вы къ начальству ласковы, смиренны, чтобы сохранить за собою земное благополучіе. Бѣдныхъ вы презираете, а съ богатыми цѣлуетесь, дружите съ ними, ухаживаете за ними, хотя бы они были беззаконники и кровопійцы. Вся жизнь ваша—сплошное удовольствіе. Антоній Волынскій однажды говорилъ: «каждый воскресный и праздничный день для насъ, архіереевъ, является юбилейнымъ торжествомъ!» Вы одѣваетесь въ роскошныя, шелковыя рясы, ѣздите въ дорогихъ каретахъ, спите на мягкихъ постеляхъ, услаждаетесь вкусными обѣдами, пьете прекрасное вино, копите много денегъ. Вы—горды, надменны, злы, мстительны. Вы людямъ постоянно указываете на небо, велите имъ тамъ приготовлять сокровище, а сами заботитесь только о томъ, какъ бы побольше здѣсь себѣ собрать богатства. Вы оправдываете себя въ этомъ тѣмъ, что намѣрены при смерти отдать свои деньги на добрыя дѣла; но христіанство не знаетъ такой благотворительности. Оно цѣнитъ благотворительность, въ которой царитъ сознательное самопожертвованіе, безкорыстіе... А это что за благотворительность, когда при смерти все равно нужно разставаться со всѣмъ. Если бы на томъ свѣтѣ нужны были деньги, то вы бы ихъ не отдавали, а брали бы съ собою. Вы за правду не стоите, борцовъ за нее не поддерживаете; за орденъ, за звѣзду, за расположеніе угнетателей народныхъ вы готовы продать душу свою діаволу. Въ загробную жизнь вы не вѣруете; проповѣдуя же о ней, вы только обманываете и морочите темныхъ, простыхъ людей. Если бы вы хоть сколько-нибудь вѣрили, то вы не жили бы такъ, какъ живете. Вы не слуги народа, васъ кормящаго, а грубые, гордые владыки. Вы только измываетесь надъ наслѣдіемъ Божіимъ. Подъ своими широкими рясами и мантіями вы скрываете всякую нечистоту и неправду. Вы прославляете древнихъ пророковъ, отечественныхъ стоятелей за правду, а современныхъ пророковъ-подвижниковъ вы изъ зависти и злобы готовы посадить на колъ. Вы ослѣпляете народъ своею пышностью, а не даете ему жизни.

Кто является вашимъ погонщикомъ, руководителемъ!— Теперь—В. К. Саблеръ. Что это за человѣкъ?

Въ бытность мою въ академіи студенты не иначе называли его, какъ Скаблеръ—отъ слова: скоблить. Называли, потому что, по утвержденію многихъ, онъ умѣлъ отчаянно скоблить архіереевъ, настоятелей и настоятельницъ монастырей, то есть бралъ взятки. На награбленныя деньги онъ, по утвержденію многихъ, покупалъ богослужебныя книги и колокола, разсылалъ по бѣднымъ приходамъ, чтобы по книгамъ дьячки голосами, а въ колокола звонари звономъ проповѣдывали о его добрыхъ дѣлахъ.

Антоній Волынскій однажды, пріѣхавши въ Петербургъ и остановившись въ Лаврѣ, въ комнатахъ сзади митрополичьей крестовой церкви, говорилъ про взятки Саблера:— «о, о, о! Это—такой артистъ, что у самого бѣса кошелекъ изъ кармана вытащитъ!».

Эти слова я самъ слышалъ... В. К. Саблеръ—не русскій по плоти, а нѣмецъ или, какъ нѣкоторые утверждаютъ, швабскій еврей. Онъ—обманывалъ царя. Онъ продалъ душу сатанѣ, темной, проклятой силѣ. Извѣстный духовный разбойникъ, окаянный хлыстъ, Гришка Распутинъ въ концѣ іюня 1911 года, въ Царицынѣ, въ монастырѣ, въ моей маленькой кельѣ, въ три часа дня говорилъ мнѣ буквально слѣдующее:—«А знаешь что? Вѣдь Цаблеръ мнѣ въ ноги до земли поклонился, когда я къ нему пришелъ съ визитомъ, за то, что я его въ *прукароры* доспѣлъ!»

Святители! Смотрите же, какого погонщика вы имѣете? Положимъ вамъ все равно, хотя бы руководителемъ вашимъ былъ самъ сатана, но это я говорю не столько ради васъ, а ради народа, чтобы онъ, бѣдный, вѣрящій вамъ, наконецъ, позналъ бы, кому онъ вѣритъ и за кѣмъ идетъ.

Какова ваша совѣсть?—Воплощеніемъ вашей синодальной совѣсти является Антоній Волынскій. Онъ—вашъ запѣвало, такъ сказать.

Кого же и что представляетъ изъ себя этотъ человѣкъ. Онъ для многихъ темная, неразгаданная, черная сила. Но я его хорошо узналъ. Онъ—сквернословъ и матерщинникъ. Сколько разъ мнѣ не приходилось имѣть съ нимъ бесѣды, онъ всегда ругался матерными словами. Про архіереевъ онъ всегда говорилъ:—«всѣ епископы дураки, блудодѣи и пьяницы». Порядочными архіереями онъ считалъ только себя, да архіерея Сергія Финляндскаго. Этого послѣдняго онъ считалъ выше себя, потому что Сергій, по

его словамъ, видитъ на три аршина въ землю, а онъ, Антоній, только на два. Онъ расточитель народныхъ денегъ: онъ получаетъ въ годъ отъ Почаевской Лавры народныхъ, кровныхъ денегъ около тридцати тысячъ. Деньги большія. Куда же онъ дѣваетъ ихъ, эти кровавыя народныя, трудовыя деньги? Онъ постоянно стремится слыть между людьми, особенно учащеюся молодежью, благотворителемъ, безкорыстнымъ. И вотъ, чтобы о немъ хорошо говорили, онъ благотворитъ, но благотворитъ безъ разбора, расточительно. Я знаю студентовъ, которые получая отъ него деньги, по 70 рублей за одну ночь прогуливали съ блудницами. Это и онъ, Антоній, хорошо зналъ, но все-таки продолжалъ благотворить подобнымъ хулиганамъ единственно, потому что они имѣли хорошо привѣшенные языки, красно проповѣдывали про его несуществующія достоинства. Такъ Антонію нельзя распоряжаться святыми, народными денежками...

Про высочайшихъ особъ и существующій государственный строй этотъ епископъ всегда говорилъ такія вещи, за которыя его давнымъ давно нужно много бить шелепами и спровадить на каторгу. Но онъ, какъ хитрый человѣкъ, умѣетъ прятать концы въ воду, а на расправу выставляетъ другихъ.

Эта особа имѣетъ какую-то сатанинскую способность обольщать людей, доводить ихъ до умоизступленія и даже до самоубійства. Талантливый іеромонахъ Тарасій, молодой кіевскій миссіонеръ Грисюкъ, священникъ Стефановскій покончили самоубійствомъ, именно, по-моему, потому что имѣли несчастіе сблизиться съ темною силою—епископомъ Антоніемъ. Смотрите, святители, какая темная личность является воплощеніемъ вашей совѣсти. Прямо страшно за васъ и за общеніе съ вами!

А какова ваша дѣятельность во время присутствованія въ Синодѣ? Чѣмъ вы занимаетесь? Лучше бы объ этомъ и не говорить, но куда же убѣжишь отъ того, что есть. Вы преимущественно занимаетесь бракоразводными дѣлами. Антоній Волынскій нѣсколько разъ говаривалъ:—«если у Синода взять бракоразводныя дѣла, то ему, Синоду, нечѣмъ будетъ и заниматься, такъ какъ эти дѣла составляютъ три четверти всѣхъ синодскихъ занятій». А что это за дѣла?—Самыя грязныя, поганыя, отвратительныя. Этими дѣлами заниматься бы какому-либо околодочному надзирателю Держиморднну, а не вамъ, старцы-святители. Ну, прилично ли вамъ, старичкамъ, читать бумаги о томъ, какъ кто-то

видѣлъ, какъ Алена лежала на кровати съ Петромъ, Петръ былъ безъ штановъ, Алена... Нѣтъ, нѣтъ! Прямо нельзя и писать!.. Ну, къ лицу-ли вамъ, проповѣдникамъ слова Божія, читать хотя бы слѣдующее письмо одного генерала-лейтенанта: «Милая Акуля! Сначала все было шито-крыто Потомъ генеральша-егоза все узнала и вышла одна херовина. Твой Абдулка». Конечно, неприлично; но вы послѣ вкусныхъ завтраковъ и обѣдовъ смакуете своими старческими умами и сердцами эти грязныя дѣла. Какое же послѣ этого у васъ будетъ настроеніе? Можете ли вы при такомъ настроеніи понять, что гдѣ-то тамъ далеко, напримѣръ, въ Царицынѣ какіе-то иліодоровцы молятся Богу, жаждутъ духовной жизни, хотятъ жить въ общеніи съ Богомъ, въ мирѣ и любви съ людьми?

Плотскимъ, низменнымъ вашимъ настроеніемъ и объясняется вся ваша дѣятельность. Посему я, какъ и всякій истинный человѣкъ, не удивляюсь тому, что вы совершили и совершаете. Вы въ третьемъ году, напримѣръ, когда я возвращался изъ Новосиля въ Царицынъ приказали избраннымъ пресвитерамъ вытащить меня изъ алтаря храма, вывести за ворота монастыря и отдать полиціи. Объ этомъ вы присылали епископу Гермогену телеграмму, подписанную митрополитомъ Владиміромъ. На что это похоже? Не безуміе ли это, происшедшее отъ того, что вы—люди съ плотскимъ настроеніемъ? И сколько такихъ примѣровъ вашей дѣятельности можно найти?

Восемь лѣтъ вы издѣвались надо мной, какъ только могли; гнали меня изъ города въ городъ за ревностную службу; трепали меня нравственными и тѣлесными муками. Но я не буду сейчасъ писать о томъ, какъ вы поступали со мною и моими духовными дѣтьми въ прежніе годы; я остановлюсь только на томъ, что вы сдѣлали съ нами въ нынѣшнемъ, 1912 году. Заранѣе скажу, что отъ того, что я напишу о вашихъ преступныхъ дѣйствіяхъ, содрогнутся всѣ человѣки. Вы, быть можетъ, думаете, что всѣ ваши дѣянія будутъ сокрыты отъ міра, котораго вы боитесь больше Бога,—если только вы хоть сколько-нибудь боитесь Его,—но вы забыли слова Христа: «Нѣтъ ничего тайнаго, что не сдѣлалось бы явнымъ!» И вотъ тайное, хотя и отчасти, я открываю, а что уже извѣстно, я повторяю для того, чтобы люди запомнили лучше и отвернулись бы отъ васъ съ омерзеніемъ.

Вы, святители, съ какою-то сатанинскою злобою за-

точили въ медвѣжій уголъ великаго человѣка, праведнаго епископа Гермогена, вы недостойны и края ризъ его цѣловать, а такъ дерзнули поступать съ нимъ. За что?

Видимая, маловажная и не истинная причина та, что онъ изобличилъ васъ въ уклоненіи отъ церковныхъ правилъ, когда рѣшали вопросъ о діакониссахъ и другія дѣла. Онъ назвалъ васъ прямо еретиками. И вы, вмѣсто того, чтобы оправдываться, заточили его, а митрополитъ Антоній вопросъ о діакониссахъ отложилъ до помѣстнаго Собора. За этотъ поступокъ теперь славятъ покойнаго митрополита. Хвалятъ его за то, что онъ вывелъ васъ изъ затруднительнаго положенія, изъ тупика. Но я не за это добромъ поминаю покойнаго, а за то, что онъ своею резолюціею по вопросу о діакониссахъ расписался въ полной негодности Синода рѣшать какіе бы то ни было церковные вопросы. Слава ему за это! Вѣдь если онъ призналъ, что Синодъ не можетъ рѣшить вопросъ о діакониссахъ и его, вопросъ, нужно отдать на разсмотрѣніе помѣстнаго собора, то, значитъ, Синодъ не соборъ, быть непогрѣшимымъ не можетъ, и слушаться его не стоитъ!

А я-то, бѣдный, вплоть до настоящаго времени считалъ Синодъ помѣстнымъ соборомъ, непогрѣшимымъ, дѣйствующимъ по изволенію Духа Святого. Да и я ли одинъ такъ думалъ? Не вся ли русская православная Церковь считала Синодъ органомъ Духа Святаго, живущаго въ Церкви и управляющаго Ею? И вотъ митрополитъ Антоній торжественно заявилъ, что Синодъ можетъ ошибаться... Ну, владыка, счастье твое, что ты такъ скоро послѣ своей резолюціи убрался къ праотцамъ, а то досталось бы тебѣ, когда раскусили бы, въ чемъ дѣло; не сдобровать бы тебѣ! Я же тебѣ, мертвому, славу пою. Ты открылъ людямъ глаза. Ты сказалъ имъ,—хотя и не хотѣлъ того говорить и думалъ, что не сказалъ,—что то, что они считали Богомъ, не—Богъ. Велика твоя, покойничекъ, заслуга, хотя ты и безсознательно, по чувству политиканства, совершилъ этотъ подвигъ.

Синода, какъ органа Св. Духа, больше не существуетъ, какъ и не существовало никогда!

Если такъ, то чѣмъ же вы, святители, гордитесь? И какое вы имѣли право такъ жестоко расправиться съ человѣкомъ, пожелавшимъ остаться вѣрнымъ правиламъ соборнымъ и Апостольскимъ?

Одновременно съ епископомъ Гермогеномъ вы, святи-

тели, заточили въ темницу и меня, грѣшнаго, опять является вопросъ: за что?

Совершенно безъ всякой видимой причины.

Вся Церковь русская, въ лицѣ своихъ лучшихъ сыновъ и дочерей, обращалась къ вамъ и спрашивала нѣсколько разъ у васъ: «за что заточенъ Иліодоръ? За что онъ изгнанъ изъ Царицына?» И вы ничего не отвѣчали и до сихъ поръ не отвѣчаете. Да и что вы можете отвѣтить? Если вы, паче чаянія, осмѣлились бы сказать правду, то тогда половина бы Церкви отъ васъ отпала. Поэтому вы изъ-за страха не говорите правду. Такъ я за васъ скажу въ своемъ мѣстѣ. Вашимъ же утвержденіямъ о томъ, что я сосланъ за вредное вліяніе на епископа Гермогена, никто не повѣритъ. Если же кто-либо повѣритъ, то тому я заранѣе скажу, что изъ Царицына въ Петербургъ я пріѣхалъ исключительно по требованію своего епископа—святителя Гермогена. О томъ же, что будто бы я, живя въ Петербургѣ вмѣстѣ съ еп. Гермогеномъ, вліялъ дурно на него и подбивалъ бороться съ неправдою синодскою, смѣшно даже и думать. Развѣ могъ я, ничтожный человѣкъ, какъ-нибудь вліять на такого колосса, богатыря мысли и воли, какимъ былъ всегда и есть доблестный Гермогенъ. Я радъ бы былъ очутиться въ подобной роли, почелъ бы это честью для себя, но этого нѣтъ; и утверждать этого я никакъ не могу, чтобы не оскорбить великаго Гермогена; оскорбить его тоже не могу, потому что я люблю его и Истину Божію.

Нѣтъ, нѣтъ не вопросъ о діакониссахъ—причина ссылки епископа Гермогена и, значитъ, моей, а нѣчто другое, ужасное, потрясающее и для истиннаго человѣка-христіанина нравственно не переносное.

Вы, измѣнники Христу, заключили меня, по приказанію сильныхъ людей за изобличеніе хлыста Распутина!

Какъ вы поступали со мною и моими возлюбленными дорогими духовными дѣтьми?

Полагаю, что и сами вы не откажитесь, что все то, что было мнѣ и моимъ дѣтямъ сдѣлано непріятнаго духовными и свѣтскими властями съ 18-го января 1912 года и до сего дня, сдѣлано по *вашему благословленію*.

Когда вы, 18 января, сдѣлали постановленіе о ссылкѣ меня во Флорищеву пустынь, меня, по вашему благословенію, арестовали жандармы. За что? Я, дѣйствительно, хотѣлъ идти пѣшкомъ въ Сергіеву лавру, а оттуда въ Флорищеву пустынь, ибо въ вашемъ постановленіи не было

сказано, какъ отправляться мнѣ въ мѣсто ссылки: пѣшкомъ или на поѣздѣ; денегъ у меня на проѣздъ не было, вы не дали, и я рѣшилъ идти пѣшкомъ. И пошелъ. Но когда увидѣлъ, что меня ловятъ вездѣ власти, я вернулся въ Петербургъ, послѣ потрясенія нравственнаго и физическаго отдохнулъ въ домѣ одного порядочнаго человѣка и самъ, добровольно, заявился властямъ съ условіемъ, чтобы меня чины полиціи не сопровождали до пустыни; я далъ слово министру внутреннихъ дѣлъ направиться прямо на мѣсто назначенія. Министръ обѣщалъ не дѣлать за мною надзора, но обманулъ. Не успѣлъ я войти въ вагонъ поѣзда, какъ изъ этого вагона выгнали всѣхъ вольныхъ пассажировъ, а ихъ мѣста заняли жандармы. Зачѣмъ это нужно было дѣлать? Зачѣмъ было такъ меня оскорблять? Зачѣмъ было такъ жестоко попирать мое слово и обманывать меня? Неужели вы думали, что я могъ послѣ слова, даннаго мною, направиться не въ Флорищеву пустынь, а въ Царицынъ? Глупо! Да если бы у меня было намѣреніе проникнуть въ Царицынъ, то хоть бы вы благословили правительство мобилизовать всю россійскую армію, чтобы не пропустить меня въ Царицынъ, я все равно бы проникъ туда и посрамилъ бы васъ и всѣхъ насильниковъ! Повторяю, я добровольно хотѣлъ ѣхать въ пустынь, а вы меня на первомъ шагѣ такъ безбожно оскорбили. Неужели вы повѣрили отвратительному клеветнику –еп. Антонію, громко въ тѣ дни заявлявшему въ газетахъ, что я—человѣкъ обмана?..

Въ Москвѣ, по вашему благословенію, меня окружили на перронѣ вокзала около тридцати полицейскихъ чиновъ. Народъ, тамъ присутствовавшій, съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на эту необычайную картину, смотрѣлъ, и, конечно, соблазнялся. Чувствовали ли вы это?

Ну, гдѣ же вамъ чувствовать, когда, быть можетъ, вы въ тотъ часъ прочитали интересныя подробности бракоразводнаго дѣла.

Привезли меня во Флорищеву пустынь.

Здѣсь я долженъ немного остановиться на описаніи жизни этой обители, чтобы васъ, святители, познакомить съ нею; а то вѣдь, вы засѣли въ высокихъ палатахъ, и ничего не видите, что дѣлается въ народныхъ низахъ. Да и не интересуетесь вы этимъ; для васъ интересно только то, гдѣ и кѣмъ приготовляется вамъ хорошенькое мѣстечко съ 20-ю тысячами дохода, орденомъ или что-либо подобное; а какъ протекаетъ жизнь обителей и люда христіан-

скаго, это васъ настолько интересуетъ, поскольку эти интересы связаны съ вашимъ, простите, брюхомъ и поповскимъ карманомъ.

Флорищева пустынь это—не обитель, а домъ терпимости. Здѣсь почти каждый монахъ имѣетъ женщину, а то и двѣ. Неимѣніе женщины обусловливается не требованіемъ аскетизма, цѣломудрія и воздержанія, а количествомъ лѣтъ, проведенныхъ въ обители тѣмъ или инымъ монахомъ: если кто долго живетъ въ обители, тому можно имѣть жену свободно; если кто только поступилъ, тому можно заводить женщину съ оглядкой. На этотъ счетъ былъ такой случай. Поступилъ въ обитель одинъ послушникъ; по прошествіи года онъ завелъ себѣ возлюбленную; настоятель призываетъ его и говоритъ: «Э, э, э! Ты только одинъ годъ пожилъ, а уже завелъ себѣ кралю!»

Раза два или три въ году собираются въ обитель богомольцы, преимущественно женщины; большинство изъ нихъ приходятъ не Богу молиться, а блудодѣйствовать съ монахами. Монахи и распутныя женщины ведутъ себя въ обители весьма откровенно, даже безъ границъ. Такъ, у одного іеромонаха въ кельѣ его краля напилась въ попойкѣ до безчувствія. Другіе монахи взяли ее на руки, какъ мертвую, понесли по двору съ пѣніемъ: «со святыми упокоій», а ея возлюбленный, іеромонахъ, шелъ сзади и притворно, конечно, плакалъ навзрыдъ, какъ будто въ самомъ дѣлѣ близкаго покойника хоронили.

По пьянственному дѣлу въ домѣ отца настоятеля бываютъ еще и вотъ какіе случаи. Пріѣзжали однажды къ нему въ гости мѣстныя, Гороховецкія, полицейскія власти, напились всѣ пьяными, открыли окна и давай стрѣлять изъ револьверовъ въ лѣсъ. Пьяный іеромонахъ, жившій по сосѣдству съ настоятелемъ, выскочилъ изъ кельи и началъ ударять въ набатъ. Поднялась, конечно, тревога въ монастырѣ... Все это дѣло съ тѣхъ поръ стало называться монастырскою потѣхою и... только! Бывали здѣсь потѣхи еще и получше. Такъ, разсказываютъ. Послушники взяли тазъ, налили въ него воды, испражнились въ воду, понесли тазъ съ испражненіями вокругъ собора и всѣмъ встрѣчнымъ говорили: «Поклоняйтесь, поклоняйтесь! Вотъ несемъ мощи. Жертвуйте!»

Святители! Еще хотите слушать о Флорищевскихъ «потѣхахъ?» Что-жъ? Еще объ одной разскажу, а за остальными многими ужъ вы сами бы сюда пріѣхали. Что вы сидите-то на одномъ мѣстѣ?

Дѣло было такъ. Въ одно время, года два тому назадъ, женщины мыли въ храмѣ алтарь. Бросили мыть, взяли съ престола антиминсъ, развели кадило и начали бѣгать вокругъ престола, приговаривая: «вотъ намъ и свадьба!»

Всѣ эти безобразія въ пустыни, не говоря уже о крайнемъ мужеложествѣ, которому предаются монахи, по-моему, происходятъ отъ того, что отношенія епископа Николая къ пустыни не столько архипастырскія, сколько въ буквальномъ смыслѣ, масляныя. Дѣло въ томъ, что въ пустыни есть прекрасный скотный дворъ; съ этого двора ежегодно отправляется транспортъ масла владыкѣ, членамъ консисторіи, всей братіи и всѣмъ консисторскимъ христіанамъ. Естественно, что самъ епископъ Николай и его правыя и лѣвыя руки интересуются больше качествомъ масла, чѣмъ качествомъ жизни монастырской братіи.

Святители! Сославши меня во Флорищеву пустынь, вы отдали меня подъ надзоръ епископа Николая. Сдѣлали вы это съ явнымъ намѣреніемъ, какъ можно острѣе поиздѣваться надо мною. Дѣло въ томъ, что епископъ Николай—человѣкъ больной, невмѣняемый, подверженъ пьянственному пороку. Что же отъ него хорошаго можно ожидать?

Помимо этого онъ еще раньше былъ настроенъ противъ меня. Это произошло, во-первыхъ, потому, что онъ сбѣжавшій съ Кавказа во время революціи, не переваривалъ моей дѣятельной натуры, а, во-вторыхъ, потому что епископъ Гермогенъ, мой покровитель и защитникъ, четыре года тому назадъ не пропустилъ въ ректора СПБ. духовной академіи родного брата Николая, протоіерея отца Тимоѳея Налимова. Вотъ къ какому человѣку я попалъ подъ началъ. Естественно, что онъ, пьяный и грубый, вооружившись сухимъ послушаньемъ вамъ, злобою и местью ко мнѣ, началъ съ усердіемъ, забывши всѣ дѣла епархіи, которыми онъ и раньше неохотно занимался, истязать меня и моихъ дорогихъ духовныхъ дѣтей. Онъ началъ преслѣдовать меня прежде, чѣмъ я успѣлъ дать ему какой-либо поводъ къ этому. Настоятель монастыря, по благословенію епископа Николая, зорко слѣдилъ за тѣмъ, чтобы я чего-либо не писалъ въ газеты.

Въ пустынѣ я, по вашему благословенію и подъ отеческимъ руководствомъ пьянаго епископа Николая, подвергался всяческимъ издѣвательствамъ. Но я не буду описывать все то, что мнѣ пришлось перенести, не буду изъза боязни, чтобы меня не обвинили въ самовосхваленіи;

скажу только то, что издѣвательства доходили даже до учиненія надо мною стражниками физическаго насилія И это по вашему постановленію?! По вашему же благословенію полиція въ Царицынѣ, въ монастырскомъ храмѣ, избила моихъ невинныхъ молящихся духовныхъ дѣтей. За что? На какомъ основаніи вы приказали совершить столь неслыханное святотатство и дерзкое кощунство предъ Престоломъ Милосерднаго и Праведнаго Господа?

Дѣти мои собрались въ храмъ молиться обо мнѣ, о томъ, чтобы Богъ заставилъ васъ возвратить имъ любимаго пастыря! А вы побили ихъ?!

Что же, неужели же вы и въ такихъ случаяхъ, хотите командовать?

Неужели о полнотѣ чревъ вашихъ можно молиться, а о своихъ нуждахъ нельзя?

Зачѣмъ вы права Божіи присвоили себѣ? Зачѣмъ вы храмы—мѣста общенія людей съ Богомъ, обратили въ полицейскіе участки, торговыя конторы и постоялые дворы?

Если заплатить вамъ, кинуть деньги въ ваши бездонные карманы въ видѣ платы за ваши молитвы, церковные налоги, то можно молиться во всякое время дня и ночи, а если не заплатить, то нельзя? Вы тогда учиняете надъ молящимися насиліе и запечатываете храмъ, домъ Божій!

Зачѣмъ вы стали на мѣсто Бога Живаго?

Гордецы вы и безумцы! Безбожники—вы!

Вы ни въ какого Бога не вѣруете! Вы самихъ себя сдѣлали богами! И проклятіями, и пепломъ, и вѣчнымъ огнемъ заставляете бѣдныхъ, малодушныхъ людей поклоняться вамъ и питать ненасытное чрево!

Антихристы—вы! Противники вы истиннаго Бога.

Пусть, кто хочетъ, кланяется вамъ, какъ Богу!

А я знаю Единаго Истиннаго Бога и Христа Его, Истиннаго, Чистаго Христа, Сына Божія.

Васъ же я не знаю и знать отнынѣ не хочу!

Васъ я презираю всею силою души!

Съ вами, поклонниками «святого чорта», грязнаго хлыста—Гришки Распутина, я не хочу быть въ духовномъ общеніи ни одной минуты!

Потому, скорѣе сорвите съ меня рясу и отлучите меня отъ своей церкви!

Вы должны это сдѣлать!

Этого требуетъ и законъ вашъ!

Животныя, упитанныя кровью народною, доколѣ вы

будете сидѣть на шеѣ народной и кощунственно прикрываться Именемъ Божіимъ?!

Іеромонахъ *Иліодоръ*».

8-го ноября, въ день истеченія законнаго срока для моего увѣщеванія, съ меня сана не сняли.

Распутинцы боялись развязывать меня отъ рясы... Цари со «старцемъ» этого не хотѣли. Ѳеофанъ передавалъ мнѣ чрезъ А. А. Жукова, что я, по имѣвшимся у Ѳеофана свѣдѣніямъ, долженъ бы сходить въ храмъ хоть два раза и былъ бы выпущенъ изъ пустыни... Митрополитъ Владиміръ тому же Жукову жаловался на меня: «вотъ, какъ его «миловать»? Онъ не смиряется: ни разу даже въ храмъ не пошелъ, какъ башибузукъ какой...»

Но «смиреніе», какого желали отъ меня «старецъ» со своими державными и святѣйшими помощниками, далеко, далеко было отъ моей души.

По всей вѣроятности, въ нее вошли своею гордостью всѣ бѣсы, въ разное время изгнанные изъ людей блаженнымъ Григоріемъ.

Вошли и овладѣли ею, овладѣли окончательно.

19—20 ноября я сѣлъ и написалъ въ Синодъ «отреченіе». Написавши, я разрѣзалъ бритвой руку свою и кровью своею подписалъ: «Иліодоръ».

Я писалъ Синоду:

«Цѣлыхъ десять мѣсяцевъ и дѣлами, и словами я звалъ васъ къ покаянію: умолялъ васъ, просилъ васъ, предлагалъ вамъ, дважды требовалъ отъ васъ возстановить поверженную Правду, оградить Невѣсту Христову—Церковь Русскую отъ насилія и поруганія хлыстомъ Гришкою Распутинымъ.

Вы не покаялись, и даже не выражали и желанія когда-либо покаяться.

Остается вамъ сказать: «Оставляется домъ вашъ пустымъ».

Да судитъ Васъ Вѣчная Истина!

Я же отрекаюсь отъ вашего Бога.

Отрекаюсь отъ вашей вѣры.

Отрекаюсь отъ вашей церкви.

Отрекаюсь отъ васъ, какъ отъ архіереевъ.

Если бы Христосъ воскресъ, если бы Онъ былъ живъ и пребывалъ въ вашей Церкви, то тогда бы Онъ не допустилъ того, что вы сдѣлали.

Вы подъ своими мантіями сокрыли «святого чорта»—Григорія Ефимовича Распутина; вы знали, что этотъ со-

судъ беззаконія, обольщая людей тѣмъ, что онъ-де своимъ плотскимъ совокупленіемъ можетъ освящать тѣла людскія и снимать съ женщинъ страсти блудныя, растлилъ многихъ дѣвицъ и изнасиловалъ замужнихъ женщинъ, знали, но скрыли его, а блюстителей чистоты и невинности Невѣсты Христовой, изобличителей «святого чорта», вы съ ожесточенною злобою отдали на проклятіе.

Когда Тѣло Церковное трепетало, какъ подстрѣленная чайка, какъ горлица, попавшаяся коршуну, какъ непорочная дѣвица предъ дерзкимъ насильникомъ, вы въ Синодѣ охотнику, коршуну, насильнику торжественно читали хвалебную грамоту, называя его исповѣдникомъ.

Мало этого. Вы послали своихъ слугъ въ Государственную Думу заявить на всю Россію, на весь міръ, что у васъ подъ мантіями «святой чортъ» не скрывается. И это была неправда... «Святой чортъ» скрывался у васъ, теперь скрывается, ибо онъ, достойный высшей кары человѣческаго суда за свои преступленія, свободно живетъ, пріѣзжаетъ въ Петербургъ и даже останавливается въ синодальномъ домѣ на Литейной улицѣ.

Быть можетъ, съ кѣмъ-нибудь вы можете такъ шутить, а со мною нельзя, нельзя! Не позволю такъ ругаться надъ своими идеалами!

Посему: Бога вашего отнынѣ я не знаю, и васъ, какъ архіереевъ, не признаю».

Мое отреченіе было и для царей, и для Синода, и для «старца» неожиданнымъ.

Оно застало ихъ врасплохъ.

«Старецъ» первый очнулся, и изъ Покровскаг написалъ царямъ: «*Миленькаи папа и мама! Вотъ бѣсъ то Иліодоръ. Отступникъ. Проклятый. Надо бы его сдѣлать съума сошелъ. Докторовъ надо, а то бѣда. Онъ пойдетъ играть въ дудку бѣса. Григорій*». (Дневники Лохтиной).

Но изъ этого ничего не вышло. Я, хотя и не зналъ тогда объ этомъ «старческомъ» письмѣ, но, побуждаемый только слухами, шедшими изъ Петербурга, въ свою очередь написалъ г. Министру Юстиціи: «Г. Министръ! Въ Петербургѣ мои «пріятели» во главѣ съ митрополитомъ Владиміромъ хотятъ признать меня сумасшедшимъ.

Какая діавольщина!

Я не могу допустить, чтобы исторія, когда будетъ безпристрастно разбирать мое дѣло, сказала, что все то, что я сейчасъ дѣлаю, я дѣлалъ въ состояніи невмѣняемости.

Посему прошу васъ немедленно прислать сюда, въ пустынь, докторовъ и самымъ тщательнымъ образомъ меня изслѣдовать.

Я совершенно здоровъ. Я хочу, чтобы доктора это подтвердили и запротоколили!

Буду со дня на день ожидать докторовъ. Вѣрю и надѣюсь, что я не ошибусь въ своихъ законныхъ святыхъ упованіяхъ на ваше охраненіе правъ человѣческихъ, правъ русскихъ гражданъ.

Да благословится имя ваше нынѣ!

А въ будущемъ да не станетъ оно среди тѣхъ именъ Иродовъ убійцъ Іоанновыхъ, которыя недальнія, грядущія поколѣнія русскихъ людей будутъ проклинать и съ омерзеніемъ вспоминать! Искренно вамъ вѣрящій іеромонахъ Иліодоръ».

Докторовъ, конечно, не прислали, и Синодъ 13—17 декабря 1912 года снялъ съ меня санъ не по моей просьбѣ, а по суду, за отреченіе, за то, что я «усумнился въ спасительномъ Воскресеніи Господа Бога и Спаса Нашего Іисуса Христа».

22-го декабря въ мою убогую келью-тюрьму пришли: настоятель монастыря Макарій, казначей Мелхиседекъ, благочинный—протоіерей Дмитріевскій, жандармскій полковникъ, жандармы, исправникъ, приставъ, стражники, монахи и послушники съ стульями для почетныхъ гостей, всего человѣкъ 20.

Предложили мнѣ расписаться на синодальной бумагѣ о снятіи съ меня священнаго сана и монашества.

Я, послѣ девятилѣтняго перерыва, когда я писалъ себя Иліодоромъ, написалъ: «Сергѣй Труфановъ», написалъ спокойно и подумалъ: «вотъ въ сію минуту отлетѣла отъ меня, какъ отъ недостойнаго, «Божественная благодать, всегда немощная врачующая и оскудѣвающая воспаляющая», благодать, когда-то сведенная на меня въ академіи епископомъ Сергіемъ а отнята теперь жандармами и стражниками; эта благодать почила теперь на мужѣ достойнѣйшемъ, на «старцѣ» Григоріи. Берегитесь теперь, окаянные бѣсы! Къ вашему великому изгонителю еще благодати прибавилось!»

Власти ушли, а я уже мірянином, поѣхалъ на родину, въ домъ своихъ родителей, въ Донскую Область, станицу Маріинскую, хуторъ Большой.

Когда я ѣхалъ, а, можетъ быть, еще и раньше, «старецъ»

строчилъ царямъ:—*Папа мой и миленькая мама! Ну, пошелъ бьсъ Серьга Трухановъ, отступнекъ. Анахтема. Теперь гуляетъ. Надо слъдить, а то онъ смуту будетъ дълать. Полицію къ нему. Пусть она ему зубы почиститъ. Окаянный! Да! Григорій*». (Дневники Лохтиной).

Полтора года я прожилъ на родинѣ. Все это время, по приказанію изъ Петербурга, за мною отчаянно слѣдили.

Слѣдили отъ 7 до 10 человѣкъ стражниковъ и 2 мѣстныхъ священника—Ивдіевъ и Стефановъ; послѣдній изъ нихъ 27 лѣтъ тому назадъ училъ меня въ начальной школѣ тому, что будто бы Богъ творилъ міръ такъ, какъ малыя дѣти, играя, пускаютъ съ ладони черезъ трубочку мыльные пузыри...

Слѣжка была отчаянная. Но интереснѣйшія подробности о ней я дамъ въ своей автобіографіи.

Сейчасъ скажу только, что мѣстные слѣдители получали указаніе отъ Наказнаго Атамана Войска Донского, генерала Покотилло и донского епископа Владиміра, а они исполняли волю Синода и министровъ. Синодъ же и министры дѣлали то, что имъ приказывалъ чрезъ царей «старецъ».

Слѣдили, вели дневники, записывали каждое мое слово и каждый шагъ. Жившая около меня О. В. Лохтина, какъ уже читателю извѣстно, всѣ мѣры принимала, чтобы меня помирить съ Григоріемъ и жить по прежнему.

Она объ этомъ писала царямъ.

Цари чрезъ Вырубову спрашивали совѣта у «старца».

«Старецъ» имъ писалъ: «Серьгу Труханова, отступнека надо карать. Колъ ему въ задницу забитъ, анахтеми», и: «Серьгу Труханова отступнека надо повѣсить такъ, чтобы у него, какъ у собаке, языкъ на сторону высунулся. Григорій».

О. В. Лохтина, однакожъ, надежды на примиреніе не теряла.

Однажды она послала на Штандартъ царямъ такую телеграмму: «Когда полюбите отца Иліодора? Ольга Иліодора».

Цари передали эту телеграмму на разсмотрѣніе «старца». «Блаженный» на обратной сторонѣ телеграфнаго бланка положилъ такую резолюцію: «Ежели собакъ прошать, Серьгу Труханова, то онъ, собака, всѣхъ сетсъ».

Эта телеграмма съ «резолюціей» находится у меня среди другихъ документовъ о дѣятельности Распутина.

И такъ, О. В. Лохтина не успѣвала въ своемъ дѣлѣ. А слѣжка, между тѣмъ, шла, что называется, во-всю...

Синодъ тоже не дремалъ. Онъ, по приказанію «старца», присылалъ увѣщевателей за увѣщевателями, присылалъ миссіонеровъ, благочиннаго Дубровскаго, академика Граціанскаго уговаривать меня не отрекаться отъ «Православной Христіанской Церкви». Я отписывалъ Синоду: «Вы поклоненіемъ «святому чорту» совратили меня изъ Православія, а потомъ увѣщеваете меня итти опять въ лоно вашей церкви. Какъ вамъ не стыдно! Вѣдь это похоже на то, какъ разбойникъ убьетъ человѣка, ограбитъ его карманы, а потомъ кидается на него и цѣлуетъ его закоченѣвшій трупъ. Я мертвъ для васъ, вашей лжи! Отстаньте отъ меня. Скорѣе формально отлучайте меня отъ своей компаніи. Что вы медлите? Или у васъ писцовъ мало? Или бумаги нѣтъ? Или стыдитесь зарегистрировать «отступника», совращеннаго вами же, вашими безстыдными дѣлами... Не скрывайтесь. Пакости своей не спрячете отъ людскихъ взоровъ...»

Синодъ, получая такіе отвѣты на «свои хлопоты о спасеніи моей погибающей души», выходилъ изъ себя и придумывалъ для меня казни...

Но придраться не къ чему было до тѣхъ поръ, пока на помощь не явился облагодѣтельствованный мною бродяга—Иванъ Спицынъ, вскорѣ послѣ предательства отравившійся во время ѣды рыбьимъ ядомъ. Онъ, подкупленный жандармами за 1000 рублей, поѣхалъ въ Петербургъ къ бывшему тамъ «старцу»—Григорію, и 28-го декабря 1913 года, разсказалъ ему о томъ, что я про него говорю, про царей, и про архіереевъ.

«Старецъ» далъ Синоду слово, что онъ засадитъ меня въ Петропавловскую крѣпость, какъ объ этомъ печатали всѣ газеты.

Слово «старца» вскорѣ начало оправдываться.

26-го января 1914 г., по приказанію изъ Петербурга, судебный слѣдователь Корзюковъ безъ всякаго формальнаго повода арестовалъ меня и повезъ въ тюрьму, предложивши мнѣ свободу только подъ 50.000 залога.

Конечно, у меня не оказалось и 500 рублей, не то, что 50.000. Я пожаловался въ Петербургъ, министру юстиціи, считая его, по старой памяти, хорошимъ человѣкомъ. Въ Питерѣ сдѣлали совѣтъ и рѣшили, что я арестованъ по пустяковому поводу; что нужно еще поискать моихъ

«преступленій» и тогда уже, на вполнѣ «законномъ» основаніи, запрятать меня куда-либо подальше, чтобы не было шума и соблазна среди общества.

Меня пока освободили...

О таковомъ намѣреніи правительства Распутина и судебные чины, и полицейскіе говорили вездѣ открыто, никого не стѣсняясь. Корзюковъ, напримѣръ, объ этомъ заявлялъ въ станицѣ Николаевской на въѣзжей квартирѣ, а мѣстный приставъ Быкадоровъ на хуторѣ Большомъ, въ домѣ священника.

Начали искать «преступленія». И искали очень усердно, такъ какъ, вѣдь, приказывалъ самъ Григорій Ефимовичъ Распутинъ-Новыхъ.

Прежде всего они, чтобъ разсчистить мнѣ дорогу въ крѣпость, беззастѣнчиво, нагло оклеветали моего роднаго брата Михаила, будто бы со словъ меня, Иліодора, попосившаго царя...

Въ обвинительномъ актѣ, выданномъ ему, они чаще употребляли мое имя, чѣмъ его...

Оклеветали и посадили на $1^1/_2$ года въ крѣпость...

Посадили и начали открыто бахвалиться:—«вотъ засадили Михаила, а около него уже приготовили камеру и для Иліодора. Онъ отъ нашихъ рукъ не уйдетъ».

Когда я женился, они палили:—«женился! Вотъ мы его не такъ женимъ. Полученъ приказъ изъ Синода засадить его туда, гдѣ и братъ его Михаилъ!..».

По поводу этого шантажа судебныхъ саратовскихъ властей, я нѣсколько разъ обращался къ Щегловитову, но получалъ... краснорѣчивое молчаніе.

Министръ молчалъ, а саратовскіе прокуратура и судъ въ лицѣ прокурора палаты Корчевскаго, прокурора суда Богданова, товарищей его—Нелидова и Веселовскаго, члена суда Алексѣева съ жандармами: знаменитымъ Комиссаровымъ и его помощниками—Орловскимъ, Руженцевымъ и Тарасовымъ, работали во всю для вящшей славы самодержца Григорія Распутина...

Новочеркасскіе прокуроры и слѣдователи поѣхали въ другой округъ, въ городъ Царицынъ, и допрашивали тамъ всѣхъ моихъ почитателей, бывшихъ у меня въ Галилеѣ въ теченіе всего 1913 г. Допрашивали въ полной надеждѣ, что отъ кого-нибудь изъ нихъ можно что-либо узнать о моихъ «преступныхъ дѣяніяхъ». Допросили болѣе 300 человѣкъ, и ничего не нашли.

Допросъ производился съ явною наклонностью въ одну сторону—найти непремѣнно мое «преступленіе».

Такъ, не говоря уже о многомъ другомъ, между прокуроромъ и дѣвицею О. В. Д. произошла такая перепалка:

— Вы—православная?

— Нѣтъ!

— А раньше были православною?

— Да!

— Къ Иліодору ѣздили?

— Ѣздила и жила у него въ гостяхъ двѣ недѣли.

— Въ храмъ теперь не ходите?

— Не хожу!

— Это васъ Иліодоръ научилъ такъ поступать?

— Нѣтъ, Синодъ!

— Какъ такъ?

— 23 сентября 1912 г. я пришла въ храмъ Богу молиться. Синодъ, по приказанію кого-то, благословилъ полицію избить меня. Меня избили: вотъ часть волосъ, у меня вырванныхъ изъ головы, вотъ вся изорванная моя юбка, вотъ выбитый зубъ... Меня полицейскіе выволокли изъ храма. Съ тѣхъ поръ я и не хожу въ храмъ, и никогда не пойду... А отецъ Иліодоръ здѣсь не при чемъ. Его самого совратилъ изъ православія Синодъ и Гришка Распутинъ.

— Это къ дѣлу не относится, вы о дѣлѣ говорите!—заоралъ на бѣдную дѣвушку дикимъ голосомъ прокуроръ.

— Да я же о дѣлѣ и говорю!

— Какое это дѣло! Васъ Иліодоръ совратилъ? Такъ и говорите. Это будетъ дѣло...

— Нѣтъ! Меня совратилъ...

— Замолчите! Уходите! Безтолочь!—кричалъ на дѣвушку и прокуроръ, и слѣдователь.

Не нашедши ничего въ Царицынѣ, судебные чины пріѣхали ко мнѣ на Большой хуторъ. Жили въ захолустномъ селеніи 5 сутокъ и все допрашивали.

Кого же они допрашивали?

По указанію мѣстныхъ священниковъ, весь 1913 годъ слѣдившихъ за мною, они допрашивали всѣхъ, кого я въ продолженіе года лѣчилъ гемеопатіей, съ кѣмъ я встрѣчался на улицѣ, съ кѣмъ здоровался, кто ко мнѣ въ домъ приходилъ, и даже тѣхъ, которыхъ ни я, ни они меня никогда и не видѣли... Допрашивали также моего родного отца и зятя! Всего допросили болѣе 50 человѣкъ.

И опять-таки ничего не нашли.

Больные въ одинъ голосъ заявляли, что я ихъ исцѣлилъ, а всѣ прочіе говорили про меня, что я человѣкъ хорошій; ничего худого отъ меня не слышали и не видѣли.

Тогда прокуроры приступили ко мнѣ.

Допрашивали 20 часовъ.

Спрашивали, между прочимъ: «Неужели тѣ каракули, которые отобралъ у васъ Корзюковъ 26-го января, есть письма Распутина, о которомъ такъ много пишутъ въ газетахъ, и вездѣ говорятъ?

— Да, Распутина. Но тѣ каракули во сто разъ сильнѣе красивыхъ министерскихъ росчерковъ... Пока о моемъ переводѣ изъ Царицына расписывались Столыпины, ничего не выходило: я сидѣлъ тамъ; а какъ только расписался Распутинъ, то я очутился сначала во Флорищевой, потомъ здѣсь, и вотъ вы ко мнѣ пріѣхали...

Чины задумались и, по всей вѣроятности, озадачены были тѣмъ, что вотъ имъ, генераламъ, приходится скучать въ захолустномъ хуторѣ по волѣ какого-то безграмотнаго, простого мужичка...

Они сами прекрасно сознавали, что придираются ко мнѣ, не имѣя на то достаточныхъ основаній, но работали, исполняя волю пославшихъ...

Прокуроръ суда Соколовскій и судебный слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ Лебедевъ говорили при допросѣ мнѣ буквально такъ:—Мы къ вамъ предъявили очень тяжкія обвиненія, по важнымъ статьямъ. Собственно говоря, эти статьи требуютъ ввергнуть васъ въ темницу теперь же, но мы этого не дѣлаемъ, потому что почти нѣтъ никакихъ основаній обвинять васъ въ тѣхъ преступленіяхъ, которыя мы вамъ предъявили...

— Такъ зачѣмъ же ихъ и предъявлять, когда нѣтъ основаній?—горячо спрашивалъ я.

Слѣдователь молчалъ, а прокуроръ, пожимая плечами и сдавливая губы, какъ двѣ лепешки изъ сырого тѣста, произнесъ:—«м-м-м».

Я же мысленно добавлялъ: «(М)-ы дѣлаемъ это потому, что такъ приказано!»

Хотя услужливые Распутину чиновники очень помучились съ открытіемъ моихъ ужасныхъ преступленій, но ихъ трудъ вознагражденъ очень хорошо...

Вскорѣ послѣ того, какъ противъ меня были найдены неоспоримыя «улики», прокуроръ окружного суда Соколовскій назначенъ былъ членомъ Одесской Судебной Палаты,

а прокуроръ Новочеркасской палаты—Прѣсняковъ получилъ чинъ тайнаго совѣтника.

Меня допрашивали 1-го мая.

А 23-го іюня я уже получилъ отъ Новочеркасской судебной палаты пространный обвинительный актъ, которымъ я предавался суду по 73, 74, 103 и 102 статьямъ уголовнаго уложенія, т.-е. меня обвинили въ кощунствѣ, богохульствѣ, оскорбленіи его величества и въ образованіи преступнаго сообщества съ цѣлью произвести рядъ террористическихъ актовъ...

Эти страшныя обвиненія построены на сбивчивыхъ показаніяхъ только трехъ бродягъ: Синицына, козака Сивякова и Кузьмы Кирѣева, которые меня никогда въ одно и то же время не видѣли, а значитъ и ничего, приписываемаго мнѣ, они вмѣстѣ не слышали.

Синицынъ ко времени моего допроса уже отравился рыбою. Кирѣевъ дважды отказался отъ показаній противъ меня, и уже дважды далъ показанія въ мою пользу.

Сивяковъ—воръ и первой степени жуликъ; жилъ у меня въ Галилеѣ только одинъ мѣсяцъ; я его кормилъ и поилъ ради Бога; онъ меня обокралъ: укралъ деньги, револьверъ, варенье, сахаръ, еще кое-что по мелочи, и хотѣлъ сжечь мой домъ, о чемъ самъ заявлялъ полиціи. Я его прогналъ. Онъ пошелъ къ властямъ и разсказалъ, что онъ отъ меня слышалъ въ Галилеѣ.

Не зная и не предвидя, что Сивяковъ былъ около меня никѣмъ другимъ, какъ провокаторомъ, подосланнымъ властями съ цѣлью уловить меня на словахъ, я не стѣснялся его. Иногда ко мнѣ изъ Царицына пріѣзжали гости, и я имъ, въ присутствіи Сивякова, довольно подробно говорилъ о томъ, за что, именно, я пострадалъ...

Бродяга всѣ мои слова моталъ себѣ на усъ, и наученный мѣстными священниками, продолжалъ выводить меня на откровенность самыми непристойными выходками противъ государя, царицы и сановниковъ. Такъ, не было такого дня, чтобъ онъ, садясь за столъ обѣдать или ужинать, не произносилъ такой молитвы: «Помяни, Господи, царя Николашу, жену его Сашу, наслѣдника Алешу косолапаго, всѣхъ его дѣточекъ—косматыхъ дѣвочекъ, Гришу Распутяшу и всю поповскую лохматую братію нашу!»

Произнося эту «молитву», бродяга непрестанно крестился.

А чрезъ мѣсяцъ его у меня пребыванія онъ оказался агентомъ полиціи: свѣтской и духовной.

Мстя ему за допосъ, и желая ослабить силу и значеніе его доноса, я, въ свою очередь, заявилъ властямъ о безобразныхъ словахъ и «молитвѣ» казака Сивякова. Заявленіе свое я подтвердилъ многочисленными свидѣтельскими показаніями и требовалъ суда. Прокуратура и жандармы молчали.

Тогда я обратился къ министру Щегловитову.

Щегловитовъ тоже молчалъ.

И сколько я ни требовалъ суда надъ Сивяковымъ, ничего не вышло.

Ясно, что у властей онъ былъ своимъ человѣкомъ...

Меня же, на основаніи показаній, собственно говоря, только одного человѣка, да и то бродяги, вора, разбойника и провокатора, прокуратура исполняя волю «старца», предала суду палаты.

Получивши обвинительный актъ, я понялъ, что меня хотятъ засадить въ Петропавловскую крѣпость...

Понялъ, и началъ собираться въ дорогу, въ землю иную, за границу...

Предъ самымъ бѣгствомъ я получилъ изъ Петербурга телеграмму съ извѣстіемъ, что Распутинъ въ селѣ Покровскомъ раненъ Хіоніей Гусевой.

Газеты связали мое имя съ именемъ Хіоніи Гусевой, хотя я къ дѣлу покушенія не имѣлъ никакого прямого отношенія.

Хіонію Кузьминичну Гусеву я знаю хорошо; она—моя духовная дочь. Дѣвица—умная, серьезная, цѣломудренная и трудолюбивая. Начитана очень въ священномъ писаніи, и на почвѣ этой начитанности она кое-когда немного заговаривается... До 18 лѣтъ она была очень красива лицомъ, а потомъ сдѣлалась уродомъ: у нея отпалъ носъ. Сама она объясняетъ это тѣмъ, что она молила Бога отнять у нея красоту. И Онъ отнялъ. Просто, она, во время паломничества по святымъ мѣстамъ, ночуя по ночлежнымъ домамъ въ большихъ городахъ, заразилась скверною болѣзнью, сифилисомъ, и сдѣлалась уродомъ.

Въ теченіе 1913 года она два раза была у меня въ «Новой Галилеѣ». Во время бесѣдъ о причинахъ моей ссылки и ея послѣдствіяхъ, я много разсказывалъ ей, какъ и другимъ гостямъ, о «блаженномъ» Распутинѣ. Она часто прерывала мои рѣчи и горячо, горячо говорила:—«дорогой батюшка! Да Гришка-то настоящій діаволъ. Я его заколю! Заколю, какъ пророкъ Илья, по повелѣнію Божію, закололъ 450 лож-

ныхъ пророковъ Вааловыхъ! А Распутинъ еще хуже ихъ. Смотрите, что онъ дѣлаетъ. Батюшка, благословите съ нимъ раздѣлаться!»

Я, чтобы испытать твердость ея намѣренія, обычно спрашивалъ у нея: «Ѳіонушка! Зачѣмъ такъ говорить? Зачѣмъ это дѣлать? Вѣдь—это грѣхъ. Это—пролитіе крови человѣческой!»

— О, батюшка! Нѣтъ, нѣтъ! Архіереи и цари попрали, по приказанію Распутина, всѣ наши святыни. Какъ разбойники лишили насъ послѣдняго утѣшенія духовнаго, разрушили нашъ монастырь, отняли у насъ добраго пастыря и прекраснаго проповѣдника, а мы будемъ исполнять то, чему они насъ учатъ. Нѣтъ! Пусть дураки ихъ теперь слушаютъ, а мы поумнѣли. Никакого нѣтъ грѣха, если заколоть Гришку Распутина. Я его порѣшу, непремѣнно порѣшу!

Въ такихъ случаяхъ я только думалъ: «эта дѣвушка все можетъ сдѣлать! Она понимаетъ, въ чемъ дѣло!»

Такъ какъ вообще съ мнѣніемъ Гусевой о раздѣлкѣ съ Гришкой я былъ согласенъ, то не препятствовалъ, когда въ октябрѣ мѣсяцѣ 1913 года среди моихъ гостей образовалась компанія изъ обиженныхъ Распутинымъ дѣвушекъ и женщинъ для оскопленія «блаженнаго старца». Компанія эта уже была готова къ «дѣлу», уже были пошиты великосвѣтскія платья, какъ явился предатель Синицынъ. Онъ донесъ объ этомъ Распутину... И дѣло провалилось...

Хіонія же Гусева тогда же рѣшила дѣло поставить на очередь, и хотя одной, а довести его до конца...

По имѣющимся у меня вѣрнымъ свѣдѣніямъ, Гусева сдѣлала свой подвигъ такъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ она прочитала въ газетахъ сокращенное мое письмо царямъ о Распутинѣ отъ 25 января 1912 года. Прочитала заявленіе Синода, что онъ де не можетъ судить Распутина за преступленія, перечисленныя въ моемъ прошеніи Синоду отъ 17 апрѣля 1914 года. Въ томъ прошеніи я, требуя отъ Синода отлученія меня отъ церкви, какъ Синодъ обѣщался это сдѣлать еще при снятіи съ меня сана, заявлялъ, что я отрекся отъ православія и вообще всякой ложной религіи потому только, что Синодъ поклонился «святому чорту». А дѣла чорта вотъ каковы. Синодъ его долженъ судить...

Синодъ, однако, по обыкновенію, лукаво уклонился отъ суда надъ Распутинымъ, ссылаясь на то, что его преступленія—дѣло свѣтскаго суда...

Свѣтскій же судъ къ этому дѣлу не приступалъ, полагая, что оно подлежитъ Синоду. Ну, однимъ словомъ, Иванъ кивалъ на Петра, а Петръ на Ивана. А всесильный «старецъ» продолжалъ работать и работать, и даже бахвалиться. На заявленіе сотрудниковъ, что Иліодоръ собирается писать за границей книгу о немъ, Распутинъ задорно отвѣчалъ: «а пускай себѣ пишетъ, коли хочетъ. Его пѣсня спѣта, а я ужо ничего и никого не боюся!»

Все это прочитывала рѣшительная Х. К. Гусева.

Она возмутилась содержаніемъ письма моего къ царямъ, возмутилась лукавствомъ Синода и министерства юстиціи, трепещущихъ предъ «старцемъ», возмутилась безмѣрнымъ бахвальствомъ Распутина, и рѣшилась положить конецъ своимъ колебаніямъ и своимъ судомъ, судомъ геройскимъ, раздѣлаться съ слугою сатаны, издѣвающимся надъ святымъ религіознымъ чувствомъ народнымъ, надъ женскою честью и, несмотря на все это, свободнымъ отъ всякаго земного суда.

Рѣшилась, купила у черкеса кинжалъ и выѣхала изъ Царицына въ Ялту. Выѣзжала она въ то время, когда Распутинъ, окруженный великосвѣтскими хапжами и безчестными карьеристами, отъѣзжалъ изъ Ялты въ Петербургъ и съ площадки вагона 1-го класса торжественно заявлялъ, что онъ-де встрѣтится съ провожающими въ сентябрѣ, но при весьма знаменательныхъ обстоятельствахъ.

Безъ сомнѣнія, онъ разумѣлъ рѣшеніе Николая воевать съ Австріей, по приказанію его, «великаго праведника».

Въ Ялтѣ Гусева, конечно, не застала Распутина. Узнавши отъ газетчиковъ, что «старецъ» прослѣдовалъ въ Петербургъ чрезъ Москву, она тоже направилась въ Питеръ. Въ Питерѣ ей тоже газетчики сказали, что Распутинъ уже уѣхалъ въ село Покровское. Гусева повѣрила этому, такъ какъ и въ газетахъ прочла подробное описаніе отъѣзда Распутина изъ Питера въ Сибирь, и поѣхала по его слѣдамъ.

Пріѣхала въ Покровское, но узнала, что «блаженный» еще въ Петербургѣ, и что газетчики, подговоренные, по обыкновенію, «старцемъ», врали о его отъѣздѣ.

Гусева десять дней жила въ Покровскомъ, поджидая «старца».

Въ концѣ іюня Григорій съ большою помпою двинулся изъ Петербурга.

На пути, въ Перми, епископъ Палладій, желая снискать благоволеніе всесильнаго «старца», чтобы получить

каѳедру пожирнѣе, устроилъ ему торжественную встрѣчу въ парадныхъ комнатахъ вокзала.

Вскорѣ послѣ этого Палладій изъ захудалой Пермской епархіи былъ переведенъ въ центральную, богатую, почетную Саратовскую.

Когда Григорій пріѣхалъ въ Покровское, Гусева подошла къ нему и пырнула его ножомъ...

Гусеву арестовали.

Распутина положили въ больницу.

Цари прислали ему въ Тюмень двѣ телеграммы: «скорбимъ о случившемся и молимся усердно Богу», и: «радуемся благополучной операціи».

Откликнулись на «несчастье» старца многіе сановники, архіереи и просто почитатели.

Архіепископъ Питиримъ, котораго «старецъ» провелъ въ экзархи Грузіи, прислалъ Григорію такую телеграмму: «пусть ваше выздоровленіе послужитъ нравственнымъ оздоровленіемъ для тѣхъ людей, которые думаютъ распространять христіанство огнемъ и мечемъ».

Самъ Григорій, лежа на больничной койкѣ, телеграфировалъ своимъ друзьямъ въ Петербургъ: «кака-то стерва пырнула меня ножомъ, но съ Божіей помощью остался живъ. Григорій».

20-го августа «старецъ» выписался изъ больницы. И сейчасъ же явился въ Петербургъ. Здѣсь его, по сообщенію мнѣ одного виднаго русскаго писателя, встрѣтили очень торжественно, во-первыхъ, какъ «невинно пострадавшаго», а во-вторыхъ, какъ «пророка, предсказанія котораго сбываются».

Теперь «старецъ» хлопочетъ о томъ, чтобы Хіонію Гусеву не судили. Боится «блаженный» обнаруженія на судѣ своихъ темныхъ подвиговъ...

2-го іюля я, несправедливо обвиненный Распутинымъ въ подсылкѣ къ нему убійцы, покинулъ родину и, переодѣтый въ женское платье, бѣжалъ за границу.

19-го іюля с. с. 1914 года я перешелъ рѣку Торнео, около г. Торнео, четырьмя километрами выше таможни и пограничной стражи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
1. Мое знакомство съ Распутинымъ.	3
2. Жертвы «старческой» дѣятельности Распутина.	65
3. Распутинъ—неофиціальный русскій царь и патріархъ	94
4. Компанія противъ Распутина.	125

Книгоиздательство „ЗАДРУГА“.

Имѣется въ продажѣ серія народныхъ брошюръ подъ общимъ заглавіемъ:

„ВОЙНА и ТРУДЪ“.

1. **Н. П. Огановскій.** Отчего загорѣлась великая европейская война. Изд. 5-е. 32 стр. Цѣна 15 коп.
2. **К. В. Сивковъ.** Великая европейская война сто лѣтъ назадъ и теперь. 32 стр. Цѣна 8 коп.
3. **С. И. Бондаревъ.** Будемъ трезвы. 32 стр. Цѣна 8 коп.
4. **Николай Огановскій.** Враги ли русскому народу евреи. Изд. 2-е 48 стр. Цѣна 20 коп.
5. **Е. А. Звягинцевъ.** Волостное земство.

Печатается:

6. **Н. Огановскій.** Война и народное хозяйство.

Его же. Индивидуализація землевладѣнія въ Россіи. Цѣна 50 коп.

Діонео. Неприкосновенность личности и жилища. Цѣна 4 коп.

Его-же. Свобода печати. Цѣна 5 коп.

Пѣшехоновъ, А. В. Земельныя нужды деревни и основныя задачи аграрной реформы. 3-е изд. Цѣна 60 коп.

Его-же. Къ вопросу объ интеллигенціи. Цѣна 25 коп.,

Его-же. Программные вопросы. Вып. I. Основныя положенія. Цѣна 10 коп.

Его-же. На очередныя цѣны. 1904—1909 г.г. Сборникъ статей Цѣна 1 руб. 50 коп.

Кн. Львовъ, Г. Е. и Полнеръ, Т. И. Наше земство и 50 лѣтъ его работы. Изд. 12-е. Цѣна 12 коп.

Волкова, Е. Другъ рабочихъ. (Историч. очеркъ изъ жизни и дѣятельности Р. Оцена). Цѣна 15 коп.

Огановскій, Н. П. Закономѣрность аграрной эволюціи. Т. I. Теоріи капиталистическаго развитія. Общій ходъ и фазисы аграрной эволюціи. Т. II. Очерки по исторіи земельныхъ отношеній въ Россіи (удостоено почетнаго отзыва Имп. Академіи Наукъ). Т. III. Обновленіе земледѣльческой Россіи и аграрная политика. Цѣна 1 т. 1 р. 60 к.; II т. 2 р. 50 к.; III т. 2 р.

Москва, М. Никитская, д. 29. Телеф. 4-50-61.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1917 г.

—— НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ——

ИСТОРІИ и ИСТОРІИ ЛИТЕРАТУРЫ

„ГОЛОСЪ МИНУВШАГО“

(5-й годъ изданія).

Журналъ посвящается разработкѣ вопросовъ исторіи и исторіи литературы русской и всеобщей.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

I. Статьи по вопросамъ русской и всеобщей исторіи, исторіи литературы, философіи, искусства и археологіи.
II. Мемуары, записки, дневники и письма современниковъ.
III. Матеріалы по исторіи, исторіи литературы и т. д.
IV. Историческая беллетристика.
V. Біографіи русскихъ и иностранныхъ дѣятелей.
VI. Критика и библіографія.
VII. Новости русской и иностранной науки.
VIII. Обзоръ журналовъ русскихъ и иностранныхъ.
IX. Хроника.

Журналъ ИЛЛЮСТРИРУЕТСЯ картинами изъ прошлаго и портретами дѣятелей русскихъ и иностранныхъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ

(съ 1-го мая) съ доставкой и пересылкой въ Россіи: на годъ 23 руб., на $^1/_2$ года 12 руб., на 3 мѣсяца 6 руб. 50 к., за границу 25 руб.

—— **Перемѣна адреса 40 коп.** ——

Въ ОТДѢЛЬНОЙ ПРОДАЖѢ книга журнала 2 руб. 50 к.

Комплекты за прежніе годы по 8 руб.: 1913 г. (безъ № 1), 1914 г., 1915 г. (безъ №№ 4, 5, 6 и 12). 1916 г. (безъ № 3)—12 р. На пересылку накладывается платежъ.

ПОДПИСЧИКИ на 1917 г. имѣютъ право пріобрѣсти на льготныхъ условіяхъ историческія изданія „ЗАДРУГИ“.

Подписка принимается:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала (складъ книгоиздательства «Задруга», Малая Никитская, д. № 29; тел. 4-50-61).

Въ отдѣленіи конторы: **Петроградъ**, Фонтанка, 80. Книгоиздательство «ОГНИ».

Адресъ редакціи: Москва, Гранатный, 2, кв. 31.

ПРІЕМЪ ПО ДѢЛАМЪ: вторникъ, отъ 3 до 5 час.

Отд. Редакціи въ Петроградѣ: В. О., 3 линія, д. 59., кв. 12. Пріемъ ежедневно отъ 6 до 7 ч. веч.

Редакторъ-издатель **С. П. МЕЛЬГУНОВЪ.**

Цѣна 3 руб.

2007237904